

*АЛЕКСЕЙ
КРУЧЕННЫХ*

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

Гуманитарное агентство
"Академический проект"

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
РОМАНЫ
ОПЕРА**

Санкт-Петербург

2001

Редакционная коллегия
А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Зорин,
А. В. Лавров, А. М. Панченко, И. Н. Сухих,
Р. Д. Тименчик

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и примечания
С. Р. КРАСИЦКОГО

Рецензент *Т. Л. Никольская*

Институт русской литературы благодарит
Администрацию Санкт-Петербурга,
Правительство РФ и Всемирный банк
за помощь в осуществлении настоящего издания

ISBN 5-7331-0223-3

© *С. Р. Красицкий, вступ. статья,
состав, примеч., 2001*

© *Гуманитарное агентство
«Академический проект», 2001*

О КРУЧЕНЫХ

жижа сквернословий
мои крики самозванные
не надо к ним предисловья
— я весь хорош даже бранный!

А. Крученых

Ты из нас самый упорный, с тебя пример брать.

Б. Пастернак

«Бука русской литературы»¹, «enfant terrible»² русского футуризма, «футуристический иезуит слова»³, Алексей Крученых — одна из ключевых фигур и, пожалуй, самый последовательный в своих радикальных устремлениях деятель русского авангарда. Можно с уверенностью утверждать, что никто из русских литераторов XX века не встретил среди современников такого стабильного непонимания, не подвергался такой уничижительной критике и, в конечном счете, такой несправедливой оценке, как Крученых. Притом это непонимание (или демонстративное непризнание), при очевидном интересе к деятельности поэта, не было лишь сиюминутной, быстро прошедшей реакцией, а растянулось на несколько долгих десятилетий и, по сути, охватило несколько литературных эпох. Впрочем, такого рода «реакция отторжения» вряд ли объяснима лишь идеологическими причинами (как это было в советский период), но обусловлена и многими

имманентными свойствами творчества Крученых, той принципиально «крайней» позицией, которой он придерживался на протяжении своего более чем полувекового творческого пути. Репутация безнадежного маргинала, неутомимого графомана, непреодолимого экспериментатора, исступленного полемиста, который, казалось, не мыслил своего пребывания в искусстве вне состояния перманентного спора и ниспровержения авторитетов (что зачастую создавало впечатление абсолютной самодостаточности этого спора, так сказать, спора «как такового») — все это делало позицию Крученых весьма уязвимой и как бы предназначенной для осуждения, осмеяния, неприятия. Без напряженного желания понять, вникнуть в суть, смысл, пафос творчества поэта, без «методологического доверия»⁴ (по выражению П. Флоренского) к деятельности автора, столь необходимого при обращении к литературному наследию Крученых (в силу исключительной специфики материала), без осознания того, что к его поэзии невозможно подходить как к «просто поэзии», так как при чтении необходимо учитывать множество дополнительных условий, вырабатывая тем самым особую методику чтения, — без всего этого действительно невозможно более или менее адекватное восприятие феномена Крученых. И в этом смысле реакция большинства критиков на творчество «дичайшего»⁵ (по самоопределению) из поэтов представляется в целом естественной и закономерной. Однако сейчас, при возможности более целостного рассмотрения пути русской литературы (или какой-то, весьма значительной, ее части) в XX веке, вплоть до наиновейших тенденций, становится очевидным не только самодостаточный характер поэтических экспериментов Крученых как историко-культурного явления определенного периода, периода классического русского авангарда, но и безусловно перспективный, а в

чем-то и провидческий характер его деятельности. Это касается и влияния, прямого или опосредованного, на творчество поэтов последующих поколений, и того факта, что Крученых одним из первых поставил и по-своему пытался разрешить вопрос о совершенно новых принципах существования литературы как искусства слова в контексте реальных, возникших именно в XX веке, о взаимоотношениях литературы с другими видами искусства и иными областями человеческого бытия.

1

Алексей Елисеевич Крученых родился в 1886 году в крестьянской семье в поселке Оливское Вавиловской волости Херсонской губернии. После окончания Одесского художественного училища он в 1906 году получает диплом учителя графического искусства. Художественное образование и профессиональное занятие живописью для будущей литературной практики Крученых будут иметь исключительно важное значение; для обозначившегося через несколько лет в виде сплоченной группы русского футуризма это вообще станет важнейшим явлением, поскольку одним из основных принципов литературной практики «будетлян» (предложенный В. Хлебниковым русский синоним слова «футуристы») будет ориентация литературы на методологические принципы новейшей живописи, выразившаяся в хлебниковском призыве: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью»⁶.

По-видимому, важным для творческой судьбы Крученых стало знакомство в Одессе (около 1904 — 1905 гг.) с Давидом Бурлюком (настолько, насколько судьбоносными стали и последующие знакомства с будущим «отцом русского футуризма» Владимира Мая-

ковского, Бенедикта Лившица и некоторых других участников футуристического движения). Пока же, до фактического формирования шумной футуристической компании, произошедшего весной 1912 года, Крученых участвует в художественных выставках «Импрессионисты» (Санкт-Петербург) и «Венок» (Херсон), выступает как художник в печати, публикует ряд работ по вопросам живописи, а также художественную прозу.

Первое поэтическое произведение Крученых появилось в газете «Херсонский вестник» в начале 1910 года. Стихотворение «Херсонская театральная энциклопедия» мало чем отличается от многих других поэтических фельетонов, типичных для периодической печати. Но зная дальнейшую творческую судьбу его автора, уже в нем можно рассмотреть некоторые контуры литературной позиции Крученых: осознание и утверждение себя в полемике, борьбу со стереотипами, взгляд на жизненные явления и явления искусства, направленный как бы со стороны, с краю, сбоку, в особом, неожиданном, непривычном ракурсе. Такой позиции он останется верен всегда (при этом постоянно меняя угол наблюдения). Через полтора десятка лет Б. Пастернак, характеризуя эту «крайность», «пограничность» эстетического кредо Крученых, напишет, обращаясь к нему: «Роль твоя в нем <в искусстве. — С. К.> любопытна и поучительна. Ты на его краю. Шаг в сторону, и ты вне его, т. е. в сырой обывательщине, у которой больше причуд, чем принято думать. Ты — живой кусочек его мыслимой границы»⁷.

Говорить о литературных «учителях» Крученых, об авторах, наиболее сильно повлиявших на его творчество, довольно сложно. Сам он о своих литературных пристрастиях открыто не высказывался ни в теоретических, ни в мемуарных работах, да и вряд ли этого можно было ожидать от одного из тех, кто бросал «с Парохода совре-

менности» практически всю предшествующую и современную литературу. Однако, как известно, развитие существующих тенденций и традиций может диалектически проявляться и в отрицании их, отталкивании от них, попытках их преодолеть. Да и одно дело — безапелляционные требования манифестов и деклараций, другое — литературная практика (ведь признавался же в своих воспоминаниях Б. Лившиц, что и в то время он «спал с Пушкиным под подушкой»: «...да я ли один? Не продолжал ли он и во сне тревожить тех, кто объявлял его непонятнее гиероглифов?»⁸). Крученых же, как никто из русских футуристов, отличался постоянным напряженным вниманием к русской литературе. Другое дело, что он опять-таки выбирает особый, специфический подход к ней (например, с точки зрения борьбы русских писателей с «чортом»⁹, в аспектах «сдвигологии»¹⁰ или анальной эротики¹¹): с одной стороны, это предполагало новый, свежий взгляд на, казалось бы, всем давно известное, а с другой, должно было способствовать дискредитации классиков или виднейших писателей-современников (прежде всего — символистов) и утверждению новейшего искусства, в том числе в лице самого себя («на смену русским литераторам пришли речетворцы — баячи будетл<ян>е»¹²).

В случае с Крученых о его литературных симпатиях, по-видимому, можно судить по тому, кто из писателей чаще становился объектом его нападок в поэтических и теоретических работах. Особый интерес, естественно, к «началу всех начал». И уже в первой стихотворной книге Крученых, созданной в соавторстве с В. Хлебниковым поэме «Игра в аду» (1912), которую сам автор охарактеризовал как «ироническую, сделанную под лубок, издевку над архаическим чертом»¹³, очевидна апелляция авторов к пушкинской традиции (об этом позже писал и

Р. Якобсон¹⁴). Позже, в «Заумной гниге», Крученых предложит свой вариант «Евгения Онегина», изложенного в две строчки; еще позже Пушкин окажется уже союзником Крученых при разработке им теории «сдвигологии»¹⁵. Известен интерес русских футуристов к иррациональному, алогичному, абсурдному миру произведений Гоголя¹⁶. Неоднократно упоминается в работах Крученых Лермонтов. Из современников от Крученых больше всех достается Федору Сологубу (по Крученых — «Сологубешке»¹⁷): «разбуженная саранча <то есть нечистая сила. — С. К.> сонно схватила Салогуба и пожевав губами изbleвала его и вышел он из ее рта сморщенным рыхлым и бритым»¹⁸; «недаром в некоторых губерниях *сологубить* и значит заниматься онанизмом!»¹⁹ На «Первом в России вечере речетворцев», состоявшемся в Москве в октябре 1913 года, Крученых (можно допустить, что вполне искренне) назвал Ардальона Передонова из романа «Мелкий бес» единственным положительным типом в русской литературе, потому что тот «видел миры иные <...> он сошел с ума»²⁰. И пожалуй, воздействие именно Сологуба (интонации, мотивы, язык — столь характерное косноязычие) ощутимо в стихотворениях Крученых, вошедших в книги «Старинная любовь» (М., [1912]) и «Бух лесиный» (СПб., [1913]). Впрочем, он и сам позже признался, что в своих первых поэтических опытах занимался «нефтеванием болот сологубовщины»²¹.

Для русского футуризма, особенно для наиболее радикальной и боевой из его групп — кубофутуристов — вообще было характерно осознание и утверждение себя прежде всего через отрицание. Нигилистические, внешне деструктивные тенденции, особенно поначалу, доминировали в живописи, в литературе, в теоретических работах, в поведенческой практике «будетлян». Вот и основные символистские образы заменяются в поэзии футуристов

«мертвым небом», звездами-«червями», луной-«вошью» Давида Бурлюка, побежденным солнцем и гибнущим миром Алексея Крученых, звездами-«плевочками» и «облаком в штанах» Владимира Маяковского. Вместо идеальной «вечной женственности» — «простая славная» Зинка или «маша с рожей красной» (или же вообще провозглашение «подлого презрения к женщине и детям»²²). А еще — апология «свинофильства», книги, изданные на обойной или оберточной бумаге, скандальные, провоцирующие выступления, нередко заканчивающиеся скандалами и вмешательством городского, вызывающий внешний вид (раскрашенные лица, морковь в петлице, «желтая кофта» Маяковского и т. д.). Искусство таким образом преодолевало черту, традиционно отделяющую его от жизни, оно самым решительным образом вторгалось в жизнь, воздействовало на жизнь, становилось частью жизни. Жизнетворчество, решительное, революционное преобразование действительности — такова была сверхзадача футуризма, — цель, безусловно, как считали сами «будетляне», оправдывающая средства. И неважно, какова была реакция презренного обывателя (смех, раздражение, возмущение, высокомерная брезгливость, желание с помощью закона приструнить «рыцарей зеленого осла»²³) — главное, что эта реакция была. «Мне нравится ужас гг. Чуковских, Редько и Философовых перед «свинофилами», — писал Крученых. — Да, Вашу и красоту и разум, женщину и жизнь мы вытолкали вон зовите нас разбойниками, скучными, хулиганами!..»²⁴ И поэтому многое в футуристической практике делалось по принципам «Вам!» и «Нате!»; отсюда же — явно гипертрофированный у многих футуристов антропоцентризм (еще один принцип — «Я!»), и хотя этот «принцип» обычно справедливо связывается с личностью В. Маяковского, без сомнения, он был представлен и в

творчестве его соратников, в том числе и у Крученых, хотя и в весьма своеобразной, определяемой личностными качествами и решаемыми задачами форме.

Вообще, в совокупности группа «будетлян» представляла собой, по-видимому, весьма впечатляющий ансамбль, состоящий из колоритных фигур, каждой из которых — и в искусстве, и, так сказать, в жизни — была отведена индивидуальная, контрастная по отношению к другим роль. И сейчас трудно с уверенностью определить, что в позиции, в поведении того или иного футуриста было истинным, искренним проявлением личностных качеств, а что было результатом сознательной и целенаправленной работы по созданию имиджа, продуманной или стихийной игры на публику, бравады, гаерства — в принципе, это и не важно, да и эту самую публику меньше всего волновал вопрос об «искренности» футуристов. Во многочисленных репортерских отчетах, на запечатлевших их фотографиях, в мемуарной литературе — они так и остались навсегда: вальяжный, одноглазый, с лорнетом в руках, циничный и ничем не прошибаемый Давид Бурлюк; мощный, готовый, кажется, все сокрушить на своем пути, громогласный, «красивый двадцатидвухлетний» Владимир Маяковский; тихий гений, отрешенный, по видимости, от всего мирского, постоянно пребывающий в своем внутреннем мире и напряженно бьющийся над загадками вселенского масштаба Велимир Хлебников. А рядом (опять — рядом, сбоку, не в центре) — юркий, вертлявый, непоседливый, этакий хитрый «смеюнчик» из знаменитого хлебниковского стихотворения, да еще со столь выразительной фамилией — Крученых. Его именуют «свинофилом»²⁵, — а он и соглашается. Его называют сумасшедшим, призывают отправить его в дом для умалишенных, — он сам с радостью отправляется «на Удельную» и возбраняет читать свои книжки «в здравом уме»²⁶.

Но если Крученых и вызывал смех, то это зачастую был смех напряженный, нервный, граничащий с ощущением опасности, даже страха. Кроме этого в нем видели одну из показательных персонификаций футуризма, один из ликов «Грядущего Хама» (по выражению Д. Мережковского)²⁷. И воспринимали его тогда вполне всерьез.

2

Творческие и человеческие взаимоотношения Крученых с Хлебниковым — особая тема. Начавшееся в 1912 году, их сотрудничество оказалось продолжительным и плодотворным, несмотря на неровность личных отношений. Поэма «Игра в аду» (М., 1912) — первая совместная работа и одновременно первая увидевшая свет книга обоих поэтов²⁸. Крученых вспоминал: «В одну из следующих встреч, кажется, в неряшливой и студенчески-голой комнате Хлебникова, я вытащил из коленкоровой тетрадки (зампортфеля) два листка — наброски, строк 40—50, своей первой поэмы «Игра в аду». Скромно показал ему. Вдруг, к моему удивлению, Велимир уселся и принялся приписывать к моим строчкам сверху, снизу и вокруг — собственные. Это было характерной чертой Хлебникова: он творчески вспыхивал от малейшей искры. Показал мне испещренные его бисерным почерком странички. Вместе прочли, поспорили, еще поправили. Так неожиданно и произвольно мы стали соавторами»²⁹. Далее последовали несколько общих поэтических сборников, работа над новой, незавершенной поэмой «Бунт жаб», совместные теоретические разработки. В какой-то степени символично, что опера «Победа над солнцем», текст которой написал Крученых, открывалась хлебниковским прологом («Чернотворские вестушки»).

В октябре 1920 года, обращаясь к Крученых, Хлебников писал:

Игра в аду и труд в раю —
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время?
Сим победиши!

(«Алеше Крученых»)

А осенью 1921 года, незадолго до своей смерти, Хлебников создал чрезвычайно выразительный и вместе с тем психологически точный портрет Крученых:

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чёных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англиза, крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза,
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выпады личные любите.
Вы очарователь<ный> писатель —
Бурлюка отрицатель<ный> двойник.

(«Крученых»)

И хотя к этому стихотворению в рукописи Хлебникова приписано карандашом: «Опасен»³⁰, — вряд ли в этом можно увидеть негативную характеристику, данную Председателем Земного Шара своему соратнику, — во многом это вполне соответствует кредо самого Крученых.

Можно сказать, что сотрудничество поэтов не закончилось со смертью Хлебникова в 1922 году: благодаря усилиям Крученых увидели свет многие произведения «Велимира Грозного» (в частности он был инициатором тридцати стеклографированных сборников «Неизданный Хлебников», выпущенных им же организованной «Группой друзей Хлебникова»).

3

1912 — важнейший год в литературном становлении Крученых. Кроме книг «Игра в аду» и «Старинная любовь», о которых Н. Харджиев писал, что в них «контраст противоположных стилевых планов ощущается <...> настолько слабо, что позволяет воспринимать» их «и как традиционный жанр любовной лирики, и в аспекте авторской иронии»³¹, выходит и абсолютно новаторский сборник «Мирсконца». Само же понятие «мирсконца» стал одним из ключевых принципов эстетики футуризма (не случайно позже Хлебников так же назовет одну из своих пьес); в нем — нарушение привычной хронологии, отказ от однонаправленного, векторного движения времени от прошлого к будущему, отрицание общепринятых связей и причинно-следственных отношений, усугубление алогизма, непредсказуемости, выход за пределы традиционных позитивистских представлений, приведший к своеобразному футуристическому агности-

цизму. К тому же в некоторых произведениях сборника «Мирсконца» появляются слова, лишенные какого-либо «определенного значения». Следующий шаг напрашивался сам собой.

Тем более что в декабре 1912 года увидел свет знаменитый альманах «Пощечина общественному вкусу», открывавшийся манифестом, в котором среди немногих позитивных требований («прав поэтов») под номером один значилось «увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово — новшество)»³². Вопрос о слове был выдвинут в качестве основного.

Вообще, отношение к слову выявляло главное в поэтической практике трех основных литературных направлений начала века (символизм, акмеизм, футуризм), оно определялось мировоззренчески и определяло эстетику. Футуристы поставили слово в ряд других материальных явлений действительности, приравнивали его к вещи, на которую можно прямо воздействовать, которую можно изменять, деформировать, переделывать по своему желанию и разумению. И футуристы, с их решительным желанием переустройства мира, энергично взялись за слово. Хлебников, в присущей ему манере решать проблемы глобально, предпринял грандиозную попытку создания нового (в перспективе — вселенского) языка, взяв за основу славянский, сохраняя при этом существующие законы словообразования и используя уже имеющийся в языке набор морфем. Созданные Хлебниковым слова наделялись новым объективным смыслом, они были семантически зафиксированы и рационалистически обоснованы; даже отдельные фонемы Хлебников нагружал определенным (цветовым) значением.

Путь Крученых был иной, во многом противоположный хлебниковскому³³. Позже он вспоминал: «В конце

1912 г. Д. Бурлюк как-то сказал мне: «Напишите целое стихотворение из “неведомых слов”». Я и написал «Дыр бул щыл», пятистрочие, которое и поместил в готовившейся тогда моей книжке «Помада» (вышла в начале 1913 г.). В этой книжке было сказано: стихотворение из слов, не имеющих определенного значения. Весной 1913 г., по совету Н. Кульбина, я (с ним же!) выпустил “Декларацию слова, как такового” (Кульбин к ней присоединил свою небольшую), где впервые был возведен заумный язык и дана более полная его характеристика и обоснование»³⁴. Учитывая основополагающее значение «Декларации слова, как такового» для творчества Крученых, для его последующих теоретических изысканий, а также для деятельности всей заумной школы, обозначившейся в русской литературе несколько позже, думается, есть смысл полностью воспроизвести ее текст (вышла в виде листовки в Санкт-Петербурге в 1913 году):

ДЕКЛАРАЦИЯ СЛОВА, КАК ТАКОВОГО

4) мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения, (не застывшим), заумным. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (Пример: го оснег кайд. и т. д.)

5) Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена.

2) согласные дают быт, национальность, тяжесть, глас-

ные — обратное — вселенский язык. Стихотворение из одних гласных:

о е а
и е е и
а е е ъ

3) стих дает (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка)

Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр. Ш — I — I — Ш).

Поэтому переводить с одного языка на др. не л ь з я , можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник. Бывшие д. с. п. переводы лишь подстрочники, как художественные произведения, они — грубейший вандализм.

1) Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот.

6) Дава я н о в ы е с л о в а , я приношу новое содержание, где в с е стало скользить (условность времени, пространства и проч. Здесь я схожусь с Н. Кульбиным, открывшим 4-е измерение — тяжесть, 5-е — движение и 6 или 7-е время).

7) В искусстве могут быть неразрешенные диссонансы — «неприятное для слуха» — ибо в нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый. Пример дыр бул щыл и т. д.

8) Всем этим искусство не суживается, а приобретает новые поля.

Алексей (Александр) Кручёных

Примеч. 1) Высказанное в тезисах 3, 6 и 7 совпадает с мыслями Н. Кульбина.

2) Руководящие положения этой декларации, принимаемые нашими «критиками» за положение футуризма, были высказаны задолго до его появления в России в лекциях Н. Кульбина в Петербурге в 1907—8 гг. и практически осуществлены на выставках Δ , Венок и др. и в книгах «Садок Судей I» (1908 г.) и «Студия импрессионизма» (1910 г.) (футуризм появился в 1910 г.).

А. Кручёных

19-е апреля 1913 г.

Заумное слово у Крученых лишается определенной семантики; в слове обнаруживаются (или слову навязываются) новые значения, дающиеся не через объективный, зафиксированный «смысл», а через субъективное (преимущественно эмоциональное — в противовес рациональному) восприятие звука или буквы; как результат — предельно актуализируется фоническая и графическая стороны слова, принимающие доминирующий, самодовлеющий характер в процессе его выражения и восприятия. Заумная поэзия апеллировала к интуиции, к подсознанию, к чувствам. «Переживание, — писал Крученых, — не укладывается в слова (застывшие, понятия) — муки слова — гносеологическое одиночество. Отсюда стремление к заумному свободному языку (см. мою декларацию слова), к такому способу выражения прибегает человек в важные минуты»³⁵. Вариантов интерпретации заумных произведений в принципе может быть сколько угодно — по количеству читателей или слушателей (ведь часто такого рода поэзия — как и поэзия футуристов вообще — была рассчитана на чтение вслух)

и «толкования» этих произведений методологически могут быть диаметрально противоположными (см. в настоящем издании примечание к стихотворению «Дыр бул щыл...»): от вполне рационалистических (и наиболее сомнительных) до субъективно-эмоциональных. И хотя иногда Крученых для обоснования своих изысканий приводил в качестве сходных примеров «заумные» по своей природе глоссолалии русских сектантов (хлыстов)³⁶, хотя футуристы и находили типологически близкие зауми явления в русском фольклоре (так, у Хлебникова в стихотворении «Ночь в Галиции» русалки вполне «заумно» поют по «учебнику Сахарова», то есть по монументальному исследованию И. П. Сахарова «Сказания русского народа»), главный пафос зауми — все же выход за пределы *ratio* (но без болезненного уклона в безумие), и как сверхзадача — преодоление, как уже было сказано выше, «гносеологического одиночества», в то время как «умные языки уже разъединяют»³⁷: «Мы, московские баячи бюджетяне (вернее — единственные в мире, ибо у итальянцев и наших само-блудистов средства не оправдывают цели) впервые дали миру стихи на заумном, вселенском и свободном языках»³⁸. Ведь в конце концов, «несмотря на всю свою “бессмысленность” мир художника более разумен и реален чем мир обывателя даже в обывательском смысле»³⁹. Что же до «гносеологии», то нельзя не отметить повышенный интерес Крученых в разные периоды его деятельности к трудам П. Успенского, Ф. Ницше, А. Бергсона, Э. Фрейда («Мы фрейдябачим на психоаналитке сдвигологических собачек, без удержу взазд-робь!»⁴⁰) и других мыслителей, утверждавших именно вне-рациональные пути познания мира. «Заумь в искусстве футуризма — явление не центральное, но принципиальное, — пишет В. Альфонсов. — В ней, можно сказать, заключены крайности, полюса — начало и конец. В том смысле,

что заумь знаменует конфликтную с разумом основу творчества <...>, а на другом конце — заумь разбивает основы разума уже в дальней перспективе, намечает максимальные возможности творчества. <...> Тенденция к зауми заложена в основополагающем принципе футуризма — разрушении норм существующего языка, которым искусство по необходимости пользуется.

И в то же время заумь — это нечто совсем другое по сравнению с существующим языком, переход в новое измерение»⁴¹. Приоритетную роль зауми в футуристической практике (кстати, первоначально — и справедливо — ударение в этом слове ставилось на втором слоге) подчеркивал соратник Крученых поэт и теоретик новейшего искусства И. Терентьев: «Весь футуризм был бы ненужной затеей, если бы не пришел к этому языку, который был единственным для поэтов «мирсконца»»⁴².

Содержательный (в традиционном понимании) элемент в поэзии Крученых решительно вытесняется иными выразительными элементами, автор воздействует на читателя (слушателя) всеми возможными вербальными средствами. В конечном счете, тематика его произведений не имеет первостепенного значения: важно не «что», а «как», — если для многих авторов, в том числе относящих себя к «крайним», этот расхожий принцип так и остался неким абсолютом, эффективным, но не достижимым, то для Крученых это стало привычной нормой, исходным условием творчества. Если принять определение поэзии как «речи з а т о р м о ж е н н о й, к р и в о й»⁴³ (В. Шкловский), то «заторможенность» и «кривизна» поэзии Крученых — крайнего порядка.

«Чем зудесник отличается от кудесника? — писал Б. Пастернак. — Тем же, чем физиология сказки от сказки.

Там, где иной просто назовет лягушку, Крученых, навсегда ошеломленный пошатыванием и вздрагиваньем сырой природы, пустится гальванизировать существительное, пока не добьется иллюзии, что у слова отрастают лапы.

Если искусство при самом своем зарождении получило от логики единицу, то именно за это движение, выдающее его с головой»⁴⁴. «Если положение о содержательности формы разгорячить до фанатического блеска, надо сказать, что ты содержательнее всех», — писал, обращаясь к Крученых, тот же Пастернак⁴⁵.

Собственно, стихотворений, состоящих исключительно из заумных слов, у Крученых не так уж много. Чаше слова, «освобожденные от груза смысла»⁴⁶, комбинируются с «умными» словами: «Чередование обычного и заумного языка — самое неожиданная <sic! — С. К.> композиция и фактура (наслоение и раздробление звуков) — оркестровая поэзия, все сочетающая»⁴⁷.

Крученых первым употребил по отношению к литературе понятие «фактуры», и это понятие — одно из ключевых в его теории. Фактура характеризует особенности сочетаний различных элементов текста и, соответственно, может проявляться на различных уровнях. Сам Крученых выделял следующие виды фактуры:

- звуковая;
- слоговая;
- ритмическая;
- смысловая;
- синтаксическая;
- начертания;
- раскраски;
- чтения⁴⁸.

По Крученых, это и есть те аспекты, по которым должно, в идеале, оцениваться современное литературное

произведение, те уровни, на которых оно должно восприниматься. И все это, разумеется, он сам в своем творчестве учитывал и исследовал.

Вообще, создается впечатление, что Крученых было как бы тесно в привычных рамках литературы «как таковой», он постоянно пытается вывести литературные тексты за рамки их привычного существования, стараясь обозначить для них новый, необычный контекст (это будет характерно и для книг, выпущенных в 1920-е годы — «Фонетика театра», «Говорящее кино» и других). Одним из проявлений этих экспериментов по обогащению литературы непривычными — не литературными — выразительными средствами является его инициатива издания литографированных книг. Написанные от руки или напечатанные наборными штампами, тексты в таких книгах не просто сопровождались иллюстрациями, как в традиционных изданиях, но и сами как бы становились явлениями живописного (графического) порядка. Слово и изображение обретали общую функцию. При этом художники отказывались от привычного «содержательного» иллюстрирования и стремились, скорее, к методологической близости своей работы к тексту. Иногда же, как в книге «Война» (М., 1916), трудно было однозначно определить, что является доминантой того или иного издания — текст или иллюстрации, что чем дополняется. Книги самого Крученых иллюстрировали крупнейшие художники русского авангарда: Михаил Ларионов, Наталия Гончарова, Владимир Татлин, Николай Роговин, Ольга Розанова, Николай Кульбин, Кирилл Зданевич и, конечно, Казимир Малевич, художник наиболее близкий Крученых по характеру его деятельности. «Беспредметника и заумника» Крученых Малевич, по воспоминаниям Н. Харджиева, «считал параллельным себе»⁴⁹. «Одним из главных врачей поэзии, — писал Малевич, — считаю

своего современника Крученого, поставившего поэзию в заумь. Его и считаю альфой заузного»⁵⁰.

4

Одним из кульминационных событий в истории русского футуризма стали спектакли, организованные обществом художников «Союз молодежи» и состоявшиеся в начале декабря 1913 года на сцене петербургского театра «Луна-парк». Были поставлены трагедия В. Маяковского «Владимир Маяковский» и опера «Победа над солнцем» (музыка М. Матюшина, текст А. Крученых, пролог В. Хлебникова, сценография и эскизы костюмов К. Малевича).

Пересказать, «понять» сюжет оперы в принципе невозможно — он весь построен на алогизме, эксцентрике, абсурде, на смысловых и языковых сдвигах и сбоях. Проза сочетается с поэзией, «понятный» язык с заумью, персонажи, доступные хотя бы для приблизительной идентификации, с абсолютно фантастическими фигурами. Здесь более важен общий пафос произведения, характерный для футуризма в целом: это отрицание безнадежно устаревших, по мнению будетлян, основ жизни и искусства («Мы выстрелили в прошлое», — поверженное солнце и символизировало победу над старой «эстетикой»), это утверждение нового, здорового, созидательного, революционного отношения к действительности, которое самим своим бытием утверждали футуристы («Будетлянские страны будут!»), это бесконечная вера в свои силы, безграничные возможности человека, способного на все, вплоть до достижения бессмертия («мир погибнет а нам нет / конца!»). Впрочем, в этом можно увидеть и очевидный утопизм футуристической «философии».

Трудно сказать, насколько текст оперы, воспроизведенный на страницах книги, дает представление о самом действе. Для более полной оценки, конечно, было бы желательно и ознакомление с партитурой (из музыкальных инструментов в спектакле использовался только рояль), и с уникальной сценографической работой Малевича, впервые использовавшего в художественной практике чистые геометрические фигуры, к тому же перенесенные в трехмерное пространство сцены, и назвавшего позже свой метод «супрематизмом» (кстати, в оформлении «Победы над солнцем» впервые появился и черный квадрат — пока еще не в качестве самостоятельной картины, а как составляющая деталь задника).

Разумеется, современникам было сложно более или менее адекватно понять и оценить столь необычное во всех отношениях произведение — ведь вполне новаторским оно остается и сейчас. В опере Крученых — Матюшина впервые нашли отражение черты, свойственные многим знаковым явлениям драматургии и театрального искусства XX века, таким как театр дадаистов, сюрреалистов, обэриутов, драма абсурда⁵¹.

5

Писательская продуктивность Крученых впечатляет. И дело не в объеме написанного. По количеству выпущенных книг — поэтических и теоретических — Крученых превзошел всех писателей-современников. Окончательный библиографический список его публикаций в персональных и коллективных изданиях, а также книг, выпущенных по инициативе Крученых, определить чрезвычайно трудно, и на этот счет в имеющейся справочной литературе существуют серьезные расхождения (тем более, что некоторые издания, выпущенные «на правах ру-

кописи», были не просто малотиражные, а буквально состояли из нескольких экземпляров). В книге «Зудесник» (М., 1922) Крученых сообщал, что «за время с 1912 по 1921 г. взлетело 97 книг»⁵². На последней при жизни Крученых изданной книге значилось: «Продукция № 236»⁵³.

Что же касается самих книг Крученых, то публикация произведений небольшими порциями, в виде маленьких брошюр, каждая из которых включала в большинстве случаев совсем немного стихотворений (это видно и по разделам настоящего издания), имела, по-видимому, несколько причин. Во-первых, каждая из книг Крученых имела свое концептуальное решение, свою эстетическую задачу, ощутить и осознать которые легче было на обозримом, локализованном материале. Это касается и собственно литературного материала, и полиграфической (технической) стороны издания, и иллюстративного материала. Так, лапидарные, минималистские стихотворения сборника «Взорваль» (СПб., 1913) существовали в неразрывной связи с графическими работами Кульбина, Гончаровой, Розановой, Малевича; в книгу «Поросята» (СПб., 1913; 2-е изд. — Пг., [1914]) для сопоставления с образцами футуристической поэзии были включены стихотворения одиннадцатилетней девочки (известен интерес Крученых к детскому творчеству, как и вообще интерес авангардистов к дилетантизму, «наиву», «примитиву» в искусстве); «Заумная гнига» — очевидный крен в сторону чистой зауми (здесь же — заумные стихотворения Романа Якобсона, в будущем — выдающегося ученого-структуралиста); «Лакированное трико» (Тифлис, 1919) — «оркестровая» поэзия (сочетания зауми и не-зауми) плюс эксперименты с шрифтами — оформительская работа Ильи Зданевича; «Фонетика театра» (М., 1923) — один из вариантов практического приме-

нения зауми в качестве «материалов для заумного зерцогга, (театра), и для работы с актерами»⁵⁴; «Говорящее кино» (М., 1928) — попытка организации поэтического материала по принципам кинематографа (монтажный принцип, деление на кадры и т. д.); «Ирониада» и «Рубиниада» (обе — М., 1930) — образцы чистой любовной лирики, столь, казалось бы, не свойственной Крученых.

К тому же, видимо, учитывался и психологический аспект восприятия такой специфической «продукции», которая, как своего рода литературный деликатес, хороша в небольших количествах, позволяющих лучше оценить предложенный автором небывалый рецепт поэтического кушанья («Я прожарил свой мозг на железном пруте / Добавляя перцу румян и кислот / Чтобы он понравился, музика, тебе...») и избежать преждевременного пресыщения.

Учитывая вышесказанное, небесспорной представляется сама идея издания сборника «избранных произведений» Крученых, где неизбежна определенная унификация текстов и под одной обложкой собран столь разношерстный материал.

6

Период расцвета кубофутуризма, его «Sturm und Drang»'а приходится на 1913 — первую половину 1914 года. Со вступлением России в Первую мировую войну общественный интерес к нему снизился. Да и самим «баячам будущего», в силу различных причин, все труднее было выступать единым фронтом. К тому же статус «вечных» оппозиционеров не мог на самом деле длиться вечно. В 1915 году произошли серьезные изменения во взаимоотношениях футуристов с доселе враждебными им литературными течениями. Выходит альманах «Стре-

лец» (М., 1915), где под одной обложкой оказались произведения Д. Бурлюка и А. Блока, В. Маяковского и Ф. Сологуба, А. Крученых и М. Кузмина. В другом сборнике Д. Бурлюк, ратуя за «единую эстетическую Россию», заявляет, что отныне он отказывается «говорить дурно даже о творчестве дураков»⁵⁵. В футуристическом альманахе «Взял» В. Маяковский, констатируя смерть футуризма как «отдельной группы», как «идеи избранных», утверждал новую стратегию бюджетян: «Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вместо погремушки шута чертеж зодчего и голос футуризма вчера еще мягкий от sentimentalной мечтательности сегодня выльется в медь проповеди»⁵⁶.

Крученых со второй половины 1914 года в основном живет на Кавказе, где сначала работает учителем рисования в женской гимназии в Баталпашинске (ныне Черкесск), а с марта 1916 года, после призыва на военную службу, он служит чертежником в Управлении Эрзерумской военной железной дороги в Сарыкамыше. С Кавказом связан второй период футуристической биографии Крученых.

В ноябре 1917 года вместе с Ильей Зданевичем, одним из самых радикальных и разносторонних деятелей русского, а позже французского авангарда, Крученых организует в Тифлисе группу «Синдикат футуристов» (в нее также вошли художники К. Зданевич, В. Гудиашвили, С. Валишевский и поэты А. Чернявский, Кара Дарвиш). Группа ставила своей задачей распространение идей футуризма. С этой целью проводились поэтические вечера, чтения докладов, диспуты. В феврале 1918 года Крученых, Зданевич и Чернявский образовали новую группу «41°» («Сорок первый градус» — по параллели, на которой расположен Тифлис); вскоре к ним присоединился Игорь Терентьев. О целях и задачах

группы сообщал обнародованный манифест: «Компания 41° объединяет левобережный футуризм, и утверждает **заумь** как обязательную форму воплощения искусства.

Задача 41° — использовать все великие открытия сотрудников и надеть мир на новую ось.

Газета <имеется в виду газета «41°», в которой был опубликован этот манифест; вышел один номер. — С. К.> будет пристанью событий из жизни компаний и причиной постоянных беспокойств.

Засучиваем рукава»⁵⁷.

Новая футуристическая группа практически отказалась от столь характерного для кубофутуристов внешнего вызывающего поведения, перенеся весь эпатаж и нигилизм в область собственно литературную (заумные пьесы («дра») Зданевича, теоретические и поэтические книги Терентьева). Для Крученых кавказский период (1916—1920 гг.) был очень плодотворным: он выпустил свыше 70 рукописных и гектографированных книг (персональных и коллективных), много печатался в альманахах и периодических изданиях. Сосредоточенная на решении исключительно творческих задач, группа «41°» в своей деятельности не обращалась к вопросам общественно-политического характера, несмотря на колоссальные изменения, которые в это время происходили в стране.

Фактический распад группы произошел в октябре 1920 года, в связи с эмиграцией И. Зданевича (позже аналогичную, но неудавшуюся попытку предпримет Терентьев). Крученых, после кратковременного пребывания в Баку, где он занимал должность заведующего отделом местного РОСТА, осенью 1921 года возвращается в Москву. Начался новый этап в его жизни и творчестве, характер которого во многом был обусловлен принципиально новыми параметрами существования искусства вообще.

1922 год, по-видимому, можно считать итоговым в истории русского футуризма: это год смерти Хлебникова, центральной фигуры этого течения, год прекращения существования последней футуристической группы «Центрифуга» (на самом деле группы, в которую в свое время входили С. Бобров, Н. Асеев, Б. Пастернак, к этому времени фактически уже не было, но еще существовало одноименное издательство) и, наконец, это год рождения Левого фронта искусств. Леф хотя и продолжил одну из линий, обозначившихся в футуризме периода революции и гражданской войны (в частности в деятельности дальневосточной группы «Творчество»), утверждавшей политически ангажированное творчество, идущее на союз с Советской властью или, по словам Н. Асеева, «борющееся на стороне пролетариата»⁵⁸, во многом все-таки порвал со столь характерными и важными для футуризма принципами как в творческом, так и в общественно-психологическом отношении. Вряд ли Маяковский, писавший в 1915 году о «чертеже зодчего» в руках у футуриста, предполагал такого рода эволюцию (революцию) футуризма в Леф, с его теориями «литературы факта» и «социального заказа», направленными на обслуживание новой власти.

Естественно, «дичайшему» из футуристов, оказавшемуся среди левовцев, было здесь крайне неудобно. И хотя он, в духе времени, порой придает политическую окраску своему творчеству (так, например, в книге «Фонетика театра» он пытается, хотя и не очень настойчиво, дать некое социальное обоснование заумному языку), в основных, магистральных для себя направлениях он остается верен себе. Именно в это время (1922) появляются программные для него теоретические работы «Фактура сло-

ва» и «Сдвигология русского стиха». Да и поэтические произведения, опубликованные в этот период, вряд ли вполне соответствовали лефовским доктринам. Можно сказать, что если Маяковский, наступив «на горло собственной песне», в 1920-е годы фактически себя как поэта ограничил и уменьшил, то Крученых, при изначально иных писательских масштабах, номинально свои параметры сохранил, а возможно, и увеличил, оказавшись «левой Лефа» (опять сбоку, в стороне! — здесь ему было привычнее). В мае 1923 года И. Терентьев, еще один последовательно крайний футурист, писал И. Зданевичу: «Все кто не в Лефе — сволочь несосветная. Сам же Леф тоже сволочеват. Позиция д<олжна> быть общественно ясной, а потому я в Лефе с Крученых заняли самую левую койку и в изголовье повесили таблицу 41^н и притворяемся больными»⁵⁹.

Стилистический эклектизм нового советского искусства оценивался Крученых не иначе как «УБЛЮДОЧНЫЙ»; в своей «Декларации № 6...» (октябрь 1925 г.) он выразил резкое неприятие процветающей «помеси Волховстроя с водосвятием, металлиста с Мережковским, завода с храмом, <...> бальмонтизма с пролеткультом, парфюмерного дендизма с кожаной курткой» и т. д.: «Дело искусства — изобрести и применить (установка, синтез) нужный прием, а материал всегда в изобилии дается всей окружающей жизнью.

Только прием (форма, стиль) делает лицо эпохи»⁶⁰.

Социально-политические темы (антирелигиозная, антивоенная или, например, тема смерти Ленина) обозначаются в произведениях Крученых 1920-х годов, но в большинстве случаев они лишь внешний повод для решения литературно-языковых задач: возможно, рурские события действительно волновали Крученых, но, думается, более соблазнительным для него при обращении к этой

теме, отразившейся в стихотворной диалогии, была возможность, отталкиваясь от самой фонетической фактуры слова «Рур», показать два столь различных варианта фонетической эквилибристики: один трагический, минорный, патетический («траурный»), другой веселый, мажорный, беспечный («радостный»); в «Похибели хляка» можно увидеть сатиру на моральные изъяны жизни буржуазного общества, но все же в истории о том, как «хляк влюбился в хохотку Фитюш», для автора важнее «рефлекс слов», о чем он подсказывает непонятливому читателю.

Тем не менее, в период политически-ориентированного, классового искусства неслучайным представляется интерес Крученых к явлениям и персонажам асоциальным, деклассированным. Его романы в стихах, изображающие жизнь бандитской среды, а значит, включающие еще одну маргинальную лексическую область — жаргон, в жанровом отношении произведения довольно сложные: это и сатира, и детектив, и романс, и лубок, — но и в них звуковая сторона превалирует над сюжетом и описанием (сам автор определил жанр своих романов как «фонетические»): выразить сущность персонажа, динамику происходящего, эмоциональную напряженность того или иного эпизода через его фонетическую интерпретацию — именно этого в первую очередь пытается добиться Крученых. (Показательно, что обращаясь к криминально-хулиганской тематике Крученых одновременно в своих критико-теоретических работах вел напряженную и не всегда корректную борьбу с настоящим, по его мнению, «хулиганством в литературе», воплотившимся, как он считал, в Есенине и «есенинщине»⁶¹.)

Последние поэтические книги Крученых «Рубиниада» и «Ирониада» — кажутся несколько неожиданными для его творчества (своего рода крученыховская анак-

реонтика). Но своя логика (или анти-логика) в появлении этих книг была. По их поводу Б. Пастернак писал Крученых: «Меня трогает твой приход к лирике, когда все пришло к очередям, — что-то вроде Фета по несвоевременности. И как твой заумный багаж засверкал вдруг и заиграл! Точно это ему, а не тебе затосковалось, и он ударился во что-то алкейски-сафическое в отсутствие хозяина, почти что с жалобой, что раньше ему не позволяли»⁶². Опять эта позиция вне магистральных, указанных кем-то путей, сбоку, в своей колее — вполне по-крученыховски.

Сказать, что Крученых в 1920 — 1930 годы подвергался серьезной организованной травле, тотальной обструкции, какую испытали на себе многие видные художники, не способные втиснуться в узкие рамки социалистического реализма, было бы не совсем верно. Да, футуризм был осужден как формалистическое извращение, как буржуазное, декадентское искусство, которому нет места в новой действительности. Но персонально на Крученых «не разменивались», возможно, просто не принимали его всерьез.

Самым целенаправленным и беспощадным по характеру оказался выпад бывшего соратника по «будетлянским сечам». «Охота на гиен» — так называлась статья Н. Асеева, опубликованная в 1929 году. И хотя имя Крученых в этой филиппике «из деликатности» не называется, для того, кто имел хоть какое-нибудь представление о современной литературе, не было секретом, кто в этой статье подразумевался под условным именем «Всеядный». А главное «занятие» для Всеядного — «это присосеживаться к какой-нибудь компании», и несет он «на себе почти невероятные черты противообщественных задатков, фанатические особенности отрицания этого общества», и сам он — «герой практических никчемностей,

крохотных выгод, присаживающийся, как крупная муха, на запах сладкой прели, на отброс, на липкую лужу крови», и вообще, от таких, как он, «пошло в народе поверье о вурдалаках и упырях»⁶³. В принципе, Крученых было не привыкать читать о себе Бог весть что. В иные времена такая прижизненная мифологизация, возможно, только порадовала бы его, породила бы новые творческие импульсы. Но наступали тридцатые годы.

А потом... Потом 38 лет отлучения от литературы, но не измены себе, не отказу от своих принципов. 38 лет творчества для себя и для тех, кто был рядом, вернее — с кем он был рядом. «Крученых один из тех дерзких новаторов, которым история предоставляет на длительный срок место на скамье подсудимых», — писал о своем друге Н. Харджиев⁶⁴.

Многочисленные воспоминания о нем 1950—1960-х годов воссоздают облик человека, духовно и материально неотделимого от литературы, коллекционера, библиофила, порой обеспечивающего свое существование за счет имеющихся у него раритетов. «Маленький, подвижной, худой человек, с тибетейкой на голове и с портфелем под мышкой, в котором всегда есть что-то интересное, чаще всего какая-нибудь редкая книга, с визгливым голосом, говорящий с украинским акцентом — таким впервые я увидел Крученых... — пишет один из мемуаристов. — Он был верен своему прошлому. И это сказывалось во всем. Прошлое во всем — в быту, в воспоминаниях, в сборе книг, рукописей — окружало Крученых»⁶⁵.

Верность себе, своим принципам и позициям — качество, которое отмечали почти все, знавшие Крученых. «В поэзии первоначальное есть звук, вторичное — образ», — записал в альбом Крученых в 1920 году Вячеслав Иванов, и из всей его многомудрой словесности лишь

на этот завет откликнулся Крученых. От него он не отрекался никогда, вопреки всем превратностям исторических судеб авангардного движения»⁶⁶ (Р. Дуганов).

Феномен Крученых, в его целостности, еще ждет своего изучения и осознания. «Когда «все сочиненное» Алексеем Крученых будет собрано и издано, то станет очевидным, что русская поэтическая культура обогатилась такими произведениями, которые принято называть классическими», — писал Н. Харджиев⁶⁷. Однако плодотворность и перспективность поэтических экспериментов не вызывает сомнений и сейчас. И пусть Крученых не была уготовлена роль открывателя «новых поэтических материков»⁶⁸, но безусловно, что свою terra incognita в литературе он нашел, свои поэтические открытия (не материк — скорее, архипелаг) он осуществил.

Примечания

¹ Третьяков С. Бука русской литературы (об Алексее Крученых) // Бука русской литературы. М., 1923. С. 3.

² Чеботаревская А. Зеленый бум // Небокопы: VIII. СПб., 1913. С. 8; Ховин В. На одну тему. Пб., 1921. С. 94.

³ Маяковский В. Я сам // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. М., 1955. Т. 1. С. 21.

⁴ Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 185.

⁵ Крученых А. Автобиография дичайшего // Крученых А. 15 лет русского футуризма: 1912 — 1927 гг.: Материалы и комментарии: Продукция № 151. М., 1928. С. 59.

⁶ Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 334.

⁷ Пастернак Б. Взамен предисловия // Крученых А. Календарь: Продукция № 133. М., 1926. С. 3.

⁸ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 403.

⁹ Крученых А. Чорт и речетворцы. СПб., [1913].

¹⁰ Крученых А. Сдвигология русского стиха: Трактат обижа́льный. (Трактат обижа́льный и поуча́льный). Книга 121-ая. М., 1922.

¹¹ Крученых А. Малахолия в капоте. [Тифлис], 1919.

¹² Крученых А. Чорт и речетворцы. С. 14.

¹³ Крученых А. Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996. С. 50.

¹⁴ Якобсон Р. Игра в аду у Пушкина и Хлебникова // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексева. Л., 1976. С. 35—37.

¹⁵ Крученых А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М., 1924.

¹⁶ См.: Крученых А. Арбески из Гоголя. Ейск, 1992.

¹⁷ Зина В. и А. Крученых. Поросята. СПб., 1913. С. 14.

¹⁸ Крученых А. Чорт и речетворцы. С. 13.

¹⁹ Крученых А. Сонные свистуны // Крученых А., Ключ И., Малевич К. Тайные пороки академиков. М., 1916 [1915]. С. 12.

²⁰ [Б. п.] Вечер футуристов // Русское слово. 1913, 15 октября. С. 7.

²¹ Крученых А. Наш выход. С. 53.

²² Крученых А. Взорваль. СПб., [1913]. С. [57].

²³ Измайлов А. Рыцари зеленого осла: (1-й вечер футуристов) // Биржевые ведомости: Вечерний вып. 1913, 3 декабря. С. 4.

²⁴ Зина В. и А. Крученых Поросята: 2-е до-
полн. издание. Пг., [1914]. С. 15.

²⁵ Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914.
С. 113.

²⁶ Крученых, Алягров. Заумная гнига. [М].,
1916 [1915]. С. [5].

²⁷ Мережковский Д. Еще шаг Грядущего Хама
// Русское слово. 1914, 29 июня. С. 3.

²⁸ В настоящее издание эта поэма не вошла. Из
современных публикаций «Игры в аду» см.: Поэзия рус-
ского футуризма. (Новая библиотека поэта). СПб., 1999.

²⁹ Крученых А. Наш выход. С. 49.

³⁰ Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 675.

³¹ Харджиев Н. И. Судьба Крученых // Хард-
жиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1.
С. 300.

³² Пощечина общественному вкусу. М., 1913 [1912].
С. 3.

³³ Косвенным подтверждением принципиальных рас-
хождений Хлебникова и Крученых в подходах к про-
блеме языка может являться тот факт, что на экземпляре
брошюры «Слова как таковое», хранящемся в Русской
национальной библиотеке, фамилии авторов на обложке
энергично зачеркнуты от руки — по-видимому, Хлебни-
ковым, так как здесь же, теми же чернилами, столь узна-
ваемым хлебниковским почерком приписано: «Зачеркну-
то. В. Х.».

³⁴ Цит. по: Харджиев Н. И. Судьба Крученых.
С. 301.

³⁵ Крученых А. Взорваль. СПб., [1913]. С. [49].

³⁶ Там же. С. [49].

³⁷ Хлебников В. Наша основа // Хлебников В.
Творения. С. 628.

³⁸ Зина В. и А. Крученых. Поросята. С. 14.

³⁹ Крученых А. Возропщем. СПб., [1913]. С. 9.

⁴⁰ Крученых А. Декларация № 5. О заумном языке в современной литературе // Крученых А. Новое в писательской технике: Бабеля, Артема Веселого, Вс. Иванова, Леонова, Сейфуллиной, Сельвинского и др.: Продукция № 144. М., 1927, С. 59.

⁴¹ Альфонсов В. Поэзия русского футуризма // Поэзия русского футуризма. (Новая библиотека поэта). СПб., 1999. С. 54.

⁴² Терентьев И. А. Крученых грандиозарь. [Тифлис, 1919]. С. 11.

⁴³ Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 22.

⁴⁴ Пастернак Б. Крученых // Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 372.

⁴⁵ Пастернак Б. Взамен предисловия. С. 4.

⁴⁶ Крученых А. Миллиорк. Тифлис, 1919. С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Крученых А. Замауль. 4. [Баку, 1920]. С. 2, 7.

⁴⁹ Голубкина-Врубель И. Н. Харджиев: Будущее уже настало // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 366.

⁵⁰ Малевич К. В. Хлебников // Творчество. 1991. № 7. С. 4.

⁵¹ Н. И. Харджиев писал, что «в качестве автора «Победы над солнцем» Крученых может быть назван «первым дадаистом», на три года опередившим возникновение этого течения в Западной Европе» (Харджиев Н. И. Судьба Крученых. С. 302), впрочем, творчеству Крученых и других кубофутуристов были присущи в той или иной степени черты многих — если не всех — авангардистских школ, групп, направлений; в связи с Крученых Б. Слуцкий писал, что «полтора десятилетия

дадаизма и сюрреализма, труд полупоколения талантов Франции, Германии, Италии, Югославии был выполнен в России одним человеком» (Слуцкий Б. Крученых // Слуцкий Б. О других и о себе. М., 1991. С. 28).

⁵² Крученых А. Зудесник. Зудутные зудеса: Книга 119-ая. М., 1922. С. 17.

⁵³ Крученых А. Книги Н. Асеева за 20 лет: Продукция № 236. М., 1934.

⁵⁴ Крученых А. Фонетика театра: Книга 123. М., 1923. С. 20.

⁵⁵ Бурлюк Д. Отныне я отказываюсь говорить дурно даже о творчестве дураков: Единая эстетическая Россия // Весеннее контрагентство муз: Сборник. М., 1915. С. 44.

⁵⁶ Маяковский В. Капля дегтя // Взял: Барабан футуристов. Пг., 1915. С. 2.

⁵⁷ Цит. по: Крученых А. Футу-зау на Кавказе // Крученых А., Петников Г., Хлебников В. Заумники. М., 1922. С. 23.

⁵⁸ Асеев Н. Дневник поэта. Л., 1929. С. 52.

⁵⁹ Терентьев И. Собрание сочинений. Bologna, 1988. С. 398.

⁶⁰ Крученых А. Декларация № 6 о сегодняшних искусствах (Тезисы) // Крученых А. Четыре фонетических романа: Продукция № 142. М., 1927. С. 29—30.

⁶¹ Крученых А. На борьбу с хулиганством в литературе; Крученых А. Хулиган Есенин (обе — М., 1926) и др.

⁶² Пастернак Б. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 841.

⁶³ Асеев Н. Охота на гиен // Молодая гвардия. 1929, № 12. С. 9—11.

⁶⁴ Харджиев Н. И. Судьба Крученых. С. 306.

⁶⁵ Нечаев В. Вспоминая Крученых... // Минувшее: Исторический альманах. 12. М., 1993. С. 377—378.

⁶⁶ Дуганов Р. Предисловие // Крученых А. Наш выход. С. 8.

⁶⁷ Харджиев Н. Судьба Крученых. С. 306.

⁶⁸ Маяковский В. В. В. Хлебников // Маяковский В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 23.

С. Красицкий

СТИХОТВОРЕНИЯ

2. ПРИ ГРОБОВЩИКЕ

рат та тат
черных кружев
 молоток
 смех тревожит
черный край
 пахнет гробом
 черный креп
раз два
 три шьют
молодые шьют
черный дом
 черный сор
мерку кит снимает
первый сорт
вышли моды
 человек
 вот ушел
 вот пришел
гвоздь для матушки

3. СОН

майки сидят
жуки сидят
колышатся туго
 дышется
пар колышется
под соломой я
 голова
выросла трава

Глаза косит
паук сидит
в волосах
зуб колышется туго дышется
плеток плетет
седлает скотину
крамольник наук
распахнулось
мокрое веко
зеленый глаз
заковыка
засыпает
и сквозь стреху
выглядает

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ
БУХ ЛЕСИНЫЙ
(1912—1913)

4

Если хочешь быть несчастным
Ты смотри во след прекрасным
 И фигуры замечай!
Глаз не смей же добиваться
Искры молнии там таятся
 Вспыхнешь — поминай!
За глаза красотки девы
Жизнью жертвует всяк смело
 Как за рай
Если ж трусость есть влачиться
Жалким жребием томиться
 Выбирай!
Как трусишка, раб, колодник
Ей будь преданнейший сводник
 И не лай!
Схорони надежды рано
Чтоб забыла сердца раны —
 Помогай!
Позволяй ей издеваться
Видом гада забавляться —
 Не пугай!
Не кусай до крови пальцы
Твои когти пригодятся —

Худший край
И тогда в года отрады
Жди от ней лакей награды
Выжидай!
Поцелуй поймаешь жаркий
Поцелуй единый жалкий
И рыдай!
Ты от большего сгоришь
Пусть же будут вздох и тишь
Не мешай
И ее тогда несчастный
Ты не смей уж звать прекрасной
Не терзай!..

5

Всего милей ты в шляпке старой
Измятые бока
Сама ты кажешься не старой
И трепетней рука.
Тогда уже не модная картинка
И не богиня ты,
Простая славная ты Зинка
Светлей черты
С такой тобой иду я рядом
Люблю гулять
Не можешь ты тиранить взглядом
Иль дерзко оскорблять.
Твой взор родной глядит с заботой —
Мы старые друзья!
И лгать скрываться не охота:

Была давно моя
Мы руки жмем в тиши невольно
А говорим о чем?
Впервые сердце бьется вольно
На берегу вдвоем
Одни одни! давно ли
Ты отвергала этот миг?
О в этой бедной доле
Желанья крайнего достиг!
И этот час — его позором
Хотел я заслужить
Но все сбылось так скоро
Тебя смогу ли позабыть?..

Ты вся мила ты мне близка
И вот — дала кольцо
Как ты скромна как не резка
Пылает все лицо...

6

Он и старый и усталый
Сидит один среди тихих зал
Глаз отуманенный и вялый
Смотреть в камин давно устал

Окошко сзади тихо пусто
Туда не смотрится никто
Все сморщилось и грустно —
На нем тяжело пальто

Дрова в камине потухают
И среди вялых языков
Так незаметно возникают
Ее черты из огоньков...

7

Никто не хочет бить собак
Запуганных и старых
Но норовит изведать всяк
Сосков девичьих алых!

Чем выше что тем больше
Отсюда липнет пустота
И горнее горит, что б горьше
Губить, что звалось
Мечта.

8

раскричались девушки
в пшеницу
прячьтесь пташки реют
ястреба
черный час несет станицу
выручай родимые хлеба!

Песью голову с метлой
волочит лихая рать...
о мой белый кто петлей
твое тело будет рвать?

9—11. ИЗ ПИСЕМ НАТАШИ К ГЕРЦЕНУ

I

В священный трепет прихожу
Под зонтиком твоим гуляя,
Я рано *к* липам ухожу
В даль манит роща голубая.

Из родника твоим стаканом
Я пью под гимны птиц,
И все мне кажется обманом,
Я далеко... о, день Крутиц!..
Вот мерно колокол ударил
*Д*еревня спит... очнулась я...
Колени наземь... *Б*ог оставил
Глаза *в* глубины бытия...

II

Ни смерть не небо не *р*азлучат
Моей любви с тобой!
Ничто потока не замутит:
*И*звечен там покой...

На звезды синие гляди
*У*став от муки злой
И отдохнуть на брег *п*риди —
услышишь *г*олос мой...

III

Гремит музыка... зной веселый
Все просит страстных звуков
И каждый миг упрямо **новый**,
Он вызывает море стуков.

Там веселятся заводные
В страданьи куклы и в гульбе
И *девы* тощи выписные
Глумятся все кривясь в божбе

А я давно в кругу берез
Сижусь одна... овец стада
И роем кротких снов и слез
Поет свирель... поет звезда...

12

Я в небо *мрачное* гляжу,
Зарница вспыхнет там порою,
Иль капля брызнет на межу,
Все облегает *темнотой*.

Копья кусок торчит из пыли,
Из крови липкие *узоры*,
Похоронить нас позабыли —
Пусть смерть пополнится *позором*...

Из *воли* надежды столицы
Курганы открытых костей,
Уселись сонные *птицы* —
Глаз *опьяневших* людей...

Кругом так сухо, лишь Она
Покрыта щедрою росю, —
Как и в былые времена
Небес отмечена рукою!

Нога протянута худая
На ней запястья *ц*епи
Как раньше изнывая
Тянуся я нелепо

Так близко нежная пята
У так бела *с*редь сора
Как встарь *п*овязка не снята
*В*оззрился глаз на вора

С колена остро*г*о сбежала
Пометка вечная *к*рови
И перья сло*м*анного опахала
рабыни гордыя твои

Твои отсветы взора *с*олнц
Блистающ*и*х в пещере
Они склонял*и*ся в навоз
Под грохот молнии и *с*еры...

*З*ашелестело покрывало
И сучьев сло*м*анных кора
Все все *т*ы знала
Быстра невидима *с*рела

Не мне *з*абуть Тебя родную
И жар прохлад*о*й утолить

Бессильный стражду и ревную
Мне прошлых дней не возвратить

ведь был же миг и вместе
блуждали у реки
Ты назвалась невестой
кольцо дала с руки!

Потом средь мира торжествуя
Стонала так среди ночей
Тебя презрев и все ж ревную
Я путь избрал чертей!

13

Открой глаза шепни
Как Ты одна одна умела
Коснуться дай ступни —
Она во тьме похолодела
живот не сабля не упругий
усыпан белыми цветами
и ноги равные подруги
поникли головами, —

Но глубоко морской тростник
Под сердце впился
И мой не слышен крик
Песок рудою оросился.
Тут дев ее без счета
Полки легли немые
Навек их обняла дремота
В огне я дожидаюсь тьмы.

Дать поцелуй последний
*К*оварством преданной моим
И унести *в* надзвездье
Смердящим и нагим..

14

Оставив царские заботы
На одр больного ты сошла
Где гной и рвоты
Отраду вдруг нашла
Сама *ты* раны омывала
И принесла *ков*ыль
В одежде царственной упала
В берлоги *пыль*
— Целуй меня сраженный
Невеста *я* твоя
Возьми все прокаженный
Взамен гнилого пития

И если жажду утолю я
Твою *на* миг лобзаньем
К другой уж больше не ревную
Вся преисполнена свиданьем!..

И стал я замечать: сгораю
Как будто на костре
И миг еще — *с*ляю
Упавшей ниц сестре...

ПОМАДА (1913)

15—17

3 стихотворения
написанные на
собственном языке
от др. отличается:
слова его не имеют
определенного значения

*

№ 1. Дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л эз

№ 2
фрот фрон ыт
не спорю влюблен
черный язык
то было и у диких
племен

№ 3

Та са мае
ха ра бау
Саем сию дуб
радуб мола
аль

18. К Т ***

Посвящается ей поставившей
мне за это стихотворение 10+

* * *

Тебя злоречие смешает
С иной бездушной толпой
Или — что хуже — не узнает
Души торжественно святой

Ты не желала скуки власти
Ни сладострастия побед
Живешь далекая напасти
Под отчим кровом столько лет

Холодной влагою объята
Ты предаешься воле ей
Готова томно плыть всегда ты
И видеть всплеск огней

И ни на что не променяешь
Ты грустно блещущий венец

И не заботясь пленяешь
Покой измученных сердец

Ты нам пример явила строгий
Средь нив бесплодной красоты
Трепещет наш удел убогий
И для тебя несет цветы

Часы музыке предавая
Иль смотришь снега чистый свет
В небесном взором утопая
Мечтой умчавшись в глуби лет

Или как тихая русалка
Глядишь глаза цветы тоски
Средь ночи бродишь в теми парка
Иль вдруг разбудишь стекло реки

ВЗОРВАЛЬ (1913)

19

ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ
ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ
НА КОРАБЛЕ ПОЛЕЗЬ ЛИ
ХОТЬ ^{КТО} БЫЛ ПЕРЕД НОСОМ

20

тянут кони
непонятные нони
зверь испугался
откуда галь ся
везут осинový кол
убьют живых чол
сидит Вавула
дрожат скулы
вдали
кол
далеко

21

тянут коней
 заметил ты
как злых ноней
носили копыты
 и ты
вскричал зажатый
 добро
везут... рогатый
 кидайте хаты
не бедны не богаты
 конец везут
 старо

22

взорваль
 огня
печаль
 коня
рубли
 ив
в волосах
 див

23

пугаль
к устам
едваль
мостам

двух дней
удержать
королей

24

НЕЛЬЗЯ СТРЕЛЯТЬСЯ
ИЗ ПУГАЛИ
ЗОВУТ ЧЕТЫРНАЦАТЫЕ ДАЛИ

25

ГЛАЗ ГЛАВ ОКОНЧЕН
СЛУХ СЛУГ УТОНЧЕН

НА КАВКАЗ МИСКИС

НА ЛЫСИНЕ РАСТЕТ РИС

26

КОРОЛЬ ДЕРЖИТ ЧОРТА
ЧОрт чрево
ЧАША ПОЛНА ВИШЕНЬ
ВОРОБЕИ на крыше

Я в ЗЕМЛЮ ВРОС
 И ПОТЕМНЕЛ
 ПОД ГРИВОЮ ВОЛОС
 НАШЕЛ ПРЕДЕЛ
 от славы ИСКУшенья
 ЗАБИЛСЯ В СПРЯТ
 НЕ слышу умиленья
 ШЕПЧУ О СВЯТ
 ПОДАЙ МНЕ силы
 СРОСТИСЬ с ЗЕМЛЕЙ
 СРОСТИСЬ С СОГИЛОЙ
 С ТОБОЙ ТОБой

стуЧИТСЯ в СЕРДЦЕ
 ПОСОХ
 СТРАННИК СМЕРти
 сердце ЛЮБИТ
 ГДЕ КРОКОДИЛЫ
 ТАМ БРОДИТ странник
 УЧИТ

шВЫРНУЛ ЗАПИСКУ
 МОЛИТЬСЯ БУДУ
 ВВЕК

ГО ОСНЕГ КАЙД
М Р БУТУЛЬБА

СИНУ АЕ КСЕЛ
ДЕР ТУИ ДАХ
 ГИЗ

ВОЗРОПЩЕМ (1913)

30

первой художнице Петрыграда О. Розановой

взял иглу длиною три улицы
она входила не причиняя боли
убивала незаметно
человечество испытывало какую то забывчивость
это игла из стекла когда то соединяла бенарес и
иерусалим по ней ходили ослы и люди
но взятая к нам по пути потеряла свои свойства
оставляя одну колкость
судорожные владельцы не надеясь уже использовать
бросили среди улицы не заботясь о прочем
и порча была сильна и худощавые люди изменили
свое направление
проходя мимо ворот они не останавливались и шли
вдоль вдаль прямо и плоские спины
все казалось торжественным и в самом деле
вывески и
спины были одной какой то праздник ходил по

спинам плечам приглаживая

тогда встал ульяна и стал просить у проходящих
улиц
колес чтоб не шли прямо напоминая что игла
ранит в любом поле доме
я начертал светлые пути улиц я знал что несо-
мненность ни в чем так не уныла как взапуске
умчавшегося взад дня
однакож вернувшись спины и уже сломавшиеся
ноги не
узнали так как глаза мои улетели и звался ульяна
хотя наверно принимали иванов то была суматоха

кто попал под мокрые занавески покрывшие окна
кто
затерялся меж следов бегунов
потом занесли в чужой дом где было знакомое
как бы промелькнул зверь
с четырьмя ногами
брюхо
перья лилий очерчивали на желтом дне
значение напоминавшее всем вчерашнее и раннее о
котором позабыли тут москвичи
принесли а река растаяла и след ее был
бело-синь степи пустынь и паль свирели внизу...
и все топтал пробегавший паровоз и озеро
белый летучий

р л м к т ж г р б в м п м ш

31. ДЕЙМО

Двое. О д и н:

не замечал я корабля хоть был пред носом

д р у г о й : мачта сломана а по волнам снуют бревен-
забыл повеситься и теперь мчит прямой ветер
(оба уходят)

ж е н щ и н а:

Она спросила неужели вы не узнаете сынов
рожден-
ных мною здесь в душном неисчислимом
возьмите их уведите в школу дальше
пусть желт реск режет и возвеличивает реющие
пытки о не боюсь за их будущее
и знайте что не удержат ные
(кровать стоявшая до селе незаметно у стены
поднимается. ч т е ц стоявший незаметно у
стола начинает быстро и высоко читать,
голос порой опадает, скользит, перерезывает
предыдущие предложения:)

зю цю э спрум

реда м

уги таж зе бин

цы шу

берегам америк не увидеть шигунов

це шу бегу.

ж е н щ и н а:

все сказа все сказала (пролетают вещи) вижу перед
себя собою с ну скажи
винограв карандав в ти ры превращает
ры бы все как полюбит за все
ничего где то 13 78 скажите
с'еденные сырые бумага и д л (неза-
метно переходят по сцене две фигуры)
мам и мали нельзя перечи печа ни и другой рог
и увижу и це г

(входят голоса:)

- узкий не широкий
- проволка лопается лопается опадает
- не догнать не догнать
- конь ушел за...
- бель

(входит некто не принужденный,
читает быстро, — а в это время актеры уходят —):

сарча кроча буча на вихроль опохромел и т. д.

32

опять влюблен нечаянно некстати произнес он
я только собирался упасть сосредоточиться занятьс
своими чрезвычайными открытиями о воздушных
соединенных озером как появляется инте-
ресненькая и заинтересовывается
меня все считают северо-западным когда я молчу и

не хочу называть почему созданы мужчины и женщины когда могли быть созданы одни мужчины (зачем же лишнее) и как сразу кому захочу стать бессмертием

Я спрятался от солнцев, чтоб не сглазили и увлекся таки своими бумагами у забора стала и смотрит прямо в плечо

там привезли большой воз ненужных вещей на них большой ящик я подставил лестницу забрался туда начал рыться и заблудился как будто пьяный уж я кричал и кар и мир да собаки подошли хозяева уехали к северному... что вы такой убегаете — кричит Она.

я не зная что ответить и показал в рассеянности на свой рот

О поняла

вас морят голодом у меня под подушкой телятина нет нет я вас я могу все принесу и убежала довольно чуть не потеряла красных чулок когда О пришла (куда девалась ее душа?) у меня самом деле разболелась голова не знаю отчего

плохо

ли ел или меня душил ночью спрятанные под тюфяк

сапоги

О считала меня самого полного человека хотя я ничего особенного с ней не разговаривал только просила все время не разговаривай пожалуйста не разговаривай

меня это смешило и я ел черный хлеб с солью

“тебя все считают тут гением тебя обвиняют только сопляки не замечают твоей гениальности обнаженно

она захотела скинуть платье но я приказал ей она
упала на руки села на пол и стала перелистывать

МОИ

тетради

Я вытерся ватой

люблю лю — блю вдруг заговорила она как будто с
собой и вы ниночка не верьте что я вам там

наврала

убивать детей каждый день знал где гулял никаких

ОН

платков не уносил и не передавал мые все это

не се слышишь оклеветали он у меня

всегда голодный если бы ты за ним присматрела

а то все ухаживаешь за своими кавалерствами

знаем знаем красные лбы суконное сукноце

ты заразил чу-мою тихо обращаясь к нам я никому

об этом не сожгу что ты хочешь отравить сестер

кер жар мир

не убежишь

нечего запираяться ящички у меня есть ключи

бешеной слюны

я знаю ты все врал

мои глаза слепнут

не бойся твои американцы ничего не помогут

мас

маши

маслом

масленица

не замазывай глаз...

ПОРОСЯТА (1913)

33

в позоре бессмыслия
жизнь мудреца
дороги голове лысой
цветы поросят

34

железобетонные гири-дома
тащут бросают меня ничком —
объевшись в харчевне впотьмах
плавно пляшу индюком

гремит разбитая машина
как ослы на траве я скотина

палку приставил слоновый рог
не разберу никак сколько во мне ног

собираюсь попаду ль на поезд
как бы успеть еще поестъ

что то рот мой становится уже уже
бочка никак не вмещается в пузо

на потолок забрался чертяка
и стонет не дали ему вина
хвост опустила тетка сваха
и пригрозила... бревна...

35. ТРОПИЧЕСКИЙ ЛЕС

пробуждается и встает
в белых клубках негр
смотрит на круглый живот
пробует острый верх
водомер голубой крыло головы
зубы сверкают среди барвинков
лежа на копьях листвы
кто-то играет на скрипке

36. В ИГОРНОМ ДОМЕ

горячей иглою
проходят через чей то мозг,
неудержимую волною
стремит сквозь сетку розг
цветных попугаев
пестрая стая

и что там брачные цепи
пред цепью златою тельца
видвы человечьи нелепы
душа ничтожна для купца...

37. РУСЬ

в труде и свинстве погрязая
взрастаешь сильная родная
как та дева что спаслась
по пояс закопавшись в грязь

по темному ползай и впредь
пусть сияет довольный сосед!

38. ВЕСНА ГУСИНАЯ

те ге не
рю ри
ле лю
бе
тьлк
тьлко
хо мо ло
ре к рюкпль
крьд крюд
нтпр
иркью
би пу

39

Я еще молод
ухо свинтили
при тусклой светили
лежу... ах холод!

лежу или грежу?
и саван мой бел
был я прежде
как пуля смел

довольно прити
лежу для пользы
и дева думает как быти
ведь холодно бедняжке на морозе

а я одела галстух
пришла повеселиться —
он гол и глух
отрезана десница...

с боков содрали кожу
устроили свистало
ты был не тощ
на палец сала

побольше напугать
пятку к устам
кто научил их глу-
постям?..

и взбухнуло яро
горло скользкое мое —
уголь свезен яму
кошке питье
юной России за славу...

40. СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

привыкнув ко всем безобразьям
искал я их днем с фонарем
но увы! все износились проказы
не забыться мне ни на чем!

и взор устремивши к бесплотным
я тихо но твердо сказал:
мир вовсе не рвотное —
и мордой уткнулся в Обводный канал...

41

Я жрец я разленился
к чему все строить из земли
в покои неги удалился
лежу и греюсь близ свиньи

на теплой глине
испарь свинины
и запах псины
лежу добрею на аршины.

Какой то вестник постучался
разбил стекло —
с постели приподнялся
вдали крыло

и кажется мелькнуло
сурово-милое плечо

то перст или мигуло
иль уст свеча.

Мозгам вареным страшно
куда сокрылся он
как будто в рукопашной
с другим упал за небосклон

иль прозвенело серебро
в лучах невидимых
что вечно не старо
над низкой хижинной.

Тут вспомнилась иная
что грозноуста
стоит обещающая
дни мясопуста

и томной грустью жажды
томиться сердце стало
вздохну не раз не дважды
гляжу в светало

гроза ли грянет к ночи
весенний студень глины
и вянет кочень
среди долины

он знал глаза какие
в жерлах ресничных плит
ну что ж! сто солнц спеки я
но уж, змея шипит

я строгий запах крылий
запомнил но с свиной
но тихо тихо вылей
чугун души кувшинный

**УТИНОЕ ГНЕЗДЫШКО...
ДУРНЫХ СЛОВ...
(1913)**

42

жижа сквернословий
мои крики самозванные
не надо к ним предисловья
— я весь хорош даже бранный!

43

Если б тошнило вас.....
Как меня вечерами
В книгах прочли бы вы желочь
Голову увенчавши горшками

44. ЭФ-ЛУЧ

Гудок раздавался все глуше
Летящих по небу туш
Что кроме кузнецов
Не ведали отцов

Огонь и смрад их платья
А молоты объятья
Палач чума сестра и братья

Быстро летели
Скорее чем разум
Иль совести ротозей
Разбивая древние вазы

Одна вослед за другой
Уродливое тело
И птичьими лапками села
Еврейской весело ногой

С хлыстами и тростями люди
Здесь лазали в яме
В ушастой простуде
Махали руками
Поливая уснувший камень

Птица царапает землю ногой
Палач для клюва тащит черед
Вблизи шагал часовой
В шее распухнувший веред

Железная няня сосцами висящими
Кормила согбенных цыплят
Усатых с очками блестящими
Безмозглых безмордых телят
Но с сердца чумой настоящими

Клохтали цыплята в пуху
Звенели их медные клювы
С медною силой в паху
Кричали и пели увы

Баба из глины глазела
Толстая села как кряк
Из рублища падало тело
А глаза умерший червяк

Звенели трудные пасти
Плутинной корявые пальцы
И на груди торчали сласти
Железные к девам скитальцы

Ресниц разверзались веночки
И на машине летел эф-луч
Как будто в окно одиночки
Взор узника узок и жгуч

Кидая стозубость плевка
Кровь собирая в сосуд
Все доставала худая рука
На ладонь укладая минут

И падали жертвы со стоном
Звеня мостовой о затылок
Печалась о прежнем и оном
Для молнии празден напиллок

Все прочь побежали
Как будто их ждали
Как будто бы знали
О смерти пожаре

И только за лесом
Мужчины орали

Не зная о сбывшейся
Лучистой каре
О надзвездном на сердце ударе

И только лягушки за озером крякали
И псы лиш над пеплом выли
И девушки в последний раз плакали
Над книгою: люди когда то здесь были

45

Глупости рыжей жажду
И забвения давних путей
Буду дик я дважды
Коль убегу мыслей

По полю оглохших камней
Буду срывать плевков цветы
И надежды больными руками
Схвачу резиновый шип невесты

Или сяду на наковальню
И поскачу громыхая
И подыметя крик заваленных
И не буду знать
Может там мать родная...

46

Я плюнул смело на ретивых
Пришедших охранять мой прах

— Сколько скорби слезливой
в понуренных головах —

Плевков пускай разбудит сих
А мне не надо плача
Живу в веках иных
Всегда живу... как кляча
.
...Живет гния и просветляясь
Для сильных и ретивых укор
Гения от себя бросая ясь
И его неисчислен простор.

47

...Суровый идиот я грохнулся на стол
Желая лоб разбить иль древо
И поднялся в рядах содом
Всех потрясла дикарская вера

На огненной трубе чертякой
Я буду выть лакая жар
Живот наполню шкваркой всякой
Рыгая вслед склоненных пар....

И на зубах растаял чистый сахар
Не-вин-ной детской костки
Я волчий глаз я знахарь
Преступник молодой сожжен как в эвес'

И вот не знавшего болезней
Краснела сальная нога

Что бунт или начинка пирога
Что для отечества полезней

а-а! жадно есть начну живых
Законы и пределы мне ли?
И костью запусу в ряды
Чтобы навек глазаи онемели

**ЗАУМНАЯ ГНИГА
(1915)**

48

ЩЮСЕЛЬ БЮЗИ НЯБЕ
КХТОЧ В СИРМО ТОЦИЛК
ШУНДЫ ПУНДЫ

49. ЕВГЕН. ОНЕГИН В 2 СТРОЧ.

ЕНИ ВОНИ
СЕ И ТСЯ,

50

ХАРЛАМИ ВОЮ САПУЛЬНУЮ
ПРОЦЕДАЙ §
МАЛЕНЬКАЯ ПУ

51

ЙЬЫП ЧОРТОК ЗЬВ
ГВОЗДЁЙ РИ ГИНЩДРВ
ПЕПЛЕМ НЮХИОЙ

52

ДОПИНГ
АКИ РЧИЙ
РЮМКА КОНЬЯКУ

53

СТЕРИЛИЗОВАН. РЕВМЯ
БРОДИТ
ТЕЛО

54

УКРАВШИЙ ВСЕ
УКРАДЕТ И ЛОЖКУ НО
НЕНАОБОРОТ.

ВОЙНА (1916)

55. ПРЫГ С АЭРОПЛАНА

гб
грыбата
грыбура
жыр
маг
арбуз
канкф
суд
полотенце.

56. БИТВА

дрожь
рожа
сметана
рожь
чернозем
паровое отопление с лимоном
хотите выпейте
он копченый

57

иона
 нола
 бензина
 грязь
 милостью
 липкая
 рыдай
 ржая
 глубь облупленная
 бу

58

глаза вылезли из кругом красные веки
 убежала боком ищейки щеки
 промелькнул хвост ракеты выписывая вензель
 как над каской
 стучат
 отоприте
 топро-пор
 белый выкидыш

59

Режет влажную землю сошник
 Провода стиснули жирную стену
 Железо звенит железо свистит
 Дайте пожить и железу

60

Не падают мертвы стоят
До Берлина тянется ряд

61

С закрытыми глазами видел пулю
Она тихонько кралась к поцелую

62

Три серы надумали звери
Да серы их роги в Берлоге без веры

63

Падал грозою сундук
Камни взрывая как пух

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ (1917)

64. БЕССМЕРТЬЕ

Мцэх
Хици
Мух
Ц л
Лам
Ма
Цкэ

65

Шокрэтыц
Мэхыцо
 Ламошка
Шксад
 Ца
Тял

66. ОТРЫЖКА

Как гусак
 объелся каши
дрыхну
 гуска рядом
маша
 с рожей красной
шепчет про любовь

67

упача Чуме
мужа Лажила
жила на Жилу
ужилок Гумб
 Раже

68

Искарיותы вы
 никуды
Я сам себя предал
 от большого смеха
болтаю ногами
пускай их уха течет дрянь
судьи — корыто
ночь и день
гром и свист
 для меня —
 одно.....
полотенце показывает кулак

ЛАКИРОВАННОЕ ТРИКО (1919)

69

Страшен только первый гудок крови.
Мы ее потом смакуем
как вязкое вино —
и рука
гуляк по скАлам давить не дрогнет!..
В рассеянности, как молодой картофель,
Мнем и бросаем в разлуку
на ихнее дно.

70

У меня совершенно по иному дрожат скулы
— сабель атласных клац —
когда я выкрикиваю:
 хыр дыр чулы
заглушаю движенье стульев
и чавкающий
раз двадцать
под поцелуем матрац...

71. РЕСТОРАННЫЕ СТИХИ

Я-сорвавшийся с петли —
буду радовать вас еще триста круглых лет!,
при жизни — мраморный и бессмертный,
За мной не угонится ни один хлопающий могилой
мотоциклет!

Я живу по бесконечной инерции
как каждый в рассеянности свалившийся с носа
луны
остановить не могу своего парадного шествия
со мною судьба и все магазины
Обручены!

72

Нет отрадней встречи в полночь с
любимым другом
в столице нашей дружбы!
сердце петель веселья напугано
забросим прямые маршруты!
с ружьем и катУхой
греми без конца
ЗаварАх
БРУЗДОВАНИЕ!...

73. ГЛУХОЙ

Живу у иностранцев
говорящих на среднем языке

а — ша — оАжд
сизу близ кооперативной лавки...
пропускаю, запАмятью запутавшись, обед...
как больно вспоминаю
твой глаз
каждый...

74

В полночь притти и уткнуться
в подушку твоей любви —
— Завтра уеду в Москву! —
Освободятся сЕльтерские ноги мои
ими, как локтем пропеллера, взмахну!
сто лет с тобою проживши
не позабыл о Ней Единой.
ЧЕРЕЗ закорючки капусты, по крышам,
летит мой дух лебяжий
На — фта — линный! —

75

Тут из пенки слюны моей чилистейшей
выйдет тюльпаном мокроноса Афродитка
как судорга тухлого яйца!
Сразмаху пырнет ногой важУрные сердца!
Эй вы, поэзии старейшины,
на ребенка моего АХАВАЛОГО посмотрите —
дочь богатейшего купца!...

Надо прыгом урвать
 у немахи судьбы
 ее замотанные в тряпье четыре слова
 Проси потом до шЕпеля хрипоты —
 Через 100 лет прокаркает
 ЧОртова!

Слова мои — в охапку — многи —
 там перевязано пять друзей и купец!
 так не творил еще ни государь, ни Гоголь |
 среди акаций пушАтых на железной дороге,
 Не одинок я и не лжец, —
Крючек крученных молодец!...

Если бьешься и злая рифма никак не выходит
 Пойди и плюнь другу на розовый жилет
 Затанцуют в горле твоём бриллиантовые колоды
 И посыпятся зуботычины созвучий
 как с Олимпа
 велосипед

79. МЫШЬ РОДИВШАЯ ГОРУ

(СОБАСНЯ)

Мышь, чихнувшая от счастья,
 смотрит на свою новорожденную — гору!...

ломает дрожащий умишко:
где молока возьму и сладостей,
чтоб прокормить ее ненаглядную впОру
и какое ей вырыть палацо?!...

80

Айчик
Куньки ли тюк
нитюн
Судьбича смыли
сунесли вну
проглоченные бусы
бесколесный,
лежу — ужасный —
как белая калоша
без молока

81

В моей пустодупельной голове
Фильтром жужжат
Мохнатые слова
Я выставлен в верхнесветскую
галерею!....
Замирает переписака
Пять тысяч одна....

У меня изумрудно неприличен каждый кусок
 Костюм покроя шокинг
 во рту раскаленная клеим облатка
 и в глазах никакого порядка....
 Публика выходит через отпадающий рот
 а мысли сыро-хромающие — совсем наоборот!
Я В ЗЕРКАЛЕ НЕ

ОТРАЖАЮСЬ!.....

Лакированное трико
 новАтки!
 Чулочки фугасА!
 Гангрен

ПРИМАВЗДОРЫ !!!

Трикковое
 лото-то
 конь
 перебирает
 четки

Огненный столб РАЗМАХНУЛСЯ С НЕБА
 И не попал по щетинным полям
 Пол-переулков
 В темноте отхватило!.....
 Птичьевга
 Пустырьда...
 Похищают
 Полосатые ботинки
 Кучерявых дам

Тринадцатилетние будьте готовы
И ВАС ПРОЖУЕТ ВАСИЛИСА
ВЕСНА!

В возрасте хрустящем
ПОМИДОРНОМ
Запорожит черная букса!....

Чтобы согреться, я стал поедать грибочки
не замечая что дышать нечем...
одну проглотил живьем и она как вселитра
нутри...
из моего рта тянется заковечная связка мокрого
белья
Урез стоял в углу
И куда его убрать — свинцовую кашу?..

Плакал
звал маму
и Люлю
полоскал крахмал
фу — у — ус
ГОРЯЩИЙ жулик
в кровельном цилиндре
уюня
уЮник

Из нейтрального белого дегтя
 Я приготовил острейшее — **СТРЕОЛИН!**
 По два в день порошечка
 без запаха с этикеткой Багратион
 И будете вы **НЕЗАРЖАВЛЕННЫЙ**
ВЕРЗИЛА
 Выскакивающий из каждого луснутого семечка.

О, умишко двух слов,
 Сказанных после 19-ти пунктов
МЕЛЬХИОРА мира

ЗЮЗЯ виснет на лобном месте
 артичится
КОКСОВЫЙ
ЗИКР!..

Оязычи меня щедра **ЛЯПАЧ**
 — ты покровитель своего загона! —
 чтоб я зычно трепещал и дальш
 не знал[!] беляжьего звона! —

ОТПУСТИ ЛОМИЛИЦУ МНЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ.

II.

Оязычи ляма щад
трыпр ВВОВ ПИКАР сов за
ЦБЫЧ!
ЩАРЕТ!
лямашА...
узаль БЯ узвО
ло тимлицИ
Зод зод
дров!...
Фью кем
гести
Хость
Павиан
терпкий полотер
половинный
ПОЛОВИНАХ
киян.

93

Моя душа больна дурной болезнью
в нарывах стыдных локти
и мой хранитель тоже:
вошел вчера в сияющих одеждах
сегодня ж угорел застылый
Ступней в гаванне кожась!...
Чуть чутьдохну — и гибнут кволье селенья

От слова — целый город
Идет чумазая чума!...
Но если выдержат черного гения
навек будут прочны —
как мой фуфайки смех
как любящих
война!...

94

Клепанный восьмиствол
живой лесопалки
муздрильный нож
шаращит
страстную плитку
для РОЗОГРЕША мелкотравчатой
пилки
лопастью 18 фут!...

Барно в синяках!

95

ШЕСТИЗАРЯДНЫЙ КУБИК
шевелится в ноге
рекомендация гладит
мою ГЛЯНЦЕВУЮ улыбку
а я ничего не вижу
насупленный щедротами ЯЩИК!...

СУРИЯ освещает пустыню
 Золотопесочным фонтаном
 СлЕпИт глаза...
 ты упадеШь измороченный!..

97. КОНТРАСТЫ

От ОЛЬ к ШЫ

моль смолИла
 прокатства
 черепки буЫни
 изломахи
 ИЗМО-ЛО-ХО-МАНЬ-Ь...

Ш Л Ы К!

Г В А Л

КомпАрунд!...

98. ИЛЬЕ ЗДАНЕВИЧУ

Как легко читается

Остраф

Пасхи!

Маханида!

Всенощная залегчается...

Как Эрику прибился велосипед!...

99. ПОУЧЕНИЯ

Надо питать интуицию
Холить ее ДОЛГИМ СНОМ
САББАДИЛОМ БЕЛКИ ЕЕ
ВЫСТИРАТЬ

Убегая НИЧТЫ!
Не пейте ночами керосина!
Глотайте воздержанней
вино!...

100

Изменяю ТЕСЬМОЙ ЧИЛИСТЕЙШЕЙ
выкурнет
СЛИВКОЮ МОККО МОДНИЦА
Катушка пухкая
Смухка ранит пыргон баркасица!...

101

Упрямый и нежный как зеленый лук
Из своей перепиленной глотки
построю вам ПОВИВАЛЬНЫЙ ЗАВОД!
На свадьбу ОСТРОКОЖНЫМ кокоткам
строжайше преподнесу свой подвальный герб,
а сам присяду
и зубной щеткой
буду внимательно

Челюсти вертеть!

Безма
 бзама
 смани
 яан ану
 илу чилир
 ГЕНЕР...

безумный финансист я аннулирую генИлье
 сочиняю круговой пугамек!

ПЫРЯЮ ФОССОМ БРАТЬЯМ —
 БАНКИРАМ В БОК!

радиусы: Тагоры — Собиновы запрятаны
 в богоугодные заведеньица

там РАТАТОРЯТ старческий паек!

Я переверчиваю цены, столбняки — таксы,
 беспромазно попадаю на безвестно верст в цель
 Понижаю курс на МЫЛОВАРЕННЫЕ ЛАСКИ
 ДОБИВАЮ МИРОВОЙ ПРОСТРЕЛ
 и ни один мой торговый дом не прогорел!

103. АПЕНДИЦИТ

Новая жизнь рождается с кровью
 Сморощенным комочком
 чтобы вырасти в ЗОНТИЧНЫЙ ОГОРОД
 полный сокровищ!

Скучая без дела
 одинокая сирота скважина
 оботкнулась вкоралловый пень!...
 целый день губка
 восковая
 капала...

И у нийе жених есть — как РОЯЛЬ ВО ФРАКЕ
 с головой булавочной
 БУБОННЫЙ ЗИНГЕР!
 закусывает перед свадьбой
 Лампасной ножкой кровати

Бак моего завинченного сердца
 наполнен вспльчивым, как меняльная лавка
 бензином
 вот вот от понюшки Рапэ чихнет и взорвется —
 ЗАТРЕЩАТ ШИРОКОКОЛЕЙНЫХ БЕДЕР
 ДРЕЗИНЫ!
 все полетело капотом КУФЫРКАЯ в черный ров
 где зеленится Шахнамена на дне
 Поднимется труб и сиренниц вой
 всклокочется перебивьями стекол
 КОСУКИЙ ДЕНЬ...

Я нежусь в бесфасонницу
СМЫК! —
 как башня Эйфеля на струнке!
 Покупаюсь и глаза ПОМУДРЫЕ выстираю —
 наливнОй душе
 БЕСКОНЕЧНАЯ МАТЕРЦИНА!...
 (Май — июнь 1919 г.)

КОМЕТА ЗАБИЛАСЬ ко мне ПОД
ПОДУШКУ
 Жужжит и щекочет, целуя колючее ушко

Брак...
 рыбака...
 тяни сильнее щук, пророк!
 тяни и вылупишь из сердца моего сырой кусок!
 на брачный стол
 положен спины излом
 ЗАЛУМАН
 ЛВУЗАХ
 алтман
 лтма

По просьбе дам,
 хвостом помазав губы,
 я заговорил на свежем-рыбьем языке!
 Оцепенели мужья все
 от новых религий:
КАРУБЫ
СЕМЕЕ МИР,
БЛИЖИ МОБЕ!...
 задыхается от радости хвост рыбий.

111. СМЕРТЬ КУВЫРКОМ

Стосковалась моя желёзка по кислце салату
 и стукальцам небылиц
 и закинув несгораемую хату
 ввысь поднимаюсь как накрахмаленная певица!
 Забросил я память от жажды нового —
 дыма и шипа бугорчатых машин
 негра кочегарно-танцующего голого,
 без пиджака... испола! Терпентин!
АРМАТУРЮ! В ТАНЦЫРЬ
ЗАКОВАННЫЙ
 над пропастью взлетаю как пучень морской
 буркоты —
И ДЕВЫ ВЛЮБЛЕННЫЕ ДО КОСТИ
ИЗЖЕВАНЫ
ПОСЛЕДСТВИЯМИ КРАСОТЫ!..
 и вот собралась все
 телесными ерзая выступами
 коленями пригнули меня к земле

в лоб мягко выстрелили
чмок! квяю!
будля умрюк!

112

Я пошел В ПАРОВУЮ ЛЮБИЛЬНЮ
Где туго пахло накрахмаленным воротничком.
Растянули меня на железном кружиле
и стали возить голым ничком.
Вскакивал я от каждого соприкосновенья
как будто жарко ляпали СВИНЦОВЫМ
ВАРЕНИКОМ!

кивнули — отрубили колени
а голову зашили В ЮБКИ БАЛОН.

.....
и вот развесили сотню девушек
ВЫБЕЛИТЬ ДО СЛЕЗ НА
СОЛНЦЕПЕКЕ
а в зубы мне дали обмызганный ремешок
чтоб я держал его пока не женюсь на безбокой
только что вытащенной
ИЗ МАЛИНОВОГО варенья!...

113

На хвосте мотоциклета в кашнэ лейтенанта
бьется заржавленный смерти коробок
мотор гонится по шоссе и через кладбище
на перебор чугунам и едким пескам
охотясь за моим помятым пиджаком

а я обернусь и привычной рукою
ВЫСЫПЛЮ ВОЯКА В КУЛЕЧЕК!

114. БАЛЛАДА

На хвосте мотоциклета Лейферта
бьется в кашнэ лейтенант
он неизвестно кем привешен
машина мчит его на кладбище
через опустелый ипподром!...
впопыхах не оставил дома сигары
голодные зубы волочат дым
до лысой поляны
где дожидается артельщик кашЕМИР.

115

Каждый день, встречая в подъезде
моего захудалого двойника —
я порывался его нащупать.
Он был увертлив —
кричал дворнику:
— из него чучело набейте!
и тыкал палкой в мои
залежные глаза

116

Когда бегущим ХАМБОЛОМ перевернуто
не надо впотьмах искать,

дамской иноходью раскачиваясь,
золотую бра-вошь!

Чумою в прическу Капри пунулись

ЯТСЫ ПРОЭТЫ
ДИАХ ДЫРОТЫ —

все рты и катафалки
незамполнены!...

117

С СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТОЮ ВО РТУ
РОДИЛСЯ Я, СЧАСТЛИВЕЙШИЙ!
БАГАЖ ЕПИСКОПА ГЛОТАЮ НА
ЛЕТУ

пока

серебреником не подавился...

— Ы — АК!...

МИЛЛИОРК (1919)

118

Я поставщик слюны “аппетит” на 30 стран
Успеваю подвозить повсюду
Обилен ею как дредноут — ресторан
Рельсы блещут как канкан
Цистерны экзотичный соус подают к каждому
блюду

Мне разжигателю похоти кадил
Дорог мой вид неудержимой шипучки с батинкой
трясучей

Я пепсин для жвачки и мандрил
Пенюсь до потери сил
Певицы с треском целуют мне ручки
Жабы нежности сероглазастые
Лезут из водопроводной ноздри
Блюбленные коренастые
Лижут уши мои!
Планетам всем причастен я
Музка, слезы блузкой оботри
Заатлантический транспорт моей насморочной
глубины

Не знает пределов!
Пароход восторжен от маршрута шаризны
У него бока грузны
Не принимает на борт других консервов

Сквозь дождь слюнявый мир заблестит гримасной
радугой
Без нее как без вежеталя на земле сушь

119

Я прожарил свой мозг на железном пруте
Добавляя перцу румян и кислот
Чтобы он поправился, музыка тебе больше
Чем размазанный торт
Чтоб ты вкушала
Щекоча ноготком пахнувший терпентином (смочек)
Сердце мое будет кувырком
Как у нервного Кубелика
Смычек.

120

Когда мне дали плюху
Я сказал:
За битого всех вас дают
Пощекочите еще
Мое личико!
Какой скандал!
Надбавлен мой пьедестал!
Тот побледнел как парашют
Просящим глазом
Закивал
Отдайте мне назад
Безвозвратно и свысока был мой ответ
Ни единого плевка не получит ни один человек

Так и умрет
Без автографа
Вы вызывающие на ДУЭЛЬ знайте
Обижаться мне Африканская лень

121

Чисто по женски нежно и ласково
Она убеждает, что я талант
Что меня по меню положат на — стол
И будут все как лучший ужин захлебывалась лакать
Ватага изысканных жевак
Набросится на мою телячью ножку
Кину им пачку улыбок золотых рыбок
Будут пораженные плясать до утра бряцая воистину
ложками
Запивая ликером моей цветущей рубахи,
Где на подтяжках висит красного дерева диван
И стану в в угол и буду от восхищение
и благодарности плакать
а за мною
Весь кафе-ресторан...

122

Меня заласкали,
Меня залюбили
— Заландалы —
в Бразилии
дамы

в зеленом автомобиле

.

и я расслабленный

нефтеточивый

нефте.

ефте!

рчив.

ЗАМАУЛЬ (1920)

123

ХО БО РО
ВО РО МО
КО БО РО

ЖЛЫЧ

124

ЗЕМОхТИ
КУШУМАС
ЖЦИС

ГИРЗАНКА ГЦИС
ЗУРУМхТи АШ
ГЛЫЧ ТСМРО

125

Палка утвердилась на плечо
лакированной бездумицей
зеленая саранча
в индиговых перьях
поджарила грудки
клокоча корсетом

ПЛЯШЕТ В ПИРАМИДЕ ПАВЛИНЬЕЙ ПЫЛЬЮ!

126. ПОРТ

пузатый боченок
огнетушитель
кузен ганоидной рыбки
жизнерадосно прыгает
В ЭСТУАРИИ
порезвиться
с набитыми песком
мертвыми перчатками
утонувшего ФРАНТИКА.

127

Разрыхлились мои ребра
от подземного счастья
67 сфер уже настезь
и я в путь последний приуготовлен
ПОУЧАТЬ КРАБАМ!..

128. ПОРТ

Румяно-шелковый сафлор
Бросая шприц взоров
Провел по напряженным сходимям
Хрустящую циркачку
на петельный
ЭШАФОТ...

Кокетничая запонками
 из свеже-отравленных скорпионов
 Портовый кран
 вдвое вытянул
 изумрудный перископ головы
 и прикрыл
 индиговым сатином
 жабры,
 дразня пролетающих с Олимпа
 алебастровых богинь
 цин-ко-но-жек!...

с чисто бумажно-женским терпением
 подмяв под себя широкое кресло
 Вечорка
 выстрачивает
 швом Ришелье
 по 20 стихов ежедневно!
 Бог с поволокой
 и дьявол с Иудой в прическе
 оба пасуют
 перед всемирной
 Компанией Зингер!...
 Беснуются все словари
 отощавшие
 от вытягиванья последних ниток!..

 Вот

воодушевившись суетой мирской
рекомендуется молодым поэтам
ПРАКТИЧНАЯ ШПУЛЬКА
ГЕНИЯ!..

131. ТАТЬЯНЕ ВЕЧОРКЕ

ТЕПЛОНОС
С лихорадочным глазом
Выпрыгнув из печки
Два гора назад
Летит еще
Мертвой хваткой
На потолочный нипель
Загрызть кубарем!..
А за ним
Заплетываясь лапами
700 пуделей!...

132

хлюстра упала хилому графу на лысину
когда собрался завещание одной НИНЮ
написать —
он так испугался
что вовсе не пискнул
в дверь надвигалась
поющих родственников
ОРАВА!..

И так плаксиво пахнут
 русалки у пруда
 как на поджаренном чердаке
 разлагающиеся восточные акции
 сокации кибля
 мыган огляр
 хючки
 хычас
 гыш!

Малярия замирает
 залюбовавшись
 металлическим шариком на носу..
 приходит колокольница
 тормозит ленивку
 прокатиться
 на эоценовой
 кабретанке...

перекошенный предчувствием
 ПОТОЛОК
 неожиданно встал
 привел еще двух
 открыл глаза

и увидел кругом
обитый гардеробами
ПРАЗДНИК!

136

елигуш шУн Э
БАШВИ аГБАН
ГАЛАШАН

137. 13 ЛЕТ

ЛЯ СО мель
кльсь МИЛЬ

ТЕ
линь....
ДЫЛЬЧИК

МЯТЕЖ (1920)

138. ЗВЕРЯК

рыз мьц!
Сары каз сур Бры!
Гэгэр сун карч!
Бутуг
Цайгачан
Быш!...

139

Раны мои как красные вòруны,
Вопят кувачным голосом!
Ошанкерилис палачи
Плачут жгучею водкой
Ангелы зараженные
Под огромно-тупой кровлей!..

140. ЖЕНЩИНА В ПЕЩЕРЕ

Первоначально самки пахли
Цветочным илом
И брызги чебреца в глазах,
И ветви кос дремучих
Не выпускали пленных никогда!

ЦВЕТИСТЫЕ ТОРЦЫ (1920)

141

душа русская непреклонна
Радиактивный игумен пусть горбится
выкидывает трупы из горба
— Поваливший жертву
нож обезумевший
НЕ ПЕРЕЛОМИТСЯ

142. Я В ОТЗЫВАХ

Не сердитесь, г. Лермонтов,
Говорящий томаами!
Треснул волос
И на каждой завитушке Шекспира
Повисло по любопытствующей
МОНАСЕ!..

143

У ЛИФТА ЧУВСТВО ВЕКА
НЕВРАСТЕНИЧНА КОЖА
САФРАНОР ПАДАЕТ С ГРОХОТОМ
С ЭТАЖА
МОДЕРН...

ТАК ПРИКАЗАЛА ТЫ.

она сидит в салоне
 Мертва рассматривает в пробирке нефть.
 Гудит урагана шелом
 положит у ног ее
 ДВЕРЬ...

Дым покрашенных ноздрей
 Курчавоглазого зверька
 Толчками сдул меня
 С площадки воздуха
 И я летел
 Как выроненный
 слизняк!..

146. ЛУНАТИЗМ ВОКЗАЛА

ОТ ГРУСТИ
 СТАНЦИИ ПОБЕЛЕЛИ
 ЛУННОЙ ИЗВЕСТЬЮ
 СТЕРШИЕСЯ НАДПИСИ
 В ОСТЫВАЮЩЕМ ПАРУ
 ПЕРЕПРЫГИВАЮТ НА ФАЯНСОВЫЕ
 ГНЕЗДА
 ТЕЛЕГРАФНЫХ СТОЛБОВ...
 КРАСНЫЙ ПАВЛИН СЕМАФОРА
 ХЛОПАЕТ ПО ЗАТЫЛКУ
 РАСШВЫРИВАЯ ПО МЕСТАМ

УЗЛОВЫХ ДЕЖУРНЫХ...
ЛУНАТИЗМ ВОКЗАЛОВ
РАЗДЕВАЮЩИХ ОГНЕННУЮ ДУШУ
ПОД ЗВУКИ БРЕВЕНЧАТОЙ ШЕСТЕРНИ
ПУГАЮЩЕЙ ПО НОЧАМ
НЕДВИЖНЫМ ПИРУЭТОМ...

— — — — —
НЕРВНЫЙ СВИСТОК ЗЕВОТЫ.

НА МОСТУ

ВЫВОРОЧЕННАЯ ВОДОРΟΣЛЯ

ДЕВУШКА

СЛУЧАЙНО УВИДЕННАЯ ОКОМ

БЛУЖДАЮЩЕГО ЭКСПРЕССА

ВЫПЛАКАЛА СВОИ РЕБРА

НА САПОГЕ

ПРИГВОЖДЕННОГО В СУМРАК

СТРЕЛЬЦА

И ПАРНИКОВЫЙ САДОВНИК

С ОЛОВЯННЫМ ЛИЦОМ

ПРИЧИСЛИЛ ЕЕ К ЛИКУ

ТУМАННОЙ ДЕВЫ.

147

летняя спячка ленивей зимы

палец обрюзг

закатилось море керосинное

салом намазан

туманный

нос...

на всех заковулках
 надрал:
 — сокко!
 цмак
 абриолин!

 на всех переездах
 написал:
 — сокко
 цма
 абриолюн!

на самом дне затона — неладно:
 там глаз у карася слишком ясный...
 и смех старушки
 тонкие брошки
 золотые помелом кривули
 и кредитки фальшивые чересчур резкие
 ИСПЕЧАТАНЫ
 МОИМИ СТИХАМИ!..

150. Х И Р О М А Н Т
 § § § § § § § §

РАСКРЫЛ ЧАШЕЧКИ АКАЦИЙ
 И БРОСИВ ЛУЖЕНЫЙ ПОЛТИННИК
 ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○

УМЕР ПОД ПОТОЛКОМ
П Р И В И Н Ч Е Н Н Ы Й
К К О К О Т Н О Й
Л/А/М/П/О/Ч/К/Е...

151

СУДЬБУ ПЕРВОКРАСАВКУ
ПОЙМАЛ НА ГРЯДУЩИЙ АРКАН
ОБЯБИЛ РОТ МАКУХОЙ
И ЖМУ... ЗАДЫХАЕМСЯ ОБА...
ВОТ ГОЛОС ПАВЛИНИЙ ИЗ ЗАВИТОГО
ПАТРОНА
ПО ВЕЛЮЧЬЕМУ ХОТЕНЬЮ
ТЫ ОСТАЕШЬСЯ БЕССРОЧНО ЖИТЬ...
ВЫСТИРЫВАЙ СВОИ ЗАСТЕНКИ
САБАДИЛОМ, КАКОГО НЕ ЗНАЛ ЕЩЕ
НИ ОДИН ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОПЕЛЛИН
НА ПРОСТОРЕ ПОМПОЗИТНОМ.

152. ПЕРЕХОД НА ПОБОЧНЫЙ ТРОТУАР

когда из под локтя
встречаю
я ясно вижу корочки глаза
и дыхание как у бьющейся птицы.
придет падчерица
и мелом
брызнет на мои
локоны...

Вечорки тень накладывает лапу
 На умильный восток
 Горящий встревоженной шарадой
 У ее подъезда.
 Острия миндальных зерен
 Просачивается сквозь паром.
 Уронишь
 Вокальный роббер...
 У ног твоих
 испытывает острый затылок
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕРТЕНОК.

Зев тыф сех
 тел тверх
 Зев стых дел
 царь
 тыпр
 АВ
 МОЙ ГИМН
 ЕВС!

155. ДОМ ГОРГОНЫ

ФЛОРЕНСА
 НЕ СПАЛА В ОЖИДАНИИ
 ФАМИЛЬНОГО ОТКАЗА.
 В ШТОФНОМ ПОКОЕ ЗАПУСТЕНИЯ

В ПОЛНОЧЬ
ЧАСЫ ПРОБИЛИ ТРИДЦАТЬ...
С ПОТОЛКА РАСТЯНУВШЕГОСЯ
НЕЕТОПЫРЕМ
ГРОХНУЛСЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЖУК;
БОЛЬНАЯ ПАЛЬМА ЗАЦВЕЛА 15-Й РАЗ
В ЭТОМ ГОДУ.....

ФЛОЙ ВСТРЕПЕНУЛАСЬ НА СКАЛАХ
НАХЛОБУЧЕННЫХ ПРОСТЫНЬ....
ТЕРЯЛА РУКИ
НЕЧАЯННО ВЫБИВАЯ ПЫЛЬ
ИЗ ЗАСУШЕННОЙ ЛАПЫ ТИГРА....

ЧУЧЕЛО КРЫС
МЕТНУЛИСЬ КОРИДОРОМ
УГРЮМО ВИЗЖА В СВОЕЙ КОНУРЕ
ПОД НАМОТАННОЙ ПАНЕЛЬЮ....

БЮСТ НАПОЛЕОНА
В НАБУХШЕМ ЧЕХЛЕ
ОБНАЖИВ СВОИ ЗУБЫ
ПОЙМАЙ ИХ!

156

нарывающие вершины
Китайских пагод
округлились желчью
гудящих печей,
и в рикше

свистнул коростель
призывая к безмолвию
бенефисных
КАТАСТРОФ!..

157

САФО
ОБРЮЗГШИЙ СТАРООБРЯДЕЦ
ЗАСТАВЛЯЕТ ТРИВИАЛЬНЫХ ПОДРУГ
ЛОВИТЬ РЯПУШКУ
ДЛЯ ФАОНА...
СКАЛА ВЫГИБАЕТСЯ
ТЫКАЛОМ...
СОКРАТ БЕЖИТ
РАСТЕРЯВ ПОДОЛ
СМОТРЕТЬ КУЛИНАРНОЕ
МАСТЕРСТВО
УЧИТЬСЯ ВЛЮБЛЕННЫМ ВОПЛЯМ
ПРОДЕСЯТЕРИЧНОЙ МУЗЫ –
КИНЕМО!..

158

Муху в душу запустили
Тушаны́
и жужжит
Будто плачет
граммофончик
от избытка счастья!
.....
золотуха муха

фантазм
 известково-ярких ночей
 пленял лихорадочных псов
 загробным шатаньем
 среди ретортных торцов
 и вот зацвело
 меблированным светом
 мое последнее
 БЕЗУМИЕ

ЭТО ПАУК В БЕНЗИНЕ
 БЫЧНЫЙ, НО С НЕОБЫЧНЫМ
 ОТТЕНКОМ
 ЗАКАПАННЫЙ ТВЕРДОСТЬЮ
 ЧЕРЕСЧУР РЕЗЧЕ...
 ПОТОМУ ЧТО ПОЗОЛОЧЕННЫЕ МЫСЛИ
 ПРИНАДЛЕЖАТ ТОМУ, КТО ИХ
 ОБРАБАТЫВАЕТ.
 ПОВЯЗЫВАЮ ДРУГА
 ПОЛОТЕНЦЕМ БАЛКИ
 ИБО
 ТАК ПРИКАЗАЛА ТЫ.

На корешок поймал и тянешь
 Из моей души управляющего

Грудь стальным ерша!
И нет конца выворачиванью...
В угрюмых скулах темнота...

164. ЗАДОРНЫЙ ВЫЗОВ

Чхо — хох!
Чо по зно скер!
Эле каплей баля!
Дон цхейль улэ
уклей чипля!
Зву — бы зук — бы
чипли!
злукон! злубон
шагимп!
ой — кой — ни — ни — сме — ме
фазу — зу — зу!
фузуз!..

165

От вздрогнувшей стены отделилась девушка
подмигнула
и стала старухой.
Так просто без шума
переворачиваются квартиры
пропадают подсвечники
и стреляют тараканы
Рисом
в ухо.

Дама
Ванильной мышью
подтачивает
пеньки надсердья
в порошок.
Подводит к плотине
и подталкивает
бегом рулетки
через каждые 1/4 часа!

ГОЛОДНЯК (1922)

167. ГЛОД И МОР

Ночь... Нучь... тычь... туч...
Ход дрог... гроб... глух...
Звук пал... крик!
Блеск! **НОЖ КР-Р!**
Течь... кровь... тих...

**ЗОЛ ГЛОД!
МОР НАГЛ!
НОЖ ГОРД!
МИР ПАД!**

168. ГОЛОД

Снопатые поля ушли в преданье...
Хлебатые амбары — с треском высохли
Крестьяне деревянные обратились в липу
И в щепы — щеки худощавые...

.....
В избе, с потолком дыряво копченым,
Пятеро белобрысых птенят
Широко глаза раскрыли, —
Сегодня полные миски на столе дымят!..

— Убоинки молодой поешьте,
Только крошку всю глотайте до конца,

Иначе — встанете, —
Маньку возьмет рыжий леший, —
Вон дрыхнет, как баран, у суседского крыльца!..

Мать сказала и тихонько вышла....
Дети глодали с голодухи,
Да видят, — в котле плавают человечьи руки,
А в углу, ворочаются порванные кишки.

— У ох!.. завопили, да аравой в дверь —
И еще пуше ахнули:
Там мамка висела —
Шея посиневшая
Обмотона намыленной паклей!..

Дети добежали до кручи
— Недоеденный мертвец сзади супом чавкал, —
Перекрестились, да в воду, как зайчики, бухнули,
Подхватили их руки мягкие..

А было это под Пасху...
Кровь убитого к небу возносилась
И звала людей к покаянию,
А душа удушенной под забором царства небесного
Облакачивалась.

1920

169. ЯДОПОЙ

...мне ж смерти нет
и нет убоя!

в лицо плюют корболкою напрасно -
как будто пухну от ядопомя
и пистолета выстрел
застенчиво гаснет!..

170. ВОЕННЫЙ ВЫЗОВ ЗАУ

Уу — а — ме — гон — э — бью!
Ом — чу — гвут — он
 За — бью!..
Гва — гва... уге — пругу... па — гу...
— Та — бу — э — шиш!!!
Бэг — уун — а — ыз
Миз — ку — а — бун — о — куз.
СА — ССАКУУИ!!! ЗАРЬЯ!!! КАЧРЮКИ!

171. КОНМИР

Вселенная погибель

...Будильник подошел и осторожно
отворил последнюю дверь...

Н. Саконская

Вчера
в 1 1/2 минуты по полудни
Мир скончался на моих руках.
Я вскочил в испуге
И стал шептать
Пустые слова —
Телеман... злосте шу...
Скус...

Еще молодая девушка
18-летняя вселенная умерла!
Что с ней делать?!
Мы тихонько ее зарыли
Ящик у двора...

.....
Сквозь бревна
В доме притаившегося покойника
Не надо много слов...
Лучше сказать тихонечко:
— завтра
 будь
 здоров!..

Возьми булку
воткни в нее двухкопеечную монету
и иди в баню
ролики
мотыльки прейскурантики
тебя любят страстно!..

От кислого газа
вся тварь приуныла...
Жестянкою сердца
перед кончиной
пели консервы:
— несчастны слабы мы,
помилуй помилуй
спаси нас
Христос — автомат!.. —

Но глухо завинчен
Сухой оцинкованный рот...

Бромщик
на диване
уселся
— раз раз
резь резь! —
ухлопал мои глаза

О, умишко двух слов
Сказанных после 19-ти пунктов
МЕЛЬХИОРА МИРА!.. —

Чужого ребенка няньчу
И лудь мою сосут волчицы
Рядом стекленеет глаз
Перебитой поленом клячи..

1921

172—173. ГОЛОД ХИМИЧЕСКИЙ

Баллады о камне Карборунде

I. РЕКВИЕМ

Карборунд — гремющий клад
Огром, колесо на крышах
Зубом раздавит рессору над нами,
Осколки на пальцы нанизывает!

Восстань праматерь чугуна
Ревущая лахань, руда, железо
Излей из груди глины стальное молоко
Утробу шли по жирным жилам

БРЫЗНИ —

Все выпивает он
ГЛУШИТЕЛЬ
Марборунд!..

II. ПЛЯСОВАЯ

Карборунд — алмазный клац
Солью брызжет на точиле
Крепче кремня жаркий сплав
В магнетическом горниле!..

В чем бессилён Крупповский снаряд —
Ты танцуя проскользнешь!
Айро — молний точный взгляд
Стало — грудь пылишь щепоткой!

Перед гибелью металлы
Как пророки
В лихорадке
На ребре прочтут насечку

S i C — (эс и цэ)

Твой родословный
Гордый знак!..

Стугота... стугота!...

Убийство без крови...

Тифозное небо — одна сплошная вошь!..

Но вот

С окосевших небес

Выпало колесо

Всех растрясло

Лихорадкой и громом

И к жизни воззвало

ХАРКНУВ В ТУНДРЫ
ПРОНЗИТЕЛЬНОЙ
КРОВЬЮ

ЦВЕТОВ...

— У — а!.. родился ЦАП в дахе

Снежки — пах! — пах!

В зубах ззудки...

Роет яму в парном снегу —

У — гу — гу — гу!.. Каракурт!.. Гы — гы —

гы!..

Бура — а — ан... Гора ползет —

Зу — зу — зу — зу...

Горим... горим — го — го — го!..

В недрах дикий гудрон гудит —

ГУ — ГУ — ГУР...

Гудит земля, зудит земля...

Зудозем... зудозем...

Ребячий и щенячий пупок дискантно вопит:

У — а — а! У — а — а!.. а!..

Собаки в саях сутулятся

И тысяча беспроволочных зертей

И одна вещьма под забаром плачут:

ЗА — ХА — ХА — ХА! а — а!

За — хе — хе — хе! — е!
ПА — ПА — А — ЛСЯ!!!
Па — па — а — лся!..

Буран зудит...

На кожаный костяк

Вскочил Шамай

Шамай

Всех запорошил:

Зыз — з — з

Глыз — з — з

Мизиз — з — з

З — З — З — З!..

Шыга...

Цуав...

Ицив —

ВСЕ СОБАКИ —

СДОХЛИ!..

176. ЗУДУСА

Ганизац... |Небоскребы!. | Лаз | Луз |
Зулусы... | Луськают | сухожилья стекл |

Бамбуко — тросы

Кви — и — интию!..

Нагромыбахают

упавших горы аэро

с туч | тычком |

Хрыч!..

Упади вятку

карзы битв

шелковые колымаги
резут шибко
Караваны ниц!..

Мироздание начинается с четверга,
Царствуют окорока земель
Спят величавые сторожа
Тушеным ясом
Приползет
Каракалина!

На темную Троеручицу
Большеголовую
Сели мои слова
Вскипела Заступница,
И в трещинах
Кружатся —
Хобры, ко — ло — мо
Зу — зуз
И
ра — ва — ха!..

Я прожарил свой мозг как шашлык, на железном
пруте —
З — з — з — ш — ш — ш! —
Добавляя перцу румян и кислот
Чтобы он забавляя понравился Музка тебе,
Больше
чем обрюзгший
Размазанный Игоря Северянина торт!
Чтобы ты вкушала
Щекоча ноготком

Пахнувший тер — пен — ти — ном
смачок

Сердце мое будет кувырком
Какунервного Кубелика
Смычек.

177—181. БАЛЛАДЫ О ЯДЕ КОРМОРАНЕ

I. РЕКВИЕМ

О, темный яд грызущий Корморан,
Так незаметен ты в серой пилюле,
Тебя с небрежностью лосской
проглотит граф, —
Но вскоре некрасиво скорчится на
мраморном стуле!

О черный яд, грызущий Матабран,
Что в старое вино и кофе подливают,
Коварный гость из жарких стран,
Тебя, в пропащий час,
Уткнувшись носом в дырку неба,
Компотом сладким
О Б Л И В А Ю

II. ИЕЗУИТСКАЯ

Паюсный Корморан и Цикута, сестра милосердия,
Оставивши свой приватный монастырь,

К нам оба придут в Сиу конфетню,
Приложить к селезенке задыхающейся пластырь.

Запнула нас ломтем светлая медь,
Мельхиор ехидный зажгущих ран —
Сквозь хмель выходит из простреленной кареты
В лапте неслышном усыпитель Корморан!..

III. ИЕЗУИТСКАЯ VIS

Больной лежу
В Сиу конфетне
И жду врача с платиновой отмычкой
— Криволапые скальпели в сапоге ворошутся —
А магистр, оставив широкий шпаль в передней
Приглаживает рукой нездешнюю косичку...

И наклонился тихо вот
Морозной головою
Рецепты шепчет из Корана...
Потом, пеймав в зажим копыт мой рот
Р—с—т—е—к—а—е—т—с—я,
Слезливым тленьем
У п р я м о!..

IV. РАЗГУЛЬНАЯ

Моторный красный Кармаран
Прельщает девушек исповедальными глазами,
Сквозь гульбища
Одев расшитый фосфором кафтан,

Увопит в подземелья башни,
Унизанные костями...

Всю ночь кружится голод непочатый
Меч _____ поцелуя _____ разрубит _____ грудь.
Ланцет _____ разрежет _____

Кокошник в танце плавится
Среди горящих голубиной кровью блюд!..

Безносым утром по горной лестнице
Обежав вокруг бешеной пустоты,
Доской бросается

ошлакевшая девушка

И в море тонет —

П — е — р — е — в — о — р — а —
ч — и — в — а — е — т — с — я

тигелем

Керосиновые

К л ы к и...

V. ПЛЯСОВАЯ

Кормаранщик
Мертвый яд,
Что в кофе
И старое вино
Подливают давно, —
Он надсадит трупов сад!

ЗУДЕСНИК (1922)

183. ВЕСНА С УГОЩЕНИЕМ

— Алла ! Алла! Велик Алла! —

С часовни запел муэдзин,

— Хвала подателю тепла, Алла — а! —

Зима уходит опостылая!

Все церкви выпиты лужами

Выдувает Москву ветерок!

Вот, вот воробей п — о — н — а — т — у —

ж — и — т — с — я —

И станет совсем хорошая погода!..

В сарафане храсном Хатарина

Хитро — цветисто

Голосом нежней, чем голубиный пух под мышкою,

Приглашала дорогих гостей

И дородных приезжан:

— Любахари, любуйцы — помайте!

Бросьте декабрюнить!

С какой поры мы все сентябрим и сентябрим

Закутавшись в фуфайки и рогожи!...

Вот на столе пасхальном

Блюдоносном

Рассыпан щедрою рукою

Сахарный сохрун

Кусочки зользы

И сладкостный мизюль (мизюнь)

— Что в общежитьи называется ИЗЮМ! —

Вот сфабрикованные мною фру — фру,

А кто захочет — есть хрю — хрю

Брыкающийся окорок!...

А вот закуски:

Юненький сырок

Сырная баба в кружевах

И красные

И голубые

Ю — юйца —

Что вам полюбится

То и глотайте!..

А муж ее

Угрыз Талыблы

Нижней педалью глотки

Добавил:

Любахари, блюдахари

Губайте вин сочливое соченье;

Вот крепкий шишидрон

И сладкий наслаждец!

А раньше чем пройтись по хересам,

Закуски —

Жареный зудак,

Средь моксы корчатся **огромные** соленые зудады
и агарышка с луком!

Для правоверных немцев

всегда есть —

ДЕР ГИБЕН ГАГАЙ КЛОПС ШМАК

АЙС ВАЙС ПЮС, КАПЕРДУФЕН —

БИТЕ!.....

А вот глазами рококоча,

Глядит на вас с укором
РОКОКОВЫЙ РОКОКУЙ!
Как вам понравится размашистое размену
И наше блюдословье?!...
Погуще нажимайте
На мещерявый мещуй!
Зубайте все!
Без передышки!
Глотайте улицей
и переулками
до со — н — но — го отвала
Ы — АК!

184—190. ВЕСНА МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ

Забыл повеситься
Лечу к Америкам!..

(Крученных “Взорваль”)

I.

Сестер не будет — и не надо! —
Кану сменилися снавьем
Ынасом дыбо — гласным
мы в новом климате
дюбяво расцветем:

Черем свинтити!..

II.

Лицо — циферблат
Нос — газомерная стрелка
— Риска ! —
Рот — динамитный патрон —
 Вот будущая
 Венерка
И наша близкая За!!...

III.

ПОСВЯЩАЕТСЯ КАРЧИ

Кража со взломом — твой профиль
строгий пилотский — ограбление касс
 в каске твоя голова.
дрожаще влюбленный — вы безнадежно сдохли...
вверх прошумел черный баркас
 колыхаясь едва...
природа сбоку на прискоку
на приводе роде воде...
 дря!!... —

IV.

Слова мои — $\frac{\text{занозы}}{\text{сперматозоиды}}$
Я щедрым заездом бросаю их в толпу —
Что они там зародят?

— дейку? дуд?
Коксу — моксу
Или Москву? —

Я сам не знаю
И не важен мне срок
— 9 месяцев или сто-лет —
Я только слышу остро
Их дюрки лезут
Слова мои
Потные
Как мотоциклет!...

V.

— Я живу по бесконечной инерции
Как каждый
в рассеянности свалившийся
С носа луны!..
Остановить не могу своего парадного
шествия —
Со мною судьба
И все магазины
Обручены!..

VI.

заумная.

Кробато корбато
Конц
ЧРЫ!...

Каучук
у — урт!...
В за-ззудо
карчизны!...

VII.

Весна
без луны
и без окна
В ДЫРУ ГУР — Р — Р!...

191

В полночь я заметил на своей простыне черного и
твердого,
величиной с клопа
в красной бахrome ножек.
Прижег его спичкой. А он, потолстел без ожога,
как повернутая дном железная бутылка...
Я подумал: мало было огня?...
Но ведь для такого — спичка как бревно!...
Пришедшие мои друзья набросали на него щепок,
бумаги с керосином — и подожгли...
Когда дым рассеялся — мы заметили зверька,
сидящего в углу кровати
в позе Будды (ростом с 1/4 аршина)
И, как би — ба — бо ехидно улыбающегося.
Поняв, что это **ОСОБОЕ** существо,
я отправился за спиртом в аптеку

а тем временем
приятели ввертели ему окурками в живот
пепельницу.
Топтали каблуками, били по щекам, поджаривали
уши,
а кто то накаливал спинку кровати на свечке.
Вернувшись, я спросил:
— Ну как?
В темноте тихо ответили:
— Все уже кончено!
— Сожгли?
— Нет, сам застелился...
ПОТОМУ ЧТО, сказал он,
В ОГНЕ Я УЗНАЛ НЕЧТО ЛУЧШЕЕ!

192. ЗУДИВЕЦ

Со смыслом жизни на 5-й минуте покончив
Ищу нелепия упорных маслаков
Чтоб грызть их зубами отточенными
Каких не бывает и у заморских грызунов!
Моя душа — эссенция кислот
Растравит кость и упругие стали
Слюну пускает без хлопот
На страшном расстоянии
Не зная устали
Транспорт будалый!...

Отлангюрю свой язык
Отманикюрю

Причешу кудри мозга моего
И пойду на спор
И рык —
Добивать бога любовьего.

193—198. ВЕСНА — ТОМЛЕНЬ

(Фактура разомлень — ие)

I.

Млень... фетерок куфырк...
Расцветай пень!
Цветковитый фузей глауар...
Пойдуся легуся лиэнь...
Яично молюсь...
Яичным небом млеюсь...
Безциферья прелювь...
Стихеюсь...
Меня апостолил
обезьяний грехень!
Длинные фаллы — руки твои в грязи...
Зень — зелень...
Под прессом
Гудит круглым зубом
Еще на 1000 лет чужой
Зимак цыф...
далечет...

II.

Я ревновать тебя к теплой моряне,
И белым птицам облаков!
В нетерпении
Бью о прибрежный камень
Веревкой подошвы!
Больно мне, больно
Оперется горлом
На турецкую фисташку!
О, никому не отдам свои Чиатуры!
С ними пройду шальные венцы,
Любовку влача на цепочке глетчера
На пустырь Голгофы плетусь сквозь пески!

III.

Компот из белых черешен...
Глетчер...
В тени ферюзы...
Горки зеленых турецких фисташек
Солью блестели
Отделенные
От острой кожуры...

IV.

Рыжим трактором гонит слюну
Из домов выступает мед
Брызг полей...

Распускается
Глуар де Дижон...

V.

.....и он далечет
посылая заходной пяточкой
в ребра домов
золотой пятак
размазни!..

VI.

Над землей будун
Кувыркаль
Хохочьюк хохочущ
XXIV века
Я смею!
А теперяки под заводом сидят
И не знают:
Вся затучная свеха —
Мне отдана!!!

199. ДУШИСТОЕ РВОТНОЕ

С чужой Люлей
Саговой
Невестой Брюсова

заплюзганной
глязюли акушерки
Цлами цлай
Охт зо безошки 5 ч утра...
сглазили смокинг!
выпили муслиновые глаза!...
Наемь... онота
Ох зо иемень...

(“Любвериг”).

200. СДВИГ

Урез стоял в углу...
из моего рта тянется безкавечная
связка мокрого белья —
сторожа собрали...
набросали — не повезли
повезли — побросали под дождь...
я сижу на этой куче...
подвенечной... и куда ее убрать —
свинцовую кашу?...
рабжуй.....
чи — три чи — три — перину
откуда то упала на меня спиленная кровать -
я сижу
и
(надо ж)
жую белье вместо обеда...
Шелестимляне близко.

И БУДЕТ ЖУЖЖАТЬ за фрахтованный
аэроплан
Увозя мои свежие СТИХИНЫ
За башню Эйфеля, за беглый океан —
ТАМ ЖДУТ ИХ ОМНИБУСОВ СПИНЫ,
И ВНОВЬ ИСПЕЧЕННЫЙ — я конкурент
мороженой свинины!

Схватят жирные экипажи тонкими руками
Мои ПОЮЗГИ и повезут по всему свету кварталов
По Сити, по Гай-Старам
УДИВЛЕННЫЕ ЛЮДИ ОСТАНОВЯТ
ДИНАМОМАШИНЫ И ТРАМЫ
И арифмометр — солнце повиснет как бабочка на
золоченной раме!

Все читать заумь станут
Изучая мою ПОЭТСКУЮ СУСТЕНЬ...
Радуйтесь же пока я с вами
И не смотрите грустными...

ФОНЕТИКА ТЕАТРА (1923)

202. ГОРЛО

рахам
мах-раха
мойла хар
рахам мхе
матоха
трухан-лум
мул
хал

203. СЛАДКИЙ ПЛАЧ

Зайкли
уня
нове меньга най ое!
без плить незья
мзень!
эх-хо-цью!
тсара
ладой савей
тсвейт!...

204. ПРИВЕТСТВИЕ

(с татарским оттенком)

хырр быр рута!
фута
ы — чар — дыла
афта ху — та!
хуша
цянь эй тал бянь!
хю — тал — ла ала — лал!
лю — дан
вары — да
ю — лю к — да
е я ни
йох — да!
йо — кю — да!...
гюль!...

205

Сигла сольня
цох в цох благи
лацфи
ари омыг
ривмяй
ботид
офят

206. ПОМАДА

Сладки цла
гуня слада усов саве

лукля сафти цохю
шатаc
на пьян офят голязь!..

207. БУНТАРЬ

его тррзза чусь дчуз
во — хо вох!
то — во — рок
но шшу раду
ен шу...
перос
и — ве — ладаз — не со!
бе... бо
череки...
еречи
рчиб...

208. ШУГАЧ

шуд чугал
воздух с мукою!
напугал меня шелудом
громых шан
невалится вал
зевту вы
казымакож
на лосном лбу
зевающий гляхыды!..

209. ЦИРК

зерзал ноу
по ажурному телу
не знает — как лучше начать!
Pas!
катнуло из поделки...
трапеция... триг!..
канаты
визжат... зшэн
Сгореть
рюч зор!

210. СЫРОЙ СРАМ

Сырамя
ны — дыр
нос длины
рюч
хыры
интлы
и
ца
ляй
—
баыр
д эм
шэк
сгореть
как зор

211—213. ВОСТОК

I

Черюксуль
буве
шибля
бей хын
кучля
чкундара — мэ

II

Дывад
балсы
осмыс
ексыс
еосым!..

III

псом мы выжба выд
зебиж хынеэб
черюк
самас судь
елсыс терей пози
осмыс.

214. КСЫР

хиз
рель

тjюэль
ласан
сгань!....
ноян...
чну!... узур!

215. ВСХОД НА ГОРЫ

глыба
ахьба
банхын
тар — лы — чык
зей — со — хык
зын
тагры гру ры!
забр!..

216. ПРОХЛАДА

Кjюй — ю — лу
алу — алун
хэн даен
хана дын
чолах

217. ГУЛ КАВКАЗА

Орман орган гаримон ха!
Армян качгал каймаи кя!
Каши кай камалаи кга!

банч банчук анчек банчунес
чохдых гендыл андык ачинес!...

Меки хеци хецинес

радомес.

Ксеркс!

Ицир!

Гар чигар жгар

течь йгар.

Чинчигнар

Эдолгар

Обелгар

Лгармлы

чари-чар

Зар

бгар!...

вольягар сар, зар, мар, щар.

Алегар молагар молафар

Молатар молатос маньюл бельянь

Сифеци фет фей

Фитерос кинтерос

Цви ууви.

Цью

Ци

Ць...

1920—1922 г.

КАЛЕНДАРЬ (1926)

218. ЛЕТО ДЕРЕВЕНСКОЕ

Чарджуйных дынь золотое темя
И снежная мяхкоть
Медоле-е-ейным запахом пчелу увлечет
— Жь — ж — ж — !..
И жук засохший шушерой шевелится
И мышь, оса, жужжалки,
И ящер криволапый ис — под тюльей кельи
Шершавым язычком уж тащится на медососье!
И дыню все облапили как тетеньку!
В полях поляжет полдень жаркий
И все жуют нежай-й-йшие плоды
И не страшат лучей нарывные булавки!..

219. ЛЕТО ГОРОДСКОЕ

Антициклон...
Ш (ж) ара-а...
Африка —
Москва.

Мессинский лимончик —
усох...

бурлюкотит
в желтой горчке....

У-дыха-а-юсь...

В голове —

домна!

Дом —

бом-м...

БОМ-М!

В лоб

солнечной бомбой

ПОЛДЕНЬ:

Б Ы Х!

Ж-ЖЬ-ЖЬ-ЖЬ!

остался —

жаренный баклажан!

220. ЛЕТО АРМЯНСКОЕ

Эривань

Жы — ы — ра...

На маставой

сверлят

мазоли,

калючки,

камни...

Эй, варабэй, варабэй,

адалжи сто рублей —

закуплю грузовик

Снэ — е — гу...

На площади

тры лошади

пасэредине
ышак
столбнак —
ы! — кает!..
Духовка
каструла
паровая пэрина —
моя квартыра!
— Бэгу
на пэрэвулок!..
Вв — а — а!.. Духан!
Гулим — джан
бурдюки!..
Орман орган
Гариман — Ха!
...Вэ — э — э!
Апельсын с гарчицей
Вино — чернила
горькый!
Шашлык,
бадриджан,
кинжалом
в горле.
Играй
Зурна
арган
траур...
Душа моя —
пережаренная курица
под скамейками валаится,
крест заржангвыл!
Ай — ай, смори на минэ, Хачатур:

сверх агонь,
сбок агонь,
курган агонь...
посередку — сапоги!
Куда пойдешь?
Кому скажешь?
Море — далеко,
Арарат — высоко,
Извозчик на козлах сыдыт,
нычего ны гаворыт —
язык чоорный
как
бакладжан.

221. ОСЕНЬ (ЛАНДШАФТ)

Сошлись черное шоссе с асфальтом неба
И дождь забором встал
Нет выхода из досок водяного плена
— С-с-с-с-ш-ш-ш-ш —
Сквозят дома
Сипит и ширится стальной оскал!
И молчаливо сходит всадник с неба
— Надавит холод металлической души —
И слякотной любовью запеленат
С ним мир пускает
Смертельный спазмы
Пузыри —
(Бульк:) пульс... бульз... бульзыри...

222. ИЗВОЗЧИЧЬЯ

Осень... дохлая селезенка...
Дрызготня...
Запинаясь от скользко-моченого
воздуха,
как поп в подряснике,
на козлы тупо восхожу...
Лысею
бородатый
шляпой
с пряжечкой...
— Ну — у, дохлая, тро — о — гай! —
Перееду себя
наверняка
после дождичка
с поднятым верхом
в четверг...
Мой седок — канцеляристский чиж,
что тоску подсунет в рубль,
сукинсыненские возжи,
сквозь рессор сосущий писк!..
Ось — грязеце...
кляча — чих!
щурит уши...
Водочный дых позывает в кабацкое
дышло...
Взялся за гуж —
анчутке будешь на ужин!..
В глотке пусто хоть кнутом задушишь!..
Кобыла — боком бух!
Ух, и набулькаюсь вдрызг!..

223. ОСЕНЬ ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ

Сито... с-сипит... сиф...

Осень!

Начало сезона
гриппозных бацилл!..

Воспаленно-красное,
пнями зубов, оскалье листвы...
Косые куксы стен...
у к с у с...

Вздернув глаза
в воздушное озеро —
оголтевшие сучья,
скользко голенькие окна.

Хлипь.

Алимент.

Бронхит...

Квартплата.

Насморк. Ассспирин. —

Н-н-н... стен-н-ают

свистят провода
просвеженные несут

по телеграфу
от пронафталиненной невесты
гражданину NN
средних лет
серому вахляю —
14 рублей
на промот
на леченье
триполи
(кожевенно-врачебный кабинет).

Средь рыхлой ткани
ртутный червячок.
Волосья — беспорядок...
Нос странствует по ветру...
Он вылетел в трубу!
Но —

ни гу-гу!

Ему не скушно!..

Курсы?

Радио-куры?

Просвещенцы?

студии? —

гэ-гэ!

Он ест яблоки Ласкера,
За него думает начканц —

гр-р-ажданин NN

бизглазый зеванопулус!..

К исходу сентября

подлечится подлец,

нацепит пестрый галстук,

На палец — перстенек

— каля — маля! —
и к Верочке пойдет
с дюшесными конфетами,
закупленными
на остаточный
четырнадцатый
руп!

ГОВОРЯЩЕЕ КИНО (1928)

224. ГОВОРЯЩЕЕ КИНО (“ТРИ ЭРГОН”)

(Ассонансы)

В “Доме Союзов”
кинематографа новая эра —
во всеуслышанье
заговорили
Три Эргон.

Звук течет по капле
глуховатый, тяжелый,
но все же захватывают
**Три Эргон,
Три Эргон!**

Дрозды, канарейки,
свиньи, гуси, —
визг и свист.
На сегодня переполнены
наши уши, —
так родились
мои неполнозвучия.

А между тем
томная виолончель

с экрана пробиралась в зал
и пела о том,
что умер
Великий Немой,
когда из недр его
неожиданно возросли
Три Эргон,
Три Эргон...

225. КИН — МОЗЖУХИН¹

Пропыленный Дюма...
Тоска...
Мозжухину с Лисенко
лет около ста.
Руки мельницами машут
— оперная краса! —
Скатилась на букет бумажный
двухаршинная слеза.
А старый друг Соломон
суфлер
повел в таверну пьянствовать
и до утра чечеткой топать
из-за коварного наследника престола
и венецианки.

В картинном положении,
весь изгибнувшись

¹ В этой книге я писал преимущественно о картинах, виденных мною с осени 1926 г. по осень 1927 г. (*Примеч. автора*).

на пьянственном столе,
проспал все утро
всеми покинутый Кин.
“Стрядать” красиво —
с поволокой —
идеал кумира,
избитый, томный жест.

Чуть измозжухин не дорос до Кина,
а до кино —
ни в жисть!

226. КАТКА БУМАЖНЫЙ РАНЕТ

(Либретто)

I.

Мы по мосту стоим
меж лотков и меж корзин
— Ранет бумажный,

гранат
и мандарин! —

Вкруг шурыгает шпана.
— Отпустите четверть фунта.
Зекс! Мильтон! —
Теллигент
— ейный хахаль —
кувырком.

А киноки-ловкачи
сотворяют
среди нас
тридцать

мелодраמיных
картин.

II.

Бывший поэт,
Мариенфаг на Лиговке,
(нынче Семка-Жгут),
сменил
цилиндр на кепку,
перо прокисшее — на перышко,
пробор изысканно проклеен,
пшют первоклассный,
а финка сбоку,
нервнее фокса
добычей дразнит
казино.

Червонцев пачки
среди меловых профессоров...
Но неудача! Неудачка!
Даешь
в фужер с вином
подсвистнуть порошечку
упитанному скотопромышленнику.
Вальком
или бутылкой

в замахе

Бац!

Дзиннь!

Осколки — головокруженье — на пол
(А в дверь: стук—стук!)

Скорее спрятать тушу

— куда вот? —

под двуспалку,

а во входную дверь

не во-время учтивый

мильтон

и управдом

с распиской

об учете мебели.

Убивец смылся,

без всякого смысла

поплелся руки умыть

от подозренья крови.

Его шмара перед гостями

дрожью рассыпалась,

а впереди

из-под кровати

рука

скорюченная

выпала,

быкоподобного скотопромышленника.

Скорее устрекнуть!

И по-за шторой,

меж комодов

Семка Жгут

из Катькиной берложки,

обабившись в платок и юбку

— младенчика под мышку! —
по коридору крадется, какмышь.
А ейный, Катькин хахаль,
драный кот
 Вадимка,
юродиво
как невидимка —
цап! За воротник!
— Куда ? — Туда!
— Ребенок чей?
— Несу домой.
— Да он не твой! Заткнись!
А тот его по морде хлясь!
— Ты драться погоди!
Положи младенца в сторону! —
Пискленок в нише,
юродивый и вор
 колотятся
 по лестнице
 затылками —
 рубахи в клочья.
А снизу Катька с визгом,
а сверху управдом с мильтоном —
 Зажа-а-ли!
— Вот это — вор!
 За жабры
 возьмите! —
И Семка скорчился,
 как в западне.

227. КАТЕРИНА ИЗМАЙЛОВА

(Леди Макбет Мценского уезда)
По Лескову

На Масленой
у балаганов
визг, вой:
заходи, народ честной.
Вход без запроса —
пятак с носа,
а у кого нос длинный —
с того пятиалтынный!
Трам, трам, трам, гам,
визг, бой
Ваньку бьют по мордам
на ярмарке вой.
А на тройке —
куча девок,
а под тройкой —
бородач
кувырком
в лоб снежком,
улыбается
и влюбляется
в многопудую
модистку Катерину.
Сваха — раз
сваха — два
и купчиха
подневольная
готова-а!

Вот теперь
Зиновьева жена —
Катерина
леди Макбет
нос картошкой
кофты бесятся от жира,
рвутся визгом

белых поросят!

В белой косоворотке
бык завитой
Сергей
рога наставляет купцу
мучнистому
мученику.

А крысий мышьяк
уступили дедушке
в грибочки
кисленькие.

Рот искривился
брезгом черным
по лицу — червячки.

И вся кухня всполошилась
побежала косяком
дверь — в дверь — дверь.
Катерина грозно крестится
привираючи со вздохом
поминальной слезой.

(а муж ее
на мельнице
поит
завтрашних утопленников

водкой
до согласу)

Блудливый бык Сергей
чаем с блюдечка
в прикуску
запивает
дедушкину порку
за Катеринину
дебелую
дубовую
краску.

(А муж ее
на стройке у плотины
помол бесплатный обещает
мужикам:
подсобите только мельницу
пустить)

— Эх, Сережка-ключник
злой разлучник
залучил к себе жену
залучил к себе жену,
да чужую, не свою! —
А муж ее
от мельницы
домой спешит
в пуховые подушки
на двоих.
Встречает мужа Катерина.
Да с полюбовником —
подсвечником

по бороде
и в темя
благоверное.

(А мужики
из-за того бесплатного помола
бредут на каторгу
за бунтовство)

Мимо дома — каторжане,
звон цепей
Сонька Вьюн
звон цепей.
За убийство двух хозяев
и наследничка
быть тебе в наручниках
курчавый чорт
Сергей.

Три смерти
за душой,
и модные
чулки за пазухой.

Уходит Катерина
с подсобником сожителем
на каторгу.
Катерина
леди Макбет
нос картошкой
кофта бесится от злобы —
в лютой Волге
утопи-и-ла
свою нежданную

соперницу
Сонетку Вьюн.

Бульк, бульк, бульк
три круга по воде —
и больше ничего не видно...

228. ТРИ ЭПОХИ

(Кадр)

Допотопный джентльмен
с пятнистой
зверьей шкурой
на плечах,
украсив уши
рыбьим зубом,
а волосы —
зазубринами трав —
спешит жениться,
и везет его
к возлюбленной
скала — чудовище — плезиозавр,
ступни о камни
полируя
чам-чу, чам-чу, чам-чун.
А сородичи лопочут
как сороки:

— Погоди-ко-сь!
Дубиной двухсаженной

тебе потылицу
расколошматит
соперник,
тучный, кровожадный
вождь! —

А джентльменчик,
напрягши хилость мускулов,
воскликнул:

— Не боюсь! —

И хитростно
воткнув в дубинку
острый камень,
помчался
на допотопную
дуэль.

229. ТРИ ЭПОХИ

Вот герой летит в провал
лежит в темнице.

Живо-искусственному льву
проделать маникюр —
не шутка

Он когти полирует чучелу,
а тот скосив глаза,

проверив блеск,
рыкнул:

Мерси.

в уютном уголочке парка
с невинностью на личике.
А двое бравых мстителей
стоят за спинкою скамьи,
впиваясь
взором ищейки
в горизонт,
готовы ринуться
по первому дыханию.

Но все их ухищренья
бессильны
перед кротостью героя
и водопадом
верности любовной...

Так мы следим
внимательно
за тем, что было
не ровно
девяносто лет назад.

231. ИЗ КОМЕДИЙ ГАРРИ ЛЛОЙДА

Либретто

Охотник смелый
готов на все:
лисицу за уши
тащить из норки,
льва на аркане

привести домой,
иль прыгать в озеро
за утками
с зеленого размаху.
К рассказам
фрачники доверчивы.
И вот —
герою вручена
опасная двустволка.
Однако,
зверей уничтожать
не так легко:
кто прячется в лесу,
а кто — пугает рыком,
и даже гуси
щиплются
до синяков.
Смешон
и опозорен
охотник возвращается на дачу
и от невесты слышит
решительный,
как дробь,
отказ.

232. ДЕКАБРИСТЫ

(Кадры)

Сквозь фижмы времени
готовится декабрь,

под снегом прячутся
возвышенные либералисты:
курносый

плосколицый

Пестель

в южном сообществе,
и мармеладный Трубецкой
диктатор кисленький
в собачьих бакенбардах
на Севере.

А сбоку, в мерку
вездесущей противоположности —
крестьян холодной розгой хлещут
на пышном фоне бальных диадем.

Помещица,
толстуха тысячная Анненкова,
тащит сына
курчавца-офицера
в модный магазин.

А там Полина Гебль
с глазами-изюминками
и с газовой грудью
ему, кавалергарду,
себя вверяет
беззаветно,

для осторожности примолвив:

— Все русские мужчины
лукавы и изменчивы! —

Но он по чистой совести...

Восстанье решено,
устав прочитан
и нежнее верного

к Полине расположен
он слово закрепляет
обручением с ней.

А на утро
полки спешат
к Петру на площадь,
— Жизнь за республику,
долой тирана!

Сенатская площадь
изумлена
до пушечного зева
с картечью в глотке.

Меж тем,
громоздкий император
Николай
в селедках бакенбард
за рюмочкой

поддельных слез
улещает
сентиментального предателя
с нелгущими глазами:

— Все расскажи
я сам рес-пу-бли-ка-нец
свободы всем
во множестве
дарую! —
Но в пышный
фейерверочный праздник,
пока сверкают
зеленые фонтаны
среди точеных нимф, —

в тот же день
в 15 верстах от вензелей
ракет
и бураков,
на мерзлой площади
под указательным перстом
Петра Великого
мерзотно
покачиваются
повешенные в ряд.

233. МИТЯ

(Кино-комедия Н. Эрдмана)

Какая-то провинция... сушь...
глушь...

От именин до похорон
тянется жизнь.

Немощные тротуары...

Щиплют гусыни-свахи. .

От тетушкиных сплетен

в горле пыль,

поп, ископаемо косматый

исподлобья бурчит:

— Исаия, ликуй! Аминь! —

Тут всякая услуга —

под микроскопом,

жертва, подвиг — соседям оскорбленье;

вздумай у бедной женщины

спасти младенца —

а рыболов
возьми-ка
гроб ему приготовь.
Плачет провинция
о милом самоубийце.
Вчерашние подстрекатели
сварили кутью,
бывшие враги —
принесли венки
с надписью —
“незабвеннейшему”.
От всякой радости
встал Митя с гробом вместе:
— Благодарю всех
за вниманье,
От похорон сохраню
приятное воспоминанье
А все же боюсь опоздать
к поезду! —
...Ту-ту-у-у...
Уехал,
а с ним мамаша
и милая Шурочка
всерьез оценившая
сердце Митино.

234. ЧЕЛОВЕК НИОТКУДА

Отрывок сценария по роману
Р. Бриджса

Начало просто
и прискорбно:

промахиваясь
всего на сантиметр...
И лицемерный раб,
вчера лишь нанятый
лакей,
прячась за ширмой,
ему вливает безуспешно в кофе
черный яд,
а ночью
к хозяину прокравшись
бьет по подушке
мимо тмени
чугунным прессом (— бух !).
А двойник-миллионер,
не растерявшись
картину ухватив, как щит, —
размашистою кочергой
пролазника разит
по переносью.
От непереносной боли
лакей летит по лестнице,
а барин вслед кидает
остатком ужина

с подошвой.

...Опять со всех сторон
враги и воры
двенадцать похищений —
деваться некуда...
Ах, лучше нищета,
чем вечные тревоги.

Но поздно:
его считают
убийцей тропического президента
и всяческим преступником.

Он к смерти близок,
но не унывает,
остря вокруг да около,
мороча головы судей
министром

и юристом.

А зеленоглазка Мерчия,
издавна поверив
в его невинность,
и убедившись в точности
предчувствия,
(конец вполне благополучен!)
ему дарит
свободу и любовь,

и жених
авантюристово наследство
жертвует на революцию
в тропической стране.

235. ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ

(Либретто)

На Третьей Мещанской —

уютный дом,

бородатый дворник у ворот,
— вылитый Кропоткин! —
на окне герань,
и мурлычит кот,
и в комнате живут
вдвоем супруги мирные.
А по N-ской дороге
в жестком вагоне
из Нижнего едет в Москву на работу
коварный

мужнин

друг Володя.

Утренняя рань —
дремлет Москва.
День горит —
на работе Москва.
Падает вечер —
спать пора.
А другу Володе негде спать.
Но в сквере друга встретил друг,
зовет его в уютный дом,
чтоб крепким чаем напоить
и на ночь предложить диван.
Жена приветлива:
— Диван свободен,
приятных снов желаю вам! —
И с мужем удаляется за ширму
гимнастерку вывесив наружу,
как сигнал.
На третий день —
в командировку муж.

Коварный друг
жене гадает на картах:
— тревога в доме,
валет и дама,
любовь на сердце, —
все решено

безоговорочно! —

И вот изменница
совместно с другом дома
под одеялом нежится.
...Повсюду серый дых мещанства:
им день Авиахима,
полет на аэроплане, —
лишь завеса для интрижки!...
Вернулся муж,
привез клубники для варенья.
Ах, горько разочарованье
в любви и дружбе!
Но делать нечего —
варенье сварено
и слаще есть его втроем...
— Бежать из дома,
спать на столе в конторе,
мокнуть под дождем,
строителям — для жизни места нет! —
Но делать нечего —
он на Мещанской снова
(дождь попутал!)
Бывшая жена приветлива,
варенье вкусно,
диван свободен,
и — занято любить втроем!

Однако — делать нечего! —
аборт вскладчину,
и оскорбленная Людмила,
сбежавши из лечебницы,
мужьям записку оставляет,
и с чемоданом — на вокзал!..
А там — дорога,
блестящих рельс прямолинейность,
и в будущем —

здоровье и работа!

А два приятеля (мужья)
недоуменно
чай кипятят на примусе —
(вести хозяйство затруднительно
без женской помощи)
и горестно друг друга попрекают:
— Строитель тоже!
Тут, на жилплощади,
разумной жизни
построить не съумел! —
— Печатник тоже!

Вот и жицу и пропечатали
обоим! —

В растерянности полной
один раскинулся на холостом диване,
другой прилег
на бывшую семейную кровать.

Скуча-а-ют,
зева-а-ют...

— Давай, Володя, выпьем чаю.

Одна у нас утеха —
клубничного

вареньица
поесть!..

236. ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ

(Кадры)

Их трое в комнате одной —
Ох, неудобно!
Все жмутся, стонут, квохчут.
— Как быть?
— Я не хочу ребенка от другого!
— А я — аборта!
Жить с вами надоело! —
И вот в лечебнице.
Халатов белизна.
С улыбкой доктор
засучивает рукава,
ждет пришедших.

А сквозь окно,
в коляске детской
соблазненок
пищит
и радуется
всем комочком.

Молоденькая пациентка
лежит без памяти,
а Людмила (5-ый номер)
скрывается —

от радости или испуга?
— Куда мне деться?
Мне хочется младенца! —
Вопросов много на Мещанской,
и сколько их

еще не решено!

И удивленно
перед ними топчутся
три сценариста
и сотня режиссеров.

237. ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

(Кадры)

В двенадцатом году
в России — мир и тишина:
гуляют по Кремлю
парами пузатые попы
и стройные
в мазурке вьются
морские
офицеры.
Сам Николай,
царь польский, палач финляндский,
вешатель всероссийский,
и прочая, и прочая —
с улыбкой благожелательной
жмет руки

генералам
на параде.

А между тем —
снарядные заводы
готовят трехдюймовкам
железные отполированные
бутерброды
и учатся солдаты
по команде
штыками тыкать
в чучела.

И вот уже Вильгельм,
усы тараща
с австрийскою развалиной
под ручку —
обдумывает ультиматум.

И вот уже
отбарабанивают немцы
несгибающийся шаг.

И вот уже
тяжеловесный эшелон
за эшелонем,
набитый доверху
(как сельди в бочке — люди)
ползет к позициям
к траншеям тащится
су-ро-о-во.

И вот уже
снарядами плюется
горластое орудие,

летит от взрыва
пыль,
грунт, кровь.

И сестры милосердия
стараятся пригласить
ампутированные ноги
со всею нежностью
придворных баловниц.

А впереди
кавалерийскою грозой
набухнув,

разразилось поле —
пыль по полю,
дым,
смерть,
смерд.

И так, — три года,
а на четвертый
в Петербурге
под красным знаменем
сгущаются
революционные рабочие с войсками,
и Николай,
усаами дернув,
дрожащею рукой
подписывает отречение.

За ним торопится
братец Михаил.

Народ свободен,
Гучков и Милюков

в восторге,

но —
в “запломбированном вагоне”
с Финляндского вокзала
приехали большевики, —
расчистить путь
через меньшевицкий сумрак
и болтовню керенскую —
в Октябрь.

238. СОЛИСТКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

(Кадры)

Тонки ножки балерин,
триста юбок — на экран,
фаворитки томный танец
искажает
кошка драная,
дохлятина
кинутая
из райка.
Исте-е-е-рика-а!
Великий князь,
бородатый утешитель,
дарит колье
в 130 тысяч;
а кордебалетчица
Аня Васильева,
судьбы превратность испытав,
плохо успокаивается
со слюнявым
сановником,

Но хуже всех
спалось в тот тяжелый вечер
режиссеру —
Мих — Вернеру.

239. ВАРЬЕТЭ

— Что ты там делаешь, толстый колбасник?
— Я **стрыдаю** в Варьете!
— Чем же ты страдаешь, толстый колбасник?
— **Любовью** стрыдаю, я, воздуха король... —
В цирковом куполе газ засверкал.
Одинадцать пудов на трапецию влезло.
Лопнуло трико и жир потек
на восхищенную перворядную лысинку,
покамест соперник, глиста Шершеневича,
дарит украдкой браслетки жене.
А в кафэ
перед столиком —
хриплой свинойей взвыл в карикатуру,
вдребезги мрамор; таитянка бежит
о лестницу краску ресниц ломая.
Любовник убитую руку скрючил,
И — ровно 3 часа и 8 минут —
быком лупоглазым с экрана убийца
— слезы, как жир по ветчине сползают! —
чтобы зритель умиленно сморкался в платок,
разыскивая свои новые галоши.

240. НОВИНКА ЗА НОВИНКОЙ

“Медвежья свадьба”,
“Три вора”, “Багдадский ...”

“Гарри Пиль”, “Проститутка”,
“Катька — бумажный ранет”, —
в театрах

в кинематографах
вся атмосфера — навыворот!

Люмпен-обыватели

в экран вцепились

с двух сторон:

— “Что там — молотобоец,

ткач, рудокоп? — фи!

Не фо-то-ге-нично!

Не форсисто!!

Нам бы вот этого:

блатного,

с любовным сердцем,

с револьвером,

с душком одеколончика,

попреступнее,

попроституточнее!”

Эй, мещанин, веселитесь.

Эй, улица,

ухнем!

“Победа женщины”, “Рознта”,

“Поцелуй Мэри”,

“Медвежья свадьба”

“Такая-сякая женщина”

и проч. и проч.

Всю жизнь тому назад

(еще в 13 году!)

зевали мы от фрачного маркиза —

Мозжухина

и Верочки Прохладной

среди курортных лунных видов.
великосветских “золотых серий”
(учащиеся моложе 16 лет не
допускаются!)

А ныне:
судак с малиной
достигают
довоенной нормы
на поцелуях
в диафрагму.

241. ЖАРНОЧЬ В МОСКВЕ

(Кадр лирический)

С привинченной к подушке головой
лежу в духовке....
хрипяч....

Бессонница креозотом
выедает каждый глаз.

.....

...Из Нарпита
конница
на демонстрацию скачет
ночью
в три часа.
Огибая чистый пруд
студенты орут
профессорскую резолюцию:

— “Если через год
из тебя выйдет грош, —
это что-нибудь да значит»!
Дым... шум... г — гум...

Беспризорною ночью
моссельпромцы не спят на часах
кормят девиц и собак.
В голове кирпичи устроили скачку:

бьют ведром.
Одно спасенье:
начинаю распыляться
и лечу
в ремонт
в канализацию

.....

Бред...
Бессонница
доедает последний глаз.

Не усну... ежик в мозгу
Утреет... четыре часа.
Через крыши
лисицей кусачею солнце...
— Коварствие ! Подлог!
Матрац — кипяток, развар асфальта...
— Эй , пора итти на службу!...

242. ПИСЬМО ЛИКАРКИ¹ Э. ИНК
ИГОРЮ ТЕРЕНТЬЕВУ О ДРАМАТУРГЕ
И СЦЕНАРИСТЕ NN...

Я думала: что это — бог,
А оказалось — сонная рожа!
Ах, милый череп, Игорек,
Я помертвела как рогожа.

Как смеет называть меня ежом,
И ежик гладить мой паучьей ручкой.
И мордочку подслепую крестит кротом,
И на бульваре угощать “сипучкой”?!¹

За что же так меня судьба халтура
Обидела, как девочку, сломав коньки?!
Ах, видно я была немножко втюрились
Зато теперь об ладонь ломаю ноготки.

Ах, мама, родная! Еще я не знала такой
боли

Как будто бы опять
Связали руки и винтят...
Что ж, “на панели мне лазрецься цто ли”?!¹

А впрочем, все туман и все тече-е-ет...
И жизнь сгущается под прессом....
Узнай же, милый Игорек,
Мы зародили тут
аншлаговую пьесу.

¹ Ликарь — актер. (Примеч. автора).

243. БАЛЛАДА О ФАШИСТЕ

(Заготовка сценария)

Лето...

Июль...

Пришпиленный воздух

Духота.... **Бом-м-м!**

В полночь

протяжный

коло-кол гу-у-лл

Над листвою застылой,

где загородный дом-м.

....Ле-у-у-уна

свет

ле-о-от

тревожный,

поворачивает очи

в кружевах...

как скрипка

вскрикивает

ночная

птичка. (свист: пи-чунь)

А за решеткой

особнячьей

бессонным совиноглазьем

жирный

распухший

сидит **деньжач**

пузач,

по пальцам четками

мил-ли-он-ны
кап-кап....

Свет ле-у-у-нный
испариной
скользит
сквозь стекла....
ти-и-хо....
Но между стен
обманных —
как тень
неслышно
ползет
Максимкою
бомбист
из дальней каторги,
вздыхая мезтью
за невесту,
что на пять лет
по догору
отдалася
деньжачу,
чтобы спасти от голода
семью и домочадцев....

А в башне надкрышной
невеста бомбокида
леуннокосая
всю ночь стонала:
— Ду-у-ух мертвых,
не прикасайся,
грудь моя чиста,

как тельце двухмесячного
голубенка....

В ночи я трижды
расчесываю косы,
в ушах звенит
напев печальный:

— Господи, боже, спаси,
спаси всех невинных
и домочадцев
от голода
и деньжача!... —

Близ прорвы
кабинетной двери
бомбист
был

бородою
стра-а-шен, —
быки бровей,
зубов оскал
вздыбленно дик,
банкир же просто
вынул чек
парною ручкой
и сказал:
— С-с-садитесь!
Будьте, как в бане,
отбросьте воротник,
сомбреро на крючек,
бомбу на полочку,
прошу —

глоток шипучки,

бокалы вспеним....

А затем —

благословите

направо и налево

осанна ввышних

я

покупаю

вас

сейчас —

трам-та-ра-рам

дзе! —

Бомбист растерян:

— Что это? Шарж?

Жар — угар — бред? —

Все светлячки в глазах....

Он будто пятится,

и ляписом

в мозгу

прижиг

чек....

И вот

сошлись:

пять тысяч двести

колонна стерлингов

— принципиально! —

(за фанатизм — отдельно)

и на невесту

голодный договор

еще длинней....

Теперь банкир

тишком смеется:

— Эй , бомбей,
трубочку бомбой
мне набей,
и фитильком
зажги скорей,
заслужишь орден
трех королев —
трам-та-ра-рам —
джэ!... —

А фаршированный бомбист
еще грознее,
как черный пес,
что душу выжег,
душу выпотр-р-р-рошнл,
сто-ро-жит
банкира честь
и па-а-кой
есть пшенный супчик;
на груди,
как две отмычки,
гробовее свастика —
главный мастер!...

По ночам
выходит в саване
и со свечей,
ужасает
всех кругом....

Упокой....

упа-а-а-кой

душу

невесты

его...

ИРОНИЯДА

(май—июнь 1930 г.)

244. ВСТУПЛЕНИЕ

У тебя огромное сердце —
как у молодого красноармейца.
Тот прав,
кто Республику хранит,
иначе всех заплует
господь бог, старик.
Слушай, слушай меня,
Ирита!
Скоро рассыпятся все
горделивые враги.
Как трунящий негр
на троне,
одевший шапку Мономаха, —
это будет также
невероятно!

245. 30-ТЬ ПЛАСТИНОК*

Шашни шелковых ресниц
и пуховки платья,
шепот в маску о Чските —
стоит раздувать-ли?

* Отталкиваясь от популярной джаз-песенки (шепчущий бас — «Чекита»), — я варьирую имя героини: Ирина — Ирита — Чскита. В дальнейшем мною выдуманно еще несколько имен мною же выдуманной героини. (Примеч. автора).

Рассыпáлся пó-столу ма-джонг,
прыгал выстрелом пинг-понк,
млел, хрипел,
 флюсом надувался патефон,
и ворча, врывался трубкой телефон.
 О, Ирина! В стопку страсти
 шёлок
 (шепот) нежности пролей.
С небосвода негры слазьте
Умоляйте:
 — О, Чекита!
 Не сбривай бровей!... —

246

Огненные шары прыгали
 по бесконечным соснам.
Под свист фонарей
 в вечерней раме
вылезли из орбит ее глаза
 прозрачные планетарные.
Отчего? Что они увидели?
В корчах извивающуюся войну?
В углу черного злейшего паука
 — имя ему Каркурт —
или старую страшную книгу,
где на полях накапано: КАПУТ!
Какую тебе, молодая Чекита,
если не ляжешь спать в полночь!
Схватят тебя врачи пинцетами

и потащут на сияющее ложе.
Там, под тысячесвечовыми иголками,
белохалатники
станут сердце твое
выскребывать
по чайной ложечке.
— Нет, это невозможно!
Не-воз-мож-но!.. —
Не остывают
твои стоны
опустошенные....

247. УТРО, БЕССОВЕСТНО РАННЕЕ...

Купальная Ирина
посиди на вышитом камне
в вылизанном солнцем океане,
я буду замертво смотреть,
отравляться твоими
в синеву просверленными глазами.
Какая огромная снедь
пе-ре-ли-ва-ет-ся
этими
спасательными кругами!..

248

Жизнь начинается так:
делается выжным каждый пустяк!
Жизнь только начинается —
и никакого упадочничества!..

Ирина! Для больной
мы принесли по одинаковой
коробке пирожных,
а сами стали грызть сырые лимоны.
Нас покори́л Велимир Грозный,
мы жизнь и ночи растрачиваем,
перегоняя в стихи гормоны.
Мы знаем прекрасное средство
самозащиты —
неповторяемые имена.

На нас одинаково
в рупор
курчавым криком
негритянка фырчит,
тоской любовною
разлукой,
разъярена.

У нас обоих жизнь пересыщена
— без спирту! —
до крышки и до дна!

И на двух одна
загримированная мыслища.
Она осуществится
в провальный час,
когда враг
будет подытоживать
своей доходности числа,
позабыв попроситься
с такакерками и детишками...

I Взрыв. Зачало.

Март взыграл, вода пробита,
Смесь сучков, камней, бензина,
и бегут, как воры, прытко,
и гудят ручьи: “Иди, Ирина,
Ириада, Эронитка!”

II Продолжень

Я понюхал —
слаще йода
голос твой
сквозь камни бродит,
и ласкает сонный рот
жгучей каплей Ириод.
Хлещет в дождь
и уши моет
твой весенний
жизнедарный
Иризоид!..

III Тюлевая лень.

Солнце мело
на булыжную постель,
у киосков
выздоровливал апрель,

но тебя не видно
Ириэль,
и тоска серей,
чем на асфальте тень.
Я под вечер,
весь в колючках,
Ирианствую,
как зверь!..

IV Продолжёнъ

Ириэнтация моя плоха —
ты не пришла в кряхтящий МХАТ.
Куда деваться, Эриэта?
Жизнь без тебя — из падали котлета!..

V Пр.

И клянусь земли прорывом,
золотым и страшным блюдом,
отомщу я лучшей головою
за измену Ириуды!..

VI И пр. И пр.

Не в открытом бою
мужей Аришки перебью, —
в темном перешейке
по-пе-ре-ку-сы-ваю
шейки!..

VII Сальдо

Угрозные вздохи — ВЗДОР!
Сдохли африканские страсти,
разбиты о бетонные дамбы!
Только додергиваются
— для Ириты —
на эстраде,
в кастрюли вопя,
кривые джаз-БАНДЫ!..

256

Нежность, как опьянение,
накапливается
совершенно незаметными глотками —
ты танцуешь, смеешься,
не видя закиданного
цветами капкана,
и вдруг —
опрокидывается сразу.
Всё замутилось...
Милый друг,
подай
для сти-хо-из-вер-же-ний
побольше вазу!
Ирина!
Грохот гор.
Итак, свершилось!
Я отравился твоими
половодными глазами
больше,

чем пропыленный негр
карболкой и коньяком.
Долой бурду!
Беру распахнутыми руками
бью бутылку о камень —
довольно!

Мне не нужно больше винище лакать,
когда вижу
Ирита машет
глазищ своих

синими
————— островами!..
(туманными)

257. ОЖГУ, БЕРЕГИСЬ!

— Полундра, сам лечу! —
Закричал матрос, падая с марсу.
Так я в нощи
зажигая стихов своих
транспорт...

258—261. ЭСКИЗЫ ПОРТРЕТА ИРИНЫ

I Русская полячка
ты чуть-чуть иностранка.
Носик — чуть вздернут,
волосы — спокойные волны,
глаз величавый.
Китайское вышитое платье —
черное с красным шифоном —

в бурю маячит пластрон!..

II Ты не модная злая львица,
не прогнившая волосатая ВАМП,
ты —
отчаянная путешественница,
исследовательница странных троп...

III У “Ирины — разрой берега”
синий ирис бегущих глаз,
пролёск, ручей, апрель, весна,
и пятый май —
хозяйки капусту рассаживают.

IV У тебя не улыбка, а смех —
снежнейший ряд зубов.
Глаза — вертящиеся нервы,
солнце под пароходной волной.
А твой характер?
— Зачем нам ездить в Африку! —
пружинится, очаровательный!
Как тяжело
после тебя встречаться
с людьми,
у которых не лица,
и не трактор,
а пасмурное
мусорное ведро.
Их торжество —
сенсационный обоз!..

262—265. ИРИНА БОЛЬНА

I Белокура кругла
 нежная Иринка, —

а в горлышке — ранка.
Руки натянуты, как струнки,
любит она безупречные танцы,
а в сердце — бизюминка.
Засыпает замертво
 в тяжелом лесу - - -
Жизнь ее
 странно складывается...

II Ты стала совсем
 прозрачная, голубая,
как зяблик бессонный,
 в окне рассвет.
На книгу глаза твои выпадают,
молотками бегают в голове.
Ты стала уже совсем голубая,
бессонница
 в шею всадила стамеску.
Жизнь твоя — весна восковая,
а шариков красных нет
 и неизвестно...

III Ты воистину потеряла
 руки и голос,
и шепчешь бессловесные
 просьбы:
— Скажите номер телефона
 Бориса Перелёшина!.. —

IV Я писал это всю ночь....

Ирина, не относись к этому
так легко!

У меня тоже бледная немочь
глядится сквозь щеки
в прослабленное окно.

У меня тоже бледная поступь,
что шатаясь, хватается за бревно.

Ко сне тоже костлявая гостья
постучит на заре позвонком:

— Тук-ток, тук-ток! —

Беззубый голос вопит:

— От-крой!... —

266. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Человек живуче кошки!

Ирина! Прошло твое горлышко.

Ты стала совсем розовой,
как рассветный воздух.

На зелено-лакированный камень
вспорхнула 17-летняя дамочка-апрель.

— Готово, куафер Базиль! —

Я заверчусь теперь босым
ураганом! —

Солнце жжет глазастыми лучами,

“Золотого ярлыка” шея темней,

в ноготке — радужный камень,

не подходи — обожжешься кистями.

Корчами винограда — колени,

ноги —

загарное УДИВЛЕНИЕ

!!

!!

267

Я люблю мою Ирину!
Ей с преклонностью отдам
драгоценнейшую книгу,
заграничные чулки,
туалетный кусок мыла
и

талон на солонину.

Что имею —

всё возьми,

только —

косточки мои

отпусти!..

268

“Ирина — разрой берега” —
какое счастливое имя —

весенняя глина,

рыхлый каолин.

Лепи обжигай
снежнейшие щеки
расширеннейшие глаза!

Даже тебя не зная

и не видя,

можно доверчиво

треск черепов
сбиваемых с насиженных
гнездышек

Насекомояднейшие губы,
запишите в протокол:
это песни мои
обрывают увядшие уши
с корнем!..

271

Одни предложат тебе
меха, бриллианты
оклеенную обоями любовь
а я, бедняк чердачный,
своих стихов рулон.
А с ними, быть может,
фиксаж для бессмертья
твоих быстрейших улыбок!
Не грози мне железным изгоном.
Ирита!
Мой подарок прими,
преклонный...

272

Ирина!
Завяжи меня на сердце узлом,
крепко, как некогда Гордий!
Чтоб ничем его невозможно
стронуть —

только ножом!..
(кроме — мечом!)

273—275. ТРИ ТОЛСТЯКА

(кадры)

I Юрию Олеша

Ура! Ура!
Бравый канатоход Тибул
в куполе пробил дыру
и убежал по потолку
как кенгуру.
— Ату его, ату! —
 кричит капитан.
— Bravo! Ура! —
 кричит толпа...
Какой ужасный сквозняк!
Втянуло в люк
 продавца шаров
как куклу на парашюте...
 Все кричат:
 — Ату его! Ловите!
 Он вертячком каюкнул...
 У-уох! Ох!.. —

II В. Бендиной

У доктора Гаспара Арнери
в операционном кресле

под блестящим фонарем
кукла Верочка Суок —
замечательная актриса:
на холодной жести
спит, как сурок,
вся в розовом
золотистом блеске...

Ее сердце
очень сердится —
шпорами прищемили грудь,
оцепенели плечи, руки...
Но если у Гаспара в кресле,
то значит очень скоро
кукла воскреснет,
хотя бы с непробудным стоном
позвонки раскололись...

А тетушка Гаспара
всё охлопатывает яичницу
с валерьяном,
ловит, сквозь слезы, воришку
мышь.

Но вот —
опущены колбы,
тетушка изгнана,
у больной
нажат винтик
передвинут серебряный рычажок
черная рана (протык сабли!)
смазана иодом,
колесики сбросили бинт,
и в такт
меж-про-сон-ной походке

мы наслаждаемся
 дробленным бредом
 из шкатулочного горлышка...

Тетушка в испуге
 чебурахнулась
 в бочку,
и оттуда
 выскочила негритоской,
кокетничает с д-ром Гаспаром
 взъерошенной черточкой.

А куклу Суок
 похитил Раздватрис,
чтоб стать придворным
 балетмейстером,
— смешные прыжки
гермафродита с усами...
(голос хрустальный
 петь перестал)

.....
Так опасен
 острый риф,
так укачивает
 боковая рифма!

Слушай, слушай,
 сжимай позвонки,
вся для тебя поют
 Ирита!..

III. На черном небесном бархате
подымаются белые башни,
зелеными кометами
 растут тѣщины языки

Фонари —
гигантские апельсины на мачтах,
и посреди всего —
сидит в тюрьме оружейный мастер
силач Просперо
Не бойся Суок!
Усыпи гвардейца, вымани ключ,
открой клетку.
Смело скользи
меж львов и кобр —
тебя приветствует
прозревший народ...

.....
Смотри, Ирина!
У трех толстяков
среди комет и апельсинов
на бархате растут белые дворцы, —
и все они
рассыпятся
по знаку
твоего кольца!..

276—278. ГИПЕРБОЛА — ЗАЧАТИЕ ПОЭЗИИ

1) Меланхолия тупая

Ты уехала на Кавказ...
Тихо... Пусто.....
Сквозь разорванный потолок
капает слякоть...
Тоска
Капсюли пепсина...

Остывает последний термос...

Комната моя кислая...

Лежу небритый.

Нет запаха эссенций сена

галиматьи шипра.

Остались —

каменные щепки воблы,

уксус

БУТАФОРНЫЕ ВИТРИНЫ.

II)

Вне всякой очереди

меня, почти ничего,

возьми приласкай,

закружи,

дыханьем напичкай

и —

с небоскреба надёжного,

в разгар сердцебоя,

отбрось неожиданно!

какой промчится

бурелом стихов

пожар неистовый

кричащих шиповников катастроф!

Выдергивая колючек тыщи,

додергиваясь на дне,

я буду вспоминать

серебро всего Союза

в твоих

остро-блистательных

ГЛАЗИЩАХ!..

РУБИНИАДА

(август—сентябрь 1930 г.)

279. АНШЛАГ

Молодая Рубината!
Рубина!
Я буду тебя изучать по каплям
граната,
как мудрецы въедаются в излюбленные книги.
Пусть гастрономы
штудируют по карте названий
острейшие,
в столетней плесени
ликёры и вина.
Пусть славят иконостасами дымящие кагоры, —
я буду
по карточной системе
составлять гремучий список
тобой обласканных вещей
и книжек
акварелиста Рабиндраната ТАГОРА,
следить за твоей
РУБИННО-ГРОМНОЙ ИНТРИГОЙ!..

280

Около чугунных
нахмуренных ног

гранатами стрекочет лоток,
плоды созревают на солнцепеке.

Ударь ножом

в золотистое ребро

и выпей жадно

дразнящий сок!..

Нутро переперченного

солнцем граната —

темно-красный $\frac{\text{ковшик}}{\text{бассейн}}$ крови

вяжет дёсна.

Розовеет возле

прокушенной грядки

кисловатых зерен...

Шáмай и пей

шарикоподшипником горла

— аж за ушами взвизгнет! —

Горящими каплями

брызги

на полосатый пуловр!..

281

Руната!

Тебя напугал доктор,

меня обманул

испорченный телефон, —

оба мы заболели

болезнью горной...

Но вот над парком

вспых рубинец

мы глотаем воздушный пирог
полным ртом...
Как хорошо, что ревнючы
царапки и рёвы
нам незнакомы!
Бурли, турбина!
Никогда еще жизнь моя
не была так переполнена
стихов
гранатными зернами.

282. НЕМНОЖКО СПОРТУ

Я выбегал для тебя 1000 строк
и чтоб не быть скучным,
выгнал оттуда
арфы и рифмы,
крючкотворство метафор,
кордебалет созвучий.
Я выдоил для тебя чистый спирт!
Ужасный труд!:
Тебе нельзя его пить,
ты не кушаешь моих кровных
рысистых эпитетов.

283. ЧОРНЫЙ ГРАНАТ

Ветер дремучий
вечер колючий.
Ты моя тучка —
мертвыми петлями
меня не мучай!

Задержись здесь, в обрыдлом карантине,
Шопотка пуховки сшамают мою малярию!..
Поцелуев примочки излечат

284—285. РУБИНЕ ОТ КОММЕРСАНТА

I Когда на грани краха
в глазах у всех
змеиной контрабандой
жестокости и жадности
зеленый уголёк
Я пред тобой как банк.....
.....
... Там в конторе
виснут краны
счета — щелк,
в лихорадке арифмометр,
сейфы топают гопак,
кассы роют,
контролеры...
Но чек — не в жизнь
аккредитив — не в прибыль,
когда на векселе
твоей не вижу визы
100.000-ный аванс тогда мне не в корысть!..
Время — деньги
глаз — карат
Конкуренты — очень поздно!
Дэбет, крэдит...
Брутто, нетто...

Знаю твердо —
в мою пользу
будет сальдо, —
это верно,
как контракт!

II Рублем изрубленный
ползу по улице.
В окне
Рубината молодая
мельк рассмешкою —
рассыпалась кредиток стая.
И я,
вроде рафинада в кофе,
сла-а-дкостно растаял...

286—287. НОЧНЫЕ ПЕРЕПОЛОХИ

I Кагорейут поэты,
крадутся на коленях,
пролезают по темным тоннелям.
Их манит гранатный прожектор,
в убегающем море
контрабандистов преследующий...

II СИЛЬНО-ХИРУРГИЧЕСКОЕ

Возле волны волос
1/2 дня сижу закованный —
хлороформ глаз
анестезия улыбки, —

руки мои — под ветром вехи...
И только сейчас заметил: —
среди снежнейших глыб
трепещу
без головы...

288—289. ПРЕДРАССВЕТНЫЕ РЕБУСЫ

I Под утро, как гейзер в нарзане,
занозы сердечных складок
растрюхались.
Я позабыл ее грозно-синие глаза,
казненную за измену старуху,
и прочие огнемётные трюки.
Остались только два гнезда,
режущей нежностью чреватые,
железом иносказов их вспахали...
Что-ж, я выздоровел окончательно?
Кончился кошмар?
Или пропадаю
очаровательно?!

II УЮТНАЯ ЛИРИКА (Вариант)

Под утро, как льдинка в нарзане,
заноза сердечных складок
растаяла.
Я позабыл ее щедро-синие глаза
и прочие
головокружительные тайны!

колотится неровный ревматизм?..
Да, это нарывает разлука —
насквозь в прострелах
не-стер-пи-мей-ший
фурункул!...

292

Уехала!
Как молоток
влетело в голову
отточенное слово,
вколочено напропалую!
— Задержите! Караул!
Не попрощался.
В Коджоры! —
Бегу по шпалам,
кричу и падаю под ветер.
Все поезда
проносятся
над онемелым переносьем...

293

Ты отделилась от вокзала,
покорно сникли семафоры.
Гудел
трепыхался поезд,
горлом
прорезывая стальной воздух.
В ознобе

не попадали
зуб-на-зуб шпалы.
Петлей угарной ветер замахал.
А я глядел нарядно-катафальный
в галстукке...
И вдруг — вдогонку:
— Стой! Схватите!
Она совсем уехала! —
Над лесом рвутся силуэты,
а я — в колодезь,
к швабрам,
барахтаться в холодной одиночке,
где сырость с ночью спят
в обнимку.
Ты на Кавказец профуфырила
в экспрессе
и скоро выйдешь замуж,
меня ж — к мокрицам,
где костоломный осьмизуб
настежь
прошелкнет...
.....

294

Умчалася...
Уездный гвоздь — в селезенку!
И все-ж — живу!
Уж третью пятидневку
в слякоть и в стужу
— ничего, привыкаю —

хожу на службу
и даже ежедневно
 что-то дряблое
 обедаю
с кислой капустой.
Имени ее не произношу.
Живу молчалиником.
Стиснув виски
стараюсь выполнить
предотъездное обещание.
Да... Так спокойнее —
 анемичником...
Занафталиненный медикаментами доктор
двенадцатью щипцами
сделал мне аборт памяти...

295

Меня засосало в люк.
Я кувыркаюсь без памяти,
Стучу о камень,
Знаю — не вынырну!
На мокрые доски
 молчалкою —
 п л ю х ! . .

296. ВОССТАНИЕ МУДРОСТИ

Древний девиз,
таблица велико-рыхлых
романтиков и романистов:

ЛЮБОВЬ — ТАЙНА — СМЕРТЬ.

Но мы,
победившие чахлый склероз,
начертали на наших джемперах:
УЛОВ — НАРПИТ — СМЕХ!
Замыленного кентавра,
скрипучего,
сменил электровоз
в три тысячи НР* .

297. ИДИЛЛИЧЕСКИЕ ПИЯВКИ

Не как чудо,
не жар-птицу
(нет уж! где уж!)
Как дружочка,
краем уха
полюби меня чуть-чуть!
Мне до ужастии
нестерпимо нужен
для стихопроизводства
горного воздуха
лоскут!..

298

В утишительном халате
Рубинатка —
многосердной фельдшерницей

* НР = аш — пе = лошадиная сила. (Примеч. автора).

приложи мне на темя печатью
рыжие пъявки бровей!
Пускай раны мои охладятся,
в ужасе
отшатнется
лихорадица,
навекы отвалится
опостылая постель...

299

Ты стала теперь розовой,
примереннее с жизнью,
ты стала теперь
не такой колючей.
Согласись, что это
после песни,
которой
научил тебя Кручень!..

300

Никогда еще жизнь
не была так свежа,
как в это
ответственное утро!
Пиявкой бровей твоих
боль охлаждена,
заря распустилась на острие ножа,
все горести в мутную ямку
каюкнули!...

Как бильярдный шар
наливается
твой лоб мудреца,
бровей загар
остужает
два синих костра.

303

Страстно-скромно, как желанная,
бесконечно целовала
на глазах соперницы.
Что это? Вероятно руку отлежал я
Вот и снятся неожиданные нелепости!..

304. РУБИНА НА КАВКАЗЕ

Гагры

Гамак...
На фоне ресторана Гагрѳш
лежать
под башнею пальмы
в теннике.
Пусть вокруг тормошатся
рекордсмены лаун-тенниса,
пусть Вертинский вертит
королевистый джаз-банд, —
мы давно уже
пристальной книжкой
отряхнули со своих фартуков
этот нагар!..

Сердце — такая мелочь,
 сердце — такой атавизм...
 Что же бьется оно,
 как-бы очумелое,
 по льдистым карнизам
 взбирается на Эльбрус,
 кричит с Кавказа
 до Марсея,
 не спрашивая ничьих чиновничьих виз?
 изрезывает
 _____ обрывы
 исклевывает
 рубинами
 брызг!..

309—311. РАДИОГРАНАТ

Разговор деревенских детей.
 — Что такое телефон?
 — А это вроде радио, только
 с проволокой.
 (Откуда-то)

I Рубэна!

Дай мне этот
 пронзительный получас
 разговора по воздуху.
 ...Обиняком гляжу:
 в опьянелом окне
 купол

стрелкою пучится
в кровное небо...

А на диване — рядом —
усталая синявка на экране
в жемчужно-перьевом платье
бредит

от виноградного квасу,
концентрирует передачу...

Все тогда было
омолоделым счастьем.

II. Центроболь мне теперь
нипочем,
радиозарядкой ураган
оглушен.

Лихоманный кол стал
купальным колпаком.

На взморье
кружусь
июльским нагишем!..

III. Не унывай!
Ведь знаешь ли,
знаешь,
— протри волной глазища! —
еще может такое случиться,
радостью

израненное,
чего не предвидел
ни один
Плеханов!..

над лидером
мокро-махровым,
королевскому шмяксу
смешинкою
в лоб!..

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

314. ХЕРСОНСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

“Анатэма” —
Неудачная схема.
“Анфиса”
Умерла после bissa.
“Бабочек бой” —
Кто в нем пленит игрой?
“Госпожа пошлость” —
Тоже не оплошность.
“Дети” —
Ловили многих в сети.
“Заколдованный круг” —
По 500 на круг.
“Звезда нравственности” —
Полна безнравственности.
“Зрелищ и хлеба” —
Просят у неба.
“Любовь студента” —
Ловля момента.
“Иола” Жулавского —
Драматурга заправского.
“Козырь” Запольской —
Полон удали польской.
“Мелкий Бес” —
Не туда залез.

“Маневры” фарс —
Осмеян Марс.
“Лорензачио” Мюссе —
В восхищении не все!
“Огарки” —
Проданы и контр-марки.
“Отцы и дети” —
Скучнее нет на свете!
Островского “Лес” —
Полон чудес.
“Ради счастья” —
Вызывает участие.
“Старый закал” —
Лавры стяжал.
“Три сестры” -
Ждут иной поры.
Узрели “Измены” —
Дар Мельпомены.
“Черепослов” —
Вывез Прутков!
“Человек большой” —
Путята герой.
“Чайка” —
Поди, поймай-ка!
“Электра” —
Полна эффекта.
В “Свадьбе” Чехов
Вызвал много “смехов”.

*

* *

Артисты играют,
Лавры стяжают

Сборы гребут,
Мирно живут!

<1910>

315

старые щипцы заката
заплаты

рябые очи
смотрят
смотрят
на восток

нож хвастлив
взоры кинул
и на стол
как на пол
офицера опрокинул
умер он

№ восемь удивленный
камень сонный
начал глазами вертеть
и размахивать руками
и как плеть
извилась перед нами
салфетка

синяя конфетка
напудренная кокетка

на стол упала метко
задравши ногу
покраснела немного
вот представление
дайте дорогу

офицер сидит в поле
с рыжею полей
и надменный самовар
выпускает пар
и свистает
рыбки хдещут
у офицера
глаза маслинки
хищные манеры,
губки малинки
глазки серы
у рыжей поли
брошка веером
хорошо было в поле

потом все изменилось
как ответа добился
он стал большой и тоже рыжий
на металл оперся
к нему стал ближе
от поли отперся
не хотел уже рыжей
и то ничего что она гнулась
все ниже ниже
и мамаша его все узнала
полю рыжую еще обругала
похвалила лаская нахала

так все точно знала
рыжая поля рыдала.

примечание сочинителя —
влечет мир

с конца

в художественной внешности он
выражается и так: вместо 1 — 2 — 3
события располагаются 3 — 2 — 1 или
3 — 1 — 2 так и есть в моем
стихотворении

<1912>

316

Дверь
свежие маки
расцелую
пышет
закат
мальчик
собачка
поэт
младенчество лет

Удар
нож
ток
посинело
живи
живешь умираешь

жизнь скучнее смерти
смерти
живи мертвец
сосущий мертвых
всегда свежих
и так живу
полюй
протух

Петух мудрости.
Убывала вода А
в белых конях не было воды Э
старцы подкатывают пальму
иссохла пещера
в ней явства Е
благодатные мысли прорезывают
ПОТОЛОК

износились все слова на конях
застыло олово висят портки
мудрецы без работы зевают
зев змия зевнул проглотил
оз пар от лошади тело
научился сам ловить раков
питаюсь бей надувалу ого-го

О —
ой и душно мне не пускают
плетка в нос лезут
мудрецы живут долго день долгий
а другие качурятся
ни в тебе ни в себе не

нахожуся НЕТ горе горе
и стал я видеть вдоль и по-
перек ничего не вижу не
сидят на реке благополучной
не скучной жуют дыни петух
бегают клюет
умилятся нож и не режет
так было раньше
а написанное раньше — теперь.

317—318

I.

Мир кончился. Умерли трубы...
Птицы железные стали лететь
Тонуших мокрые чубы
Кости желтеющей плеть.

Мир разокончился... Убраны ложки
Тины глотайте бурду...
Тиш ... и ниже поля дорожки
Черт рспустил бороду.

II.

ВЫСОТЫ

(вселенский язык)

е у ю
и а о
о а

о а е е и е я
о а
е у и е и
и е е
и и ы и е и и ы

<1913>

319. ИЗ БЕЗДНЫ

Опадающие стих блуждающий соглас.

бежать к вершинам тяжело
и упадешь — не низко
куда мудрее в колесо
свернуться... повезло...
не упадешь и не зацепишься
а так — все катишься на дно
и там полон нелепости
но небо видно
в себя войдешь в себя
и все дальше внутрь
забудешь что? едваль!
все тут
о уверяю вас: на вышине
стоящий измеряет низ
все кажется: прилезут те
и стащут вниз
один на высоте
мудрец и то соскучится
иди ка к черноте

не все на золоченой улице
ты на низу спокойно умудряй
свой короткий опыт
пусть быстроногий в край
мчит далекий
а только — ногу сломит
на потеху задних...
как узывен вечераи звон
звонить не думай кулаками
не перешагнуть без возмездья
ни единой ступени
чтоб достигнуть надзвездья
надо вглубь спуститься
 где тень
там увидишь сияние любимых
а рукой все равно не достать!
ноги сломятся шумно ретивы —
засияет тебе благодать
голос слышен отшедшей...
как живые кричат!
убивают потверже
по земле бьют лопаты.

<1913>

320. ИЗ САХАРЫ В АМЕРИКУ

Пятеро кто хочет считать нас? Пять
востронососедогривых черноруких ясно видно у
каждого пять учеников сверху нависли на уши слушают

щетины большие по ошибке шепчем

когда мы шагали по небоскрегам
порхали легче от первого
до последнего
кто верует тому не жаль серебра
бросьте и мы престол
все углубились за станками
разлетаются кудри
секуточей ударил
веет дальшее море
драгоценные чаши кидаются в него
бритые чаши
и знает кто их... да?

кривобокоубогие пещернаших псы углах пятишести
головах простые не выдержат что пьют тихий
полусвет ночной холодно смотрит в черноходы

нас нет мы кинуты край мира за скалою видим в
церковь ходим позлословить

когда псы уходят остается их коготь худ шерсть по
полу дрожит

тех знаков ни рыбе ни горе не расщелить
псы лают на деревья птицы нападают в пасти
псы лютующие меж деревьев облаки летят в ту
сторону псы зевают нам тихо нас не вешают не
вешаются а как будто в тумане спускаются пули уколят
ускользнут а мы ожидаем одевайте пули разорвать их
сделать для живота

блины не помещаются

прыткие

никто не знает

как бы обмануться когда у людей одинакие почерки
и плюнул я в сосуд мерзости и встала она дыбы и за-

реготала а я мокрее гриба стоял перед ней падая головой
и показалось воздух чадный смело мне уши чертят
что-то и сельди нависли на плечи а на середине лба
изрекла молодая старуха и когда
нас пять усядет на камне и вперим мы очеса меж
планет что видны меж былой листвы нам видится
пропасть нам кажется что мы упадаем туда без платьев
наши чуткие уши чу ют и и что по чугунному скрипит
планета что черночервь точит числа

что

мы вникаем в бессмыслицу их трения и считаем
ченк кину со мкам пробуждаемся когда из нор пыль
летит в пещеру чинная пришла навестить сгоревших
дев царица кадка

с салом на плече руки сплелись цапля чинная зовут
славии ястреба красноудлиненные рыбы

ход царицы изменялся другой начинался уже но
ровно оба прямые и пепел серой пыли посыпал дорогу
и сожженные кости шевелятся знаки псы подбирают
жемчуга ее глаз хранят и камень руки утаят

черный камень черты чиниаи о который
разбивались

многие ветры

мы в стороне

горек наш овес нас не любят конские оки царицы
девы а сколько молили жгли жертву

если не возле нее то возле дома стоим согнувшись
незаметно ссыхаясь бы бин засвистели рога полено
заблестели убить надо

рассмеялись нож упал ноги остриг разрубил только
псы не чихают

невинный

э э ээй

чашки шевелятся кость кости сросется окрепнет?
ин эзгай кости тело тын торчком ребра гвоздем
травы на быке

притихли прислонился сосет сок кости мы все
сохнем

множь камни перытые

лес тож деревья трудно указать границы концы
когда малы то больше кажется

меньше больше

топаз несгораем

появляется замученная рыба кричит спасите рим
опять утонет

стерлись имена на коре

прорастаем как трава на быке

все ее богатства у нас

не стали богаче

и жемчуг ее не согреет худеющие тела и рук не
побелеют

псы не найдут нас хоть и траву следят на брюхе
извиваются

сложились кости

горчей бани

не смеются псы

на ноге вертятся

окаменели стволы

когда я разбежал подняться остроостров чер нике
принял меня

не слышат нас псы не скавчат опять жалобно
вытянут шен и отбросив по земле стелятся нюхают
головой кусаются

ту юр ща накрапывает

топаз трудно отличить от алмаза

мозг змеи целебен
наши головы прели когда мы были стары
уменьшались телеса в пуху
кость мамонта под бурой мочалью
если не исцелит
и приложились мы к кости ладонь к кости и око
стенели

стал лес как из ножа
повисли платочки
и псы наши потеряли носы по ветру
все покрыла рашетка
унесли бороды люди
одели на усы что торчат оглоблей

под бородой слюнявой пса
лег усталый
далека гроза
веселых охотниц орава
я издалека пришел
к родной собаке
у домов острый кол
так и просится в драку
в конуре блохи жалят часто
и пыль столбом
но малым я счастлив
хоть белье кругом
хоть слышу ход сводов...
тяжелых колес...
но прижал я морду —
ты бес! не пес...
тепло с чернявым рядом
кожу жую

лишь соли надо
размягчить шею твою

помню как меня били
за дружбу с тобой
но отхлынули хвили
над нами дом крутой
как часовые
стучат жуки
как раньше вздрагивал
чуя толчки
ноги мои достали доски
за ней дрожит песня
много там пустой тоски
а мне совсем не тесно
вся наша посуда
пустая чашка
не давит под спудом
синяя бумажка

с другом свернулись в калачик
дышать тяжело

повернуться — задача —
горло ко мне легло

зубы мои без устали
шкура крепка —
чешешься псина, устами
давишь на доске клопа

...там вилка в углу привешена...

мне нужно тебя обгрызть —
когда будет плешина
спустимся вниз...

какие сны мне снятся
я скоро выздоровею тогда

стану гонять зайцев
соской не будет борода
и проветрюсь солью
прокопчусь смолой
но навеянных пылью
не отведаю снов...

<1913>

321. 45° ЖАРЫ

Куда деваться от мечтанья
о твоей коралловой стране
заглушишь как трепетанья
как пробраться к луне

светел день ало пламя
земля и деревья шипят
не укрыться сверканья
змеи золотые меня сторожат

вокруг горят ведьмовства маки
сквозь хвои сосн сверкнет дозор
как совесть мучит камень всякий —
и ветка гибкая — укор

видно сон навевает жара
видно околдован паром
и с землею проститься пора
где призывы звучат мои даром...

я в гроб вошел — там кости дышат
там несносно зловонье

и опять выползаю на крышу
где столбы сплелись в целованье.

в воде ловлю пушистых зайцев
плавает лебедь... вдали цапля
в тумане не увижу хоть пальцев
но несносна длинная лапа —

зарычал я бросаясь на дно
кувыркаясь как мельниц колеса...
и ухо волной снесено
и дух мой вопит безголосый...

<1913>

322

где тесен пыл бойница

заплаклет рыжья спица

гоголя падвол калоша

шагая улицам сельди висель

в запоры сайть сулы

лег беззаботно пали тулы

вы вероки облачь сказаль

облачье болое вбить наповал

<1913>

к прекрасным далям нас зовет
и кличет земля худая
куда я?
или наступает тот потоп
что в бок ударя
сядет на сельд
висеть будет удалой?
браво!
всегда так было с оравой...
Мощь и тощ теперь пара!
Ломая ветку
прыгая
в воздушную сетку
игривая жизнь
вспугнула наседку
икра я
замечай обмельчение рек
железный вол плывет поперек
бойницам тесно
как тесто всходит пыл телесный
судрец был силен высшим
книги его грызут мыши
начертают черные флаги
спать легко на бумаге
где то звенит пустота
везде гласит смех острие рта
ранит невесомая игла
притупила зубы пила.

<1913>

не зримов у стен
 буды
 замечало песнь роды
 крайне чтец боится
 паровозил сто копытца

<1913>

325. ОТЧАЯНИЕ

из под земли вырыть
 украсть у пальца
 прыгнуть сверх головы
 сидя итти
 стоя бежать
 куда зарыть кольца
 виси на петле
 тихо качаясь

<1913>

326

поскорее покончить
недостойный водевиль —
 о конечно
 этим никого не удивишь

жизнь *глупая штука* и *сказка*
старые люди твердили...
нам не нужно указки
и мы не разбираемся в этой гнили

<1913>

327

Хрюкает конь и учиться не хочет
(лень обуяла ретивых)
конь улыбается в одиночку
впереди скорых и сильных

пробежав тмени метров
и всех перегнав
измеряет оком незаметно
плетущихся шагом

ленивей всех быстрый
и судрый — глупее
и храбрый под выстрелами
прячет уши в шею

<1913>

328. ПАМЯТНИК

уткнувши голову в лохань
я думал: кто умрет прекрасней?
не надо мне цветочных бань
и потолке зари чуть гаснущей

про всех забудет человечество
придя в бюджетляньские страны
лишь мне за мое молодечество
поставят памятник странный:

не будет видно головы
ни выражения предсмертного блаженства
ни даже рук — увы! —
а лишь на полушариях коленца...

<1913>

329. ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ГУРО

Из тетради заметок А. Крученых

...Когда камни летней мостовой
станут менее душны, чем наши
легкие,
Когда плоские граниты памятников
станут менее жесткими, чем
наша любовь,
и вы востоскуете и спросите
— где?
Если пыльный город восхочет
отрады дождя
и камни вопиют надтреснутыми
голосами,
то в ответ услышат шопот
и стон “Осеннего Сна”
“...И нежданное и нетерпеливо — ясное

было небо между четких вечерних
стволов... — (“Шарманка” Е. Гуро)
Нетерпеливо-ясна Елена Гуро...

<1914>

330. ОХЛАЖДЕНИЕ

Моих детей не узнаете?

Родились здесь в неисчислимом

Верните в школу пусть желт и реск

Не нарушают глину.

<1914>

331

Луной гнилою
Часы отстали
Кормили сволочь
Гуди с толпою
Хоть 2? едва ли
Пятится ночь
Нажавши пальцем
Зайти ли? с вывеской?
Я вольный благодар
Язык чернильницы

Попал под наковальню
Чур чур круче
Ловите — тайна
Если пред обедом
Пройтись хочу я просто к воротам
И подаю ей знак летельбищ
На что иной взирает не терпя

<1914>

332. ПЕСНЯ ШАМАНА

Котеро
Перо
Бясо
Муоро
Коро
Поро
Ндоро
Ро

<1914>

333

копи богатства беги отца
его оставив в ломовиках
замѡк покрепче на дверях
пусть с взглядом смуглой конницы
он за тобою гонится

пусть шепчет заклинания
и в дверь без смысла бьет
пускай подымет он народ
не верь его страданиям
пусть плачет — детям в назидание

<1914>

334. НА УДЕЛЬНОЙ

Гвоздь в голову!
Сам попросил
Положил ее на траву —
Пусть простукает нарыв.

Раскрыл пасть
— Там плюхался жирный карась —
А тот говорит: нишкни
Иначе трудно попасть!

Слышу: крышку забивают громко
Я скусил зубы
— Карась нырнул под небо —
Лежи, а то принудят родные
Не открывайся — ни крови... ни звука...

Кто помогал мне — не узнал сперва...
Гвоздил в висок заржавленным здорово!
Потом огляделся — моя жена!
Пошла и долго смеясь рассказывала доктору.

Залепили... поправился... вышел из больницы...
Жаль только
Остался там китайчонок
Мой сын от китайской царицы.

<1915>

335. И. ТЕРЕНТЬЕВУ НА ЛОКОНЫ МОЗГА

В кудри мозга моего
Она заплелась ногами
И завила в излом его
Прижгя горячими щипцами!

Муза подбрасывала угли
Крючками кочерги ног
Скрыть смогу ли? —
Как лягушку мое сердце прочмокнул Али!...
я был влюбленно — строг...

<1919>

336

Когда девушку
Козулеподобную
С черными зернами глаз
На снежном шелке лица
Толстый кавалер

Робко спросил:
— После обеда вы что делаете дома?
Та отвечала
Басом профундо:
— С п л ю!
И толстоватный кавалер
От смущения
Проглотил свою шею...

1920 г. Баку

337. ВЕСЕЛАЯ ЖЕРТВА

В грязи на кухне мировой
Валялось много городов и трупов,
Парламентеры с веткой сиротой,
Как школьники, ревели глупо.
А мы, узнав, что бог — верховный людосед,
Отсчитали ему процентов двадцать,
С весельем бросили на обед
И предались работе с ненасытной страстью!
Себя мы обожгли в кирпич,
Душа огнеупорней глины,
Ослеп *верховный сын*
И наши векселя повыронил!....
И, заключив *похабный мир*,
Мы сделали *святей всего, что знают святцы!*
Теперь идем воистину громить
Последнюю опору англичанскую!
Какой на небе поднялся кабак
Под визг нетопырей и желтых херувимов!
Цари теперь душа бурлацкая,

Что всех святых отринула!
— Стареньких подслеповатых Сергиев
С ехидной книгой,
Что за девчонкой куцой бегали,
Вертя поддельною веригою!.. —
Мы само боги, над нами НИКОГО!
Удобно жить, развалясь в своей квартире,
Когда заштукатурен крепко потолок,
И не сочит небесной сыростью!....

<1920>

338. ОБМАНУТАЯ

Коньяком опоили Богоматерь;
— Она думала, что росой окропили цветы, —
Покрова валялись алые под альковом ресторана,
Кружились хамелеоном восковые черты...
И перегарно спиртные дымы
Ползли к ней на амвон,
Стопудово чугунные бабы
Гуляще ухали с куцых колонн!
Хихикали носы шакальи,
Облизывая рваные десна:
— Полюбуйся, обманутая Богоматерь,
Как мы грациозны!
Дай поцеловать тебя, красотку,
Давно не видали таких прелестей,
Не вороти ротик от зубастой глотки, —
Лучше с нами браги смертной испей. —
Змеился рот Небесной судорогами отвращения,

Отрекаясь своей невинной святости.
И только в мокрых бульварных аллеях
Обезумевший рыцарь в бреду целовал ее
прозрачные кисти.
Ея уповальные руки
Тонким жемчугом обвилились вокруг его
склоненной шеи,
И в небе изломанно — ясном
Опавшие листья хоругвями рдели...

<1920>

339. УБИЙСТВО ОТ ЖАРЫ

Нет, не хватило квасу!
Пылью завален порт.
На порыжелую шхуну льют известку;
Собака, прицепленная к музыканту,
От безветрия — сдохла...
К вечеру оскалом бешеным смотрит
солнце,
В нефти качается сплющенный шар,
Чадит прокисшим маслом,
На жесткие сваи сядет без плеска
перегруженный корабль...
А сухой ночью угольная луна крадется
еще тише.
Кто-то кажется в слуховом окне.
В 12 появляется удушенный на крыше.
Старуха напротив задыхается,
Кривляясь от хохота на ЧУЧЕЛЕ.

<1920>

Дред
 Обрядык
 Дрададак!!!
 ах! зью — зью!
 зум
 дбр жрл!.. жрт!.. банч! банч!!
 фазузузу —
 зумб!.. бой!. бойма!!
 вр! драх!...
 дыбах! д!
 вз — з — з!..
 ц — ц — ц!..
 Амс! Мас! Кса!!!

ЛОПНУВШИЙ ТОРМ

АЗ

— ПОСТРОЕНО ПО МЕХАНИЧЕСКОМУ
 СПОСОБУ —

В Р З Н Б

К

Ц

Р Ц П

Р Ж Г

Ѹ

.

.

.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ПРОЩЛЯКУ:

Бе — тя! Бе — ля!

Незве мена э-эйла!

Ие ейу нае
Эйла ла — ла ейля ли у-у лія-я
Ліе нае уска!
Минна ли — ле велли

Левин вила

МОКА! РОКА! ФОКО! ФЛАКОН!

Мафо! ложа! фера!

Рзее Вирзе Винте

Ама не — ли лаха —

дочь потерявшая башмаки
попала в рай!..

<1922>

341. ЦВЕСНА

ТЦАК ЗЯРОСТНО

После снежных завесов

С края бездо-о-нного

Вонзится в ухо

Теплая капля бродяга!

Сердце, с цепи сорвавшись оттаяло,

Полнокровные

Набухают солнечных рук жилы,

Тащут деревья за жидкие кудри,

Свистят атласно,

Маникюряют стебли и стволы!..

УЖЕ

МЕЖ ГЛЫБ эфира

Яички голубые

Весенних туч порхают,

И в голубянце полдня
Невыразимые весны
Бла — го — у — ха — ют!..
Там авиаторы,
Взнуздав бензиновых козлов
Хохощут сверлами,
По громоходам
Скачут!
Задрав хвосты
Ковырком —
В небе
И землю
32 кукиша!..
Пониже
Мюр-Мерилиз
Запыхавшись
— Зок — Зок! —
Машине Зингера
Стрекочет темя
И юрких птиц оркестр
По стеклам неба
Как шалугун
Трезвоном:
— Ц-цах!
Синь — винь
Цим — бам, цим — бам, цим — бам!..
А на пригорке пропотевшем
В сапожках искристых
Ясавец Лель
Губами нежными,
Как и Иосифа пуховаго
Перед зачатием Христа,

Целует пурпур крыл
Еще замерзшего
Эрота!

<1922>

342. ВОРОНАЯ ВОСЕНЬ

Дылдонит небо...
Обломок крепости грохочет в луже
И черное яйцо, что антрацит, взошло на западе,
Дырясь корякой...
Яма выпивала циферблат...
Но пуще гула
Кочегарных вод могучих
ТАНК ДОТРОГАД СОПИТ МОТОР —
Лаха — а — а — н — ный океан!

.
В половинчатых шляпах
Совсем отемневшие
Горгона с Гаргосом
Сму-у-тно вращая inferнальным умом
И волоча чугунное ядро
Прикованное к ноге,
Идут на базар
Чтобы купить там
Дело в шляпе
Для позументной маменьки
Мормо!
Их повстречал
Ме — фи — ти — ческий мясник Чекунда
И жена его Овдотья —

Огантированные ручки —
Предлагая откусать голышей:
Дарвалдайтесь! С чесночком!
Вонзите точеный зубляк в горыню мищучлу,
Берите кузовом!

Гарго!

Горго!

Вот остроголовый стреолин и сыролех

В рогоже!

Закусывайте зеленой пяточкой морского

водоглаза,

Слизните языком в салфетке кардинальский

обед!..

Дорогоги,

Дыр-бул-щики,

Ую-юники —

Глотайте из бобовой рюмочки душистый

изотвас!..

Долюбите нас этот вечер

Черняки,

Цю-цю-кайте!

Снимите черный нагар с ваших улыбок!

Право, вы так редко прорезываете дорогу к

нам

А мы —

Всегда с рас-тег-ну-той душой!

Пускай сифонит небо

Устроим здесь веселый и пьяный **разгалдай!.. —**

Рядышком

В зыбке играл

И рыбкой брыкался

Их бордюрный эпюз;

Вителью золотой звучало солнце,
И паутица села на окняк.
Резвийца муха прожужжала билинтряс...
Протабаченый перст Вячеслава Иванова
Кивал, говоря:
— Все это отлично странно!
Неужели в меня вселилось бритвенное Бри —
Бри,

Луча бурунов яды
И стрекоча стрекалом,
Или
Стрелою Скрябина
Я опрокинут
Б пяти магических зеркалах?!...

<1922>

343. ЗИМА

Холод до мозга всех позвонков,
Иду сквозь заборы метели
Раздет, ничего на ногах,
Колючки в зубах
И волчьи клочья во рву цепенеют...

Хо-о-лодно... мороз с ножом,
Писк небес недорезанных,
Треснул земли водоем
Сломаны оси
Насевшею льдиной
В пластырь солоный

Все сплющены!...

Мизиз...

Зынь...

Ицив —

Зима!

Взошло колесо

Всех растрясло!..

— Уа! — родился цап в дахе,

Роет яму в парном снегу...

На кожаный костяк

Вскочил шамай

Шамай

Всех запорошил:

Зыз лыз!

Мизиз-з-з-з — зз!!

Шыга Цуав!

...Ицив....

<1922>

344. ЗИМА BIS

В странах без света и крови,

Где плавают глыбы холедные,

Где морщатся волны —

Царствует зябкий мизиз,

И в свисте застылом

Зынь

И Ицив

Замерзают...

Но с жарких небес

Выпало колесо
Всех растрясло
Лихорадкой и громом,
И к жизни воззвало
Харкнув в тундры пронзительной кровью!

<1922>

345. РАЗРЕЗ ЗАВОДА

ф — форточка ...
маятник
стальной угол
аршин небо — газа
жужжит жироскоп
стук... марш... синкоп...
под цейсом — пластинки радия секут,
синтарис... альфа — бета — гамма —
луч...
плавает хрусталь
по ребрам арматуры...
фольга в торий
золотник... кривошип шатун
дрелит
шуршат броней
лезу в зонд —
земля... зл... зх... чм... бронзы
завьюзг... завиток... зарр —
стружки — ж — ж — з — з — з!..
— завод в ходу!..

<1922>

346. ВОМБАТ

(маленький ленивый зверек)

— Любите ли вы улыбку ленивого
Вомбата? —

Пропел ацетелин
На ухо ангелу
— Она мяхче
Повязки на лбу,
Она снисходительней
Куриного пера,
Она нежнее, чем пещера
Где ходят босоногие адмиралы!..

<1922>

347. МАРОЖЕНИЦА БОГОВ

БОХ

по-по-чка

Овощь!

И ты — ПАМЕР!.....
Желтухой зака-а-лянный,
На груди — замерзлая эпитрахиль;
В подмышках — хворост, пустырь.....
Водяной пузе-е-ет мороз.....
Во рву цепью волчие клочья,
И твой ци-пи-не-ет цилиндр.....
.....
Святителям хо-о-о-лодно.....
Вдовица лазурь —

вся — простокваша!..

Снегом покрытый
В больничном халате
Алтарь за-хе-рел.....

— Прихо-о-жане!

Кто пожертвует свои ноги на дрова?

Жир — для божиих свеч?

В воздая-я-ние

Получит высший сорт небесного масла!..

Приход — глух,

На амвоне клуб,

Гимнаст комсомол — на библии

скачет,

Дым чадит в мундштуках.....

Крест пауком убежал в подворотню

Пищит,

Святцы и чаши слиплись холедные.....

— Плащаница, не плачьте,

Мы вам споем марсельезу:

Над дикими льдами вбита звезда

И знамя на мачте алью горит!....

У плащаницы ямы адамовых глаз засверкали

Налились кровью,

Шипят:

— Что же на место любви?

— Солидарность удара! Даешь!

— Ха-ха-а-а! —

Истерика..... ах!

Плащаница рассыпалась:

Вдребезгт дамское мыло Брыкара

Люфчики, тухли, чулки,

И косточки с гроба господня

В тонком дессу
Заскакали
Под иглами льда,
Осел частоколом с-под Христа убежал,
По хлопущкам снега хрипит,
Ребра врозь,
Пар из ноздрей застыл Филипповским калачем,
Хрупики мучениц сороконосниц
Под ногами трухлявой трещь!.....

.....
Костям зя-я-бкостно.....
Целит громийца — **взюк!**
Мороз с ножем!
Писк
Небес
Недорезанных!
Вот лопнет пузырь.....
Ангелы в ямах вопящут.....
Треснул крещенский водоем
Грр! Крака!
Гр-р-р-р-р!.....
Батарейя — копер ледяной!
Карга
Гых!
ЯДРАМИ ЛЬДА
ВСЕ СВЯТИТЕЛИ
Как селедки
Р-а-с-к-р-о-ш-е-н-ы!.....

<1923>

348. ТРАУРНЫЙ РУР!

Рур
Рейн
Коридоры угольных сот!
Горы вниз!...
Рур
Бассейн темнокровных рек.
Ру-у-у-ур! Рупор побед!..
Рур!
Дортмунд!
Катакомбы грызущих труб
Тебя не раздавит мор Мильерана!..
Рур
Под облаком черным
Поселок на мутно-зеленой траве,
Рур
В трауре сад,
Рур
Затмивший солнце!..
Дым...
В дыму...
Копоть...
Гарь...
Дышешь дымом
Ждешь
Корявый чернеет башмак...
Рур!
Чахоткою харкая
Греешь страну
Брыжжешь лихорадкой огненных руд!
...Тревоги гудок
Горы ревут...

Шахты гудят...
В трауре Рур!
Перед расстрелом
Рур дрожит...
<1923>

349. РУР РАДОСТНЫЙ

Рур, ура!
Ура Руру!
В реве реванша
Над грудью твоею
Сшиблись Антанты
Из-за черных костей!
Казнь радуя
Тузят друг друга
Голодною плетью
Мертвых шахтеров!
Темный камень раздора
Рур
Ура-ра-ра-ру
Ру-бка!
Сквозь горькие клубы дымов,
Черный твой лоб в крови!
— Ружья, нацельтесь!
Офицер не моргнёт
Вот
Стаей голодные волки
Взрвут...
Но...
Но —
Дрогнули горы

Ружья сами вспять повернули
Горны за горла
Гром из земли
По жирным икрам играть,
Канальи раком!
Маршем
Груды рабочих
Красный флаг
Интернационал
Тра-ра-ра-ра!
Рур ура!
Ура-ра Рура!..

<1923>

350. 1-ОЕ МАЯ

Грузной грозою
Ливнем весенним
Расчистятся земли!
В синь
Зень
Ясь
Трель Интернационала
Иди
Рассияй
Шире улыбки первых жар
Рабочеправствие
Наш
Меж-нар-май!..
Триллианы надежд!
Миллиарды дел, событий!
Что бесчислье звезд?! —

Точность сгнула с зимой побитой!
Нам — только плясать!
Сегодня — недо хилой хмури!
Пусть скажут: Китай! —
Но и там виден красный плакат!
На солнце — тоже пылают
 революции реомюры!
Земля завертелась... красный Гольфстрем —
Не остановят все инженеры Америк.
Земля запылала, жарче чем Кремль,
Все клокочут на левый берег!
Тут и мы —
 Лефы —
Бросаем канат!
Хватайся,
 кто ловок и хват!..
Май тепларь!
Сегодня —
 все надежды — “на бочку”!
Воздух от радости лопнул!
Звучи
Звучар
Во всю
 меднолитейную
 глотку!..

<1923>

351. АЭРО-КРЕПОСТЬ

“Последнее достижение военной техники — это бактериологические бомбы, которые производятся в

весьма гуманном учреждении — институте Пастера — во Франции... Будет распространять разные холерные, тифозные бактерии...

В Америке изобретен новый газ лувисит (ливисит); от действия этого газа поражаются дыхательные пути, кожа покрывается нарывами и появляется обильное слезотечение...

Затем надо отметить самолеты с пушками... имеют возможность брать более 5000 килограмм бомб...

Такова подготовка к грядущим благам американской и обще-европейской “цивилизации”, которые стоят у нашего порога и против которых мы должны вести ожесточенную и священную войну”.

Из доклада тов. Бухарина на 12-том съезде Р.К.П. (“Правда” 1923 г. № 87).

Гворон-чорон,
Брат оврагу,
Грязь карболка,
Язв дыра в груди
Голу — небес!
На рогах дымит гора!
Это — “ЧРМ”
Темнокрылищ нефтежилысь,
Морный
Зубошумный людорез!..

Он брохочет
В стаде полчищ
Что мотором режут череп неба,
Точат твердь.
Это — броне-крепость
Экскаватор толпищ,

Аэро-бэст!

Ровно в восемь-стрелка восемь! —
Из-за облака карниза
Ахнул, сбросил,
Эпилепсий, левисита,
Газа корчей, жога, пляски Витта,
И безумства 10.000 килограмм!..

А внизу

В тот же миг

Дробь...

Бег...

Торопь брызг...

Разгул... жуткий рык...

Их подвалов заплясали привиденья:

— Эй, холодчики, ухари,

Выходите вы на улицу!

Мы заскачем кверху брюхами,

Закружимся похоронной ту-ше-ю... —

На моторах кувыркальцы мертвецы:

— Прощай лю-би-ма-ая Москва! —

Бледней голодной рыбы,

Под колесом лихач

Часы свои нюхает

И — паф! — проглотил!..

Эйщик нэпщик грыз банкноты:

— На пуд даю!.. Вексель! Мерсель!..

Сукотин!.. —

Вы-ы-ли трубы...

Взрывы легких...

Загудела, в корчах смеха закатилась,

Взвыла площадь:

— За-ху-ху-ху-гу!

Сканчался!

скан-чал-ся...

Ха-а-а! Здравствуй пуп!...

<1923>

352. НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

На снегу
тупо ударило...
Воздуха гул...
Что-то внутри порвалось:
— Умер!..
“Смерть товарища Ленина”... —
Бежать... позвать... —
но куда?
Кругом пустота...
Горько у горла...
Помощь где?..
Замешалась голова...
Бежит комсомолец Сергей
слезы — глаза,
руки — дрожь,
побледнел...
— Слышали?
Что ж теперь будет!.. —
Он, бедный, совсем не в себе...
.....
И вот —
 весть облетела
 станции,
 города,
 селения,

скорбь кипятком поползла,
и дальше
и дальше,
крепом шурша...

Застыли веселые рты,
танцы,
театры,
бывшие зрелища...

Черный шрам вьется на флагах...

Слышно, как в траур погружается наша земля!...

.....

В трауре СССР,
в трауре все рабочие мира,
печаль одна у всех:
нету любимого,
чье имя каждый рабочий звал!..

Весть прожгла...

Все на улице —

как будто выгнал большой пожар:

.....

— Клянемся

в память вождя —

разрушим гарцующий мир продажный!.. —

Руками рабочих
памятник грозный
в честь Ильича
на Красной площади
закрасуется!

А за ним

и в других городах

СССР!

Миллионы

рабоче-крестьянских рук

памятник
Ильичу
день и ночь
куют!..

Памятник Ленину — вся земля!
И видит вражье,
сквозь страх и визг,
надпись на нем
краснеется:
Коммунизм!..

1924

353. ИЗ ЖИЗНИ ВОЖДЯ

ПЛАКАТ

Был у Ленина костюм не новый,
— нет, не совсем так! —
Кепка фабричного, улыбка,
в работе веселой
три года один и тот же пиджак!
Был Ленин крестьянского рода
— нет, и еще не так! —
он чуял,
что крепкий он сын народа,
а что
учитель отец
советником стал, —
не расшатало
верный фундамент!
Был у Ленина лоб огромный,
чтоб думать за весь земной шар,

из разбросков всесветных
проклятий и стонов
новую жизнь построить
резким ударом!..

Был у Ленина
голос громовый,
— нет, да еще не так! —
это за него,
вся Россия в тревоге,
орала,
когда наступал
из Сибири Колчак!

Это он
дал голос заводам,
— больше не стонут стоном гудки!
вера победы, угрозы тревога
слышны в нажиме рабочей руки!
Ленин поднял флаг в октябре,
— нет, и еще не так! —
это он кипел на самом дне,
был повсюду
бодрящий товарищ
и вождь и брат!..

Он вечной угрозой старому строю,
верен делу его
товарищ —
мировой бедняк!
не было выше вождя и героя,
не было лучше пахаря, воина —
нет,
и еще не так!..

354. ПОХИБЕЛЬ ХИЛЯКА

(Рефлекс слова: хляк = хляк = хляча, голубой = холубой и т. д.).

Холеной лысиной
Холубые пуговицы
Мяжкеса пижаль, —
Хляк влюбился в хохотку Фитюш!
 Сто тысяч золотом
 И шкатулку каратов
 О — б — е — щ — а — е — т
 Если пришелестнет!
— Нет!.. — в мюзик — холле шепотунья змея
 Злой отказ: — Не приду-у-у!.. —
Хряк! туфлей ответа
 Придушена хляча!
В зеркале треснула трость,
 Ноги — врозь!
Хляч задержи мозг!
Прут... паук... мороз...
Каемкой ежится кровь...
В поясницу пятится зонт.
 Через копчик на зуб.
Дзынь, зудеж!
Стынь, студеж...
 Память кокаин грызет,
 Плетью хляк на лед!
 Бал затевает прощальный пурга,
 В мюзик — холл подымает стакан, —
 Звонный чок,
 Сквозь оркестр
 Костей треск!

Тут беленится лицо,
Хрип — болесницею зоб
Вы-ы-пер-р-р!
И — ах! —
И — ох!

Финтифирюлька в кружевах —
Смерть —
Леденец над ним сосет!
А злодейка Титюш
У артельщика бирж
Червонцы сманув,
По рыхлому облаку
В Америку
Засвет — и — и — ла
лыжей!
В Нью — Йорк — юрк!
— тю — тю — ю — ю!...

1924

355. 1914—24 гг

(Вольный перевод с немецкого)

I.

Вы думаете, я натуральный?
Тысяча чертей!
Я — Иоганн Протеза!..
Все тело в — деревяшках,
я облицован медью,
а скрепы — проволока и сталь!

Я по утрам скребусь песком,
и начищаюсь мелом
и смазываюсь маслом,
как наган!

Подпрыгиваю,
сияю весь,
как на параде солнечном
тромбон!..

II.

Прислушайтесь —,
не пьяный негр чечотку чешет, —
то весело суставчики мои звенят!
Шарниры гайки — первый сорт,
в груди — все ребрышки отличнейшей чеканки,
курю и пью я через шланг —
в работе фабрик специальных
нет изъянки!

III.

Погляньте:
я хорошо зачерепашен,
не мерзнут руки — камышевые влещи,
не знают пальцы ревматизма,
мясо лишь на щеках
стервец — мороз клюет
то ласковей, то крепче!..

IV.

Смотрите —
на визжащем ролике
Кузькиной подскокой
качусь по тротуару

в плоском тазике,
и, словно гильотина,
вскользну по цементу
в молящуюся церковь.

Там, под мычание органа,
зажмуриваю глаза
и масляно примериваю,
смакуя,
ту массу мяса
свиной в сметане
для наслойки на себя.

Вылезают от ужаса
и студенеют глазюшки
у женщин —
телес постельных,
и мужчины
судорожно,
как перед дуэлью,
запахивают воротники...

V.

Смеюсь...

Зачем я бегал за врагом,
когда он тут,

перед отгрызенным войною носом!

Зажму,
зашаркаю вставными челюстями,
чтобы не впиться в икры
и —
задний ход.

Я уезжаю громко,
напрягая все пружины!

Смотрю в плевательницу,
оправляю волосы
и —
вскачь домой
в сундук!

VI.

Когда ж развинчиваюсь на-ночь,
снимаю
кости по порядку,
скулу и ухо в формалин,
устраиваю локти.
Со мною остается голова
— а в ней восьмушка мозга —
желудка два отростка,
кусочек легкого,
печеночный пупок
и сердце —
тикалка
на часовой цепочке!..

<1925>

356. АКУЛА И ЧЕРВЯК

Шаркнув хвостом,
модница акула —
накрахмаленные крылья,
молния в боку!
Зубами крепко заскрипя,
встает из белой бездны

в парном окне.

Комфортно нежатся во чреве:

три дюжины брюк,
сотня консервов
и множество фигур —

на десять тысяч червяков.

Фыр-р-р — бей,
воробей —
жрр-рр-рр-рт-т-т!

Жужжит за-фрах-то-ван-ный,

рвет упорный коленкор,
конкурент Великобритании,
летчик на чеку
— Вверх! вверх!

Беспересадочные рейсы...

Торговый аэроплан

из Америки
летит в СССР —
враж-ж-ж-ж!..

— Алло! Алло! —

Радио говорит:

— Чемберлен со злости
жрет свой цилиндр!..

<1927>

357. ЭМИЛИИ ИНК ЛИКАРКЕ¹ И ДИКООБРАЗКЕ

Публичный бегемот² питался грудью Инки,
он от того такой бо-о-льшой

во мху
закруглый,
она же —
спинка.

Больница — это трепет, вылощенная тишина,
стеклоусталость — отдых ликаря,
мускулатура в порошках...

Туда в карете Инка, зубы крепко затворя.

Когда ж ей пятый позвонок

проколет доктор раскаленной до-бела иглой,
она, не удостоя стоном "ох",
под шелест зависти толстух
гулять пройдет в пузыристо-зеленый кино-сад,
где будет всех держать

в ежовых волосах.

Слоенный бегемот храпит под ейною ногой,
и хахали идут, как звезды, чередой.

<1928>

¹ Ликарь — актер. (Примеч. автора).

² Так я называю толстокожую публику. (Примеч. автора).

ПОЭМЫ

358. ПУСТЫННИКИ

Ах и горько, ах и сладко
Жить в пустыне в тишине!
Нам блеснет заря украдкой,
Нам так скорбно в глубине!
От цветов земли далекой,
От улыбки светдоокой
Мы сокрылись, мы зарылись
В темный душный, вечный спрят!
Мы живем — кругом темница —
В ночи душевные не спится,
Пыли полные гробницы, —
Царства древние тут спят!

Мы сокрыли их следы,
Корни вырвали руды,
В воду бросили, пожгли
По течению воды —
Не нагнали б нам беды!

Стариков уставам внемля,
Обегают звери землю
Отовсюду: с вечной вьюги,
И с востока, злого рока,
Нам приносят на серебряном подносе
Все изделия рабынь смуглых
Резвооких, ртами мудрых, —

Мастерицы на придачу...
И с заката
Тоже плата
Плоды с юга,
Прелесть луга...

Мы царям подобны в злате:
Так на каждой риз заплате
Мы карбункулом сияем
Иль числом, что только знают
Мы да бог!..

Наши очи хоть и древни,
Но прожгут стрелою верной:
Тигр ребенок и старик.
Каждый спит, главой поник...
Ты возьми от зверя шерсть
И тебя другой не съест!..
Крепки знаки
Вещи в драке,
Средь вещей и воль собаки,
Держим страны мы в опале!

Если б властные узнали!
Нас позвали и прогнали
Сквозь костры, мечи, позор,
Мы б забыли звезд собор,
И не деяли с тех пор!

Но на радость нам не внемлют,
Нас не знают, стража дремлет,
И живем мы в одиночку

Средь пустых земель и диких,
Так далеки и презренны
Незаметны для великих,
Телеса засунув в бочку...

От змеи берем отравы,
Желчь и печень прячем в травы,
А зачем — то сами знаем...
Но порой мы их съедаем...
Ком растет ледяной,
Где то слышен зверя вой —
Наверху иль под землей?..
Все вкушаем,
Вкус пытаем,
Но нам горько,
Смелых зорких
Трупов сколько!
Нам махает,
В хищном реве возрастая,
На пригорке
Жирных стая.
Напиталась напилась
И лукаво смотрит глаз...

Нам нет равных в лютом бое!
Смело ходим мы по воле!
Разве юный попадетя,
Иль когда силач зарвется,
Не вернется он домой,
Нам останется слугой.
Истомим его мы пыткой,
Мертвый тронет рукой зыбкою,

Или вскочит вдруг верхом,
Или пустит колесом...
Сара спала под телегой,
Утомилась долго бегая,
Моя ворохи пеленок,
Слышит кто то как цыпленок
Тонко жалобно пищит:
— Пить! Пить! Пить!..

Прислонивши локоток
Видит: в небе без порток
Вьется кружится дружок...
И заметив: едет всадник,
Мы попрячемся в кустарник...
Вот все ближе конь влюбленный, —
Ржут далеко кобылицы, —
Вот уж дышит всадник черный,
Удлинятся наши лица,
Мы змеєю обернемся,
По дороге спотыкнемся, —
И храпит взбеленный конь,
И назад летит высоко!
Ах, скакать хотел далеко!
У копыт блестит ладонь...

Иль на руки упадем
С свистом, песней, диким лаем!
Совы, гады, пауки, —
Все нам мило, все с руки!..

.

И собачек мелких любим,
Заласкаем, приголубим,
Взяв чернавку, уберем —

Спать ходила под забор,
А потом пускаем в дом,
Все мы любим юный жар —
Он манит и злит удар!
Мы и девушек порой
Нагоняем за горой,
Рассыпаем их корзинки,
И цветочки очи яркие
Топчем рвем в ненужной свалке...

То бежим за огурцом,
Легкой радости творцем,
С опрокинутым лицом.
С корнем вырвем и сожжем.
Вырос он на жирной глине,
Таких нет давно в помине
Ни в горах, ни там в долине!..

Бык идет с пятью ногами
Та, что лишня, за рогами.
На него садится рыжий
Всех лукавей, к грязи ближе,
Озирается кругом,
Просит молит шепотком.
По горам высоким скачет,
А за ним вослед удача:
Верный гонится народ,
Там живет она с котом.
Господин ее усталый
Любит тешиться забавой:
Он один, ее целует,
Хвостик лапки ей подует,

И пускает к огоньку.
Пес все нюхает и лает
Пол царапает, скребет
Или чутко засыпает...
Ровно в полночь он встает,
Носом чутко поведет,
Костку черную грызет.
Набирается он силы,
Пухнет брюхо, вздулись жилы.
Гадок малый и смешлив
Таает, десна обнажив.
Заблестят под кожей кости,
Сто чертей явилось в гости,
Гибки зыбки, как волна,
Ночь во власть им отдана.
И владельца сон тревожат,
И проснуться он не может,
Стонет средь пустынных зал...

.....
Сколько было разных дел!
Грез надменных мертвых тел!
Мы считать их позабыли,
Под покровом давней гнили
Много жару схоронили...

Хитрость в бога обращая,
Чернотой зрачков пылая,
Свищем, ужас нагоняя...

Все седым глазам подвластно
В этой жизни ежечасной:
Солнце светит нам в угоду,

Возглашая царство случая,
Божеством дадим колоду —
Пусть исчезнет правда лучшая!..

Только гордость нашу мучит
То одно, что средь созвучий
Нам ни разу не давались
Песни старой вечной были.
Мы бы телом молодели,
Углублялися бы в недра,
Если б те нас полюбили,
Оделили хоть не щедро.
Если б камень с сердца сняли,
И с землею нас сравняли,
Положили в ясли тихо и качали,
И чтоб рядом девы чистой
Звезды ясные сияли...

Были мудры мы всегда,
Убегая никуда
Оттого текут года,
Тыщи давят лет.
Но чем дальше удалялись
От родных степей и хат,
Тем сильнее умилялись
Вдруг почуяв песни лад.
И мы видим: мудрость наша
Год от года скорбью краше.
Нам куда девать глаза,
Сердце, пала где роса,
Щедрой влагой и холодной
Как в песок сухой бесплодный...

Над природой торжествуя,
На извилистых дорогах,
На себя же негодуя,
Растеряли цветов много,
Позабыли образ строгий...
Их не сыщешь, раз уронишь,
В сотни лет уж не нагонишь,
И о них тихонько стонешь.
И теперь уж время близко,
Мы без света угасаем,
В наших норах душно слизко,
Мы бесследно тихо таем,
И ее всегда терзаем,
Ей проклятья посылая,
Ей все блага завещая...

<1913>

359. ПУСТЫННИЦА

Милый мой ребенок
Я стара
Я видала много горя
От костра
Мне давно все опостыло
Потеряла вкус
Посмотри какое рыло
Просто грусть
Голова торчит как жердь
Черная худая
Тело щепы смерть
Рука костяная
Но живет порою странно
Солнца блеск
Заживают давни раны
Убегаю в лес
Я скачу и шаг верста
Шаг сестре
Ей дрожание листа
Знаки на коре
Раскукукалась кукушка
Друга поджидая
И дымит в лесу избушка
Мшистая седая
Там прижмуся я к деревьям

Замолчу
Не сказать тебе наверно
Что хочу
Подойди шепну дружку —
Горько мне —
Поваляться на лужку
На огне
Съесть травинку я хотела
В ней тот сок
Что дарует свежесть телу
Легкость ног
И помчались бы по веткам
Как лесная
О, пойми глазочек детка
Я не злая
Я кружила б на верхушке
Я пьяна
Вышел старец из избушки
Эй шальна
Я вскочила на костяк
Зверя давнего
Раздался подземный крик
Колдуна опального...
— Уходи ты знал чужих
С ними бегал
И лесов глухих родных
Тайну всем поведал
Прочь кто ел коровы тело
Пил вино
Все что смерти захотело
Уж обречено

И забили бубны... свист...
 Разбежались псы
Пал колдун ко мне, как лист
 Умер без росы
Я кружила белый круг
 Среди тьмы
И ловила жадность рук
 Детищ сатаны
Вновь родиться средь пожара
 Смрадных мест
И как милость ждать удара
 От небес

Но одно меня погубит:
 Тыщи лет
Ах не знают алы губы
 Внук мой сед...

<1913>

360. ПОЛУЖИВОЙ

Посвящается Михаилу Ларионову

Я смело бросился на нож
Когда во тьме бог просиял...
И прозвенел как смех: хорош!
По стали ветренной зеркал

Я обагранный изойду?
Я умиральнищ похоть?
Раздетый на виду
У всех паду на локоть?

О бог войны! о чернь
Златого пояса и кисти!
Я прокраснел на луг быстрее серн
И там мой праздник кисти!..

В бою он многих победил
И в бегство обращал как сброд
Давнишню ярость утолил
Ночлег теперь зовет

Погибли войны засада
Давно в лесу их стерегла
Давно желанная награда
Врагу уплачена была

.

Я в небо тусклое гляжу
Лишь ветер вздохнет порою
И бросит мусор на межу
Все облегает темнотою

Из века я в родстве с ночами
Мой пыльный цвет тогда хорош
Хоть и мечтал порой в печали
О новой харе взоре тож

Нас много на земле валялось
В пыли и крови все немы
Тела иных уж разлагались
Я дожидаюсь жадно тьмы

Роса на кровь не осаждалась
Хоть в небе гладко буро
Орлина стая напилалась
Сидит вокруг понуро

Тут збры острые как лук
Одеты серою землею
И гибких копий пук
Колеблем хладною волною

В цветах оружие дышало
Недавно пролитым алоем
И тут же старое мочало
Под крови слою

Здесь пали воины царя
Знатнейших рать избранная

Все бились местию горя
Но победила злость поганая

Их вождь уснул на дне реки
Устав на смерть от боя
Звали вотще его полки
Он жаждет сна покоя

Напрасно брат царя
Открыл убежище больного
Напрасно клятвы повторя
К защите звал родного

Забыты страсти и труды
И не вернуть былой отваги
Он спит под кровлею воды
Пускай печально веют стяги

И вот настал конец
Былых позоров и проклятий
Завороженный я мертвец
Тянуся жду ночных объятий

Тогда я встану и пойду
Средь мертвых колыхаясь
И грозных воинов руду
Сосать начну все усмехаясь

И издеваясь над живыми
Я стану раны бередить
Глазами бледно стеклянными
Следить чернеющую нить

Травую тела не покрою
Все отдаю ветрам
И пыли жесткой зною
Путь укажу зверям

До сердца доберусь что бьется
В последнем исступленьи
Стрелу нажму — польется
По пальцам ток мучений

Упьюсь вином последней мести
Под ропот коршуна и струй
Теперь даю без лести
Тебе прощальный поцелуй

Застонет воин и узнает
На битву звавшего ловца
И страшным словом покарает
В последней судорге лица

Но я восстану цел и красен
Возьму копье его и щит
И буду жить векам причастен
Меня ничто не победит...

Непоколеблен меч чертей
Я правлю; мир подземный!
Кто избежит судьбы своей?
Кто тут противится надменно

Меж тем чугунно дровеса
Между планет скрипели

И глаз у черепа два пса
Точили черной прелью...

Я хилый бледный смрадный
Вошел во ад как в дом
Стоял там воздух чадный
Меня обдали кипятком

И тотчас в ногти мне впилися
Кормили свежими червями
В глаза глядели и вилися
Бия отвислыми ушами

Их палец тщился начертать
Мои земные пять имен
Но легче коготь поломать
Чем отгадать как я клеймен

Тут я узрел родное племя
И сны ощупал на яву
Носил давно я пытки бремя
И прокричал сквозь гом: живу!

Люблю я печь и свист заклятый
Люблю кипенье казана
Давно забыл ее объятья
Забыл и шум и пыль гумна

Огонь и муки мне нипочем
И стиснув зубы хулу шепчу
Под тонким жалящим бичем
Смеюсь тихонько палачу

Его рога торчат упрямо
И весь он скверны образец
В боку отверзта яса
И в нем поверженный гордец

И бес стал пятиться невольно
Заметив что глумлюсь
Шепнул себя щипая больно
Тебе я предаюсь

Тебе навеки я отдана
Вияся ведьма изрекла
И ветер и зверь и дева гадина
Касались моего чела

Меня венчали черным знаком
И укус лили на язык
Копьем украсили и паки
Вознесся дикий крик

Поспи ты утомился там
Здесь отдохни мы печь погасим
Здесь царство вечное плутам
Мы убаюкаем и сон украсим

Какое царство подарили
Тебе впервые
Тебя мы вызвали из гнили
И наша крепка выя...

Не очень нежно чтоб воняло
А так чтоб сносно для живых

А вместо простынь одеяла
Постель из слов пустых

Клянусь усом весеней розы
Ты будешь сладко спать
Тебя лелеют гром и грозы
Они тебе отец и мать! .

И смертерадостный мертвец
Заснул я тут впервые
Зарю увидел и венец
И стал толстеть я как живые

<1913>

РОМАНЫ

361. РАЗБОЙНИК ВАНЬКА-КАИН
и СОНЬКА-МАНИКЮРЩИЦА

(Уголовный роман)

В полночь
в черном
 кружевном
 шарфе
когда желанья
 жгут
 кожу
Пре-кра-сная Ме-р-се-дес
девушка со своим восьмым мужем
начальником Саратовской тюрьмы —
 порывистее, чем авто,
 тоньше, чем ось,
 гиб
 че
 чем
 луч,
спустилась
 в подземелье,
где
уже десять лет
косматым комком
сидел на цепи

разбойник
Ванька Каин.
А в другом углу
— сплошная кишка —
скользкими кольцами
клубился
 огро-о-мный
единорогий пифон
 Угодай...
Ванька Каин
стиснув клыки
взывал
 к зеленогубой змее:
— **О-о, Угодай!**
Меня мучают кислые мертвецы.
Костью скребутся,
выходят из темных углов,
виснут на стенках.
...белая рожа
 отвисла до-полу
 возле меня тикает...
Вон —
 утробным сырым мешком
 с потолка
 надувается
 кусковой ногобрях...
Сбоку
 глазом щербленным подмигивает
жирная недоглядь —
 все разнесет
 сквозюха.
В мозг присоскою

я не слышу друзей,
зубы ямами сгрыз
бородой оплелся.

Ы-ы... за одну минуту

душу — чорту,

голову — кату!..

О-о-о, Угодай,

со-ло-ву-шко!

Откуси мне ногу

и я

убегу

на Волгу,

на вечную волю!

Сердце нарушу!

Эй, несгорушники,

урканы, скокари,

стопщики —

Филька Зарезов,

Бурга, Склок, Скрыга,

эй, за мной, —

штурмовать мошну!

Лягавых задушим

взнуздаем суда —

там ждет меня вся шпана! —

Но Угодай шипел,

как глухонемой,

и покачиваясь в тангучем трансе

у-л-ы-б-а-л-с-я...

В телесной тьме

катилась без роликов,

но луна,

закладывая за ухо
солдатскую простыню...
(Под полом — смачный чавк
трубный вздох).
Пифон вся тянулся
в юбочке колец,
как завитой
напомаженный
пес
томно помахивая
язычком...

Гунявый муж
заметил:
— Жмеем пахнет
жупел болтаеча —
вечные неприятели!
Неприятели!
Шолома не в линейку вышлана.
Шдвинута
вша
жемля!
Ошминог в рот лежит...
Мерша, ошадите,
не вштулите в прештупника!.. —
Мерседес
взглядом навьлет
прикована
к стене...

И тени не взвидя
Каин шептал:

Угодай, пойдём...
Вон там
в оврагах
за крестами
 кривулями
где камни — акулы шныряют,
собралась братва.
Шалаши
шатры
шальной гомон —
туда сбежались со всех сторон!
в красных рубахах...
ружья...
бубен...
 смех...
цыганенка свист...
крики —
и я выхожу.
 Зверь-удалец!
Распахнут
кафтан землянишный
шаровары шарахнулись
 шелком,
углем пылают
персидские сапоги.
Дребезжа и визжа ожерельями
подолом мутёша
девки пляшут в траве,
утопчат всех святых,
подковами смелют
васильки с крапивой...
Ввалились

дубовые
бочки с медом
— над обручем пчелы
г-у-д-у-у-у-т... —

Заносы мяса парного

Вино в бурдюках

А,

вот славно,

смачно,

а то мозги мои ссохлися,

хлопают...

Я буду пить.

жбанами!

Ведрами!

Тучу баранов на вертел!

— Га —

гал-гала-га!

Выжми косточек посвежее

из горла — вина!

Га! мы знаем гардал!

В темя ключом

Гал-гала-га! —

Все гогочут,

Смеются...

Гришка Склок

выбивает ведро из рук

— Ну довольно шутить

К бесу шутки!

Жбан меду!

Кто мне мешает пить? —

И шопотный

сиренный голосок:

— Это я... Мерседес...
— Бочку меду.
На Волгу!... —

Очнулся...
Тогда Мерседес
Сквозь слезы и смех,
видя потуги Каина, —
своим тончайшим маникюром
перерезала его кандалы
и приоткрыв дверь
шепнула:
— Беги!
Для тебя все готово!
Да захвати вот испанскую шаль! —
И совсем тихо:
— А еще тут прорыт
подземный ход
на сто сажений. —

...Ее муж корчился
в пасти пифона,
дрыгали зеленые шкары...
...За стеной заржал
черный конь
с боевым седлом...

Каин на дверь не взглянул,
не слышал потайных слов,
а лишь прошептал:
— Мерси вас!
Целую ручкой! —

насквозь
сверкнул стамесками глаз,
схватил освободительницу
и уволок ее
на свое старое
логово...

...Где не видел никто
его темных лохмотьев,
где он ночи на корточках
прошептывал напролет...

— Жучок,
с амурью! —
сказала Мерседес,
погрозив ключом от тюрьмы,
— ты сразу угадал
Соньку,
бриллиантовую ручку —
арап.

До зари далеко,
я тобой не игралась
целую жизнь,
туда не глазела
с той самой поры...
Расскажи, как ты засыпался,
как тебя выдала олюра

Фенька-граф?..

А я принесла марафету
и хрипатого коньяку. —

У Каина руки свело,
дико взревел:
— У-у-у.

все через вас,

шлюх!

Каждый раз — западня!

(В этот миг
под землей

кто-то трижды чихнул).

У-у, гадина, шмара!

Значит и тут

ты уже задумала

сотни ловушек!

Может змея

у тебя на службе?

Двухгрошевая, берешь на дым?

Может двери пройду,

а ты дернешь веревку,

и я — в колодезь,

рыбу ловить?

А может и сам туда

за твоими выческами полезу

и не вылезу ни-ко-гда,

а лягавые изведут всю команду!

(В этот миг

вся в земле

из дыры

Гришки Склоки

голова

в-ы-р-о-с-л-а!)

А!

Опять из углов

по твоим черным космам

студнявые мякиши лезут!

За ними монахи,

ксендзы
звенят кадилом,
кладут во гроб!
Вон моя голова
по стружкам шатается!
Н-не хочу,
убегу,
у-у...
Сотни раз в сутки тебе снится
свобода!

А то еще соколом
на волю!
Сонька-граф,
вот я тебя ущипну
вот этой рукой,
вот этим бревном
по щекам,
по переносице,
чтоб сгнула...
у-у-у,
будь проклята,
искрошу!.. —
Сонька Мерседес,
захочетав
в ловкости бритья
взмахнула граненым маникюром —
и язык хулителя
хлопнулся на пол!
Пифоң засвистел:
— бис! бис!
прелестно!
дайте мне земляники! —

Сонькин муж
в животе змеи
прочавкал:
— Ага,
наш! наш!
шам попалша!
Эй, рашгони тошку-печаль,
Будешь ты помнить про крашную
шаль! —

Каин сонькину бритву
сгреб,
полоснул,
— туп
дуб —
плеча не сечет,
не режет!
Остолбенел...
Сонька — пфырк:
— Имейте в виду
— отставила ножку —
моя бритва в ходу
лишь при о-с-о-б-е-н-н-о-м взмахе —
патент!
Нужна многократная практика!
А еще удастся
фартовым алмазникам
и скрипачам!

Помню —
своего мил-дружка
искрошила я в щепы,
как селедку!

Его ладанка тут
повсегда на груди
жабой жжет
чешет чесоткою!
Огнем в глазах
шарики белые
кожей гусиной...
Сто Каинов отдала бы
за один его хохоток!
Такто-с,
фактос!
Я — несчастная суфлера! —

и подобрав ноздрю,
щелкнула
перед Ванькиным носом...

Без меры взревел озверевший Каин,
руки у Сонькина горла,
обнажились клыки...

Хруст...
Лицо ее побледнело...

Но
Из-за воротника
сам
лез
нож
остр...

А по темной трубе
сорокоруким
сороконогом
банда ползет,

Гришка Склок впереди —
сквозь восемь домов
из темного бору
проскребся
к Соньке-атаманше
с приклоном.

Угодай задрожал
сизой мзгой,
об Сонькин нож
расстегнул свой живот —
оттуда —
гофрою
проглоченный муж
верхом
на кружочке кишки,
женку зовет:
— Голубка моя, — шакарей улетим!
Желеный Иудыш — подох,
как плевательница!.. —

Гришка Склок
Соньку в бок
на Ваньку глазок:
— Хватай
малохольного! —

Каин-мстец спохватился
клещами — скок,
Соньку — в землю!
сверху — колоду
насел...

Хряк!
— Гром...

Кара небесная...
Что я наделал?
Мертвяки нашептали!...

.....
Через минуту,
труп Соньки закинув за плечи,
Каин
с братвою
уже
бежа-а-л
на Во-о-олгу!..

1924—1927

362. ДУНЬКА-РУБИХА

Уголовный роман

I.

В поезде едет Рубиха —
тяжелый глаз,
белый подбородок.
Поезд зголодный
зверем дорог,
чуя добычу,
брюхо несет —
ра-ва-ща.
Ры-вы-щы!
На площадке Рубиха
глазом дерет:
— Милснький, тепленький,
солнышко в кудрях,
на губах кровь...
Ох загляделся как! —
С нижней ступеньки
ворохнулся под откос
паренек,
кости треск,
кости хруст,
дробь...

не знают пассажиры
какую шпалу
перепрыгнули!..

— Из под вагона затянул
кто-й тебя?

Ох, недогадливая,
за рукав не удержала.
Расстроилась я!.. —

.

Зверь усмирися,
чугунный устал,
на полустанции
отдых

три часа...

Сутки

сутулясь

ис-те-ка-а-а-ают...

Лязг болтов.

Как моток

старых обоев

сворачивается путь.

Много раз,

сотни раз,

синий лес

из-за насыпей

приподнимался

и опускался,

Пыхтит

упаханное брюхо

узлового полустанка:

Поезда зык

с гулом обшарп,

сермяжки вагоны
застряли
 в щель.
Проход — лихач
— ватный буфет —
вагонной нудотцею
стоя в окно:
— Эх, экипаж неспешной,
задрючит нас
— растелефикация!
продувной вагонце,
костодав.
Тут бы на дутиках.
— Я вас катаю
 на резвой!
 Эх-ма,
 Тетке в глаз!
Жонка, Дуняша, гляди! —
А из окна
чухломские метелки-ветлы
пятиверстной зевотой растянуты,
виснут в глаза.
— Эх, замурошка-дорожка!
Втянула в тоску,
теткин кисель...
Ну-у-у, трохнулись,
про-о-о-дави тебя! —
...Плесенью станция
 глаза вылупила,
 известью поползла...
Красный петух семафора
хлопает по затылку,

расшвыривая по местам
узловых дежурных...
Дунько труднско:
— Чтой-то в сон меня тянет
болотом
илью липучей подбирается...
Марево
 черные
 муравьи
 копошатся... —
Дунька в подушку,
в туман
канула...

II.

Рубиха дремлет
на низкой полке.
Прослоенный ватный зипун,
над головою шаль...
жестко...
полно сапог...
Прохор, затылком об полку,
спит,
сквозь сон
погладит Дунькину ногу...
полушелковые чулки,
сапожки с ушками
вздрагивают.
Глаз фонаря занавешен желтком
Дунька стонет

на сером мешке:
— Ох , не души меня, Гриша!
Нет ни души кругом,
(отдушинка рта молода)!
Гришка-скокарь, — третий!
Нет, Петя,
Петя третий,
Сеня четвертый
ох, перепутала!
Ох, сколько их!
Только я не душила
Утюгом легонько гладила,
Да я же любила
Я же жалела.
Скажи, Петенька,
ведь, правда жалела?..
...Ох, Прохор, Прохор,
пойдешь и ты прахом!
Родненький, прости!
Эх, да ведь не удушила,
легонько уморила,
а все лезут, вяжутся,
между снегами кажутся...
О-ох! —
Прохор спросонок
из под узла вывалился
бормотом:
— Дунька, ы!
Кого загубила?
Кого придушила?
Жена?..
Сам испугался.

Дуньку затряс:

— Что ты, что ты,
моя белюха?

Дунька, что ты клеплешь?

Проснись!

— Что трясешь меня?

Покою не дашь?

Бес!.. —

Открыла глаза:

— Прохор, чего пристал,

А?

Свят, свят, свят!..

Глаза испуганно круглятся.

— Разбудить бы жонку надобно.

Что ты несла?

Что за Петя?

Каков Гриша?

Кого убивала-морила, а?

Мерзнет баба со страху ночного,

а сме-е-ется

змеется

губами

ледяными

синими

— Ш-ш-ш-с!

Ишь, сумашедший...

Я убивала,

Я?

Это я-то, я,

твоя Дунюшка

убивица?

Иль из-под вагона

что увидел?
Ох, дружочек,
душно в дороге,
полки низки,
стекла да чашки
бренчат,
ну ее к ляду,
только расстроилась вся!..
Вот вернемся домой
хорошо в садочке:
близкое солнышко
поблескивают,
сыплет охрец.
Там
 подвал
 большой
 хороший,
снеди всякой
полным-полнехонько!
Улыбкой по Прохору лазала,
шарила,
засыпляла...
Прохор прокис:
— Я ж тебе говорил:
перенудься,
не езд
к старухе
в логово —
хуже будет! —

III.

Холод... свежинь...

Глаз приоткрыл
рабочий барак,
сверчки сторожей
жуют небесынь,
клокоча,
звунчат —

жох,
цок!

Палисадник-платок
утыкан росистыми бархатцами.
Дунька сидит на заваленке
черной,
как гриб деревной.

Свист...

Дунька скок вертячком.

— Заходите, Григорий Палыч!

— А где твой?

— На базар пошел
позаране
масло закупать топленое
да сливочное...

Гришка глухо:

— Дуняшка,
Когда же можно?

— Тише ты... Да сегодня
в одиннадцать ночи.

Посвистишь тогда.

Муж до завтра уедет...

Ну чего ж ты уставился?

Бельма бестыжие
шилами из лица
по-вы-лезли... —
— Уу!

Всю тебя просверкаю!
Прокушу на всю жизнь!
Никому не отдам
ни одной завитушки!
Режь мою душу
сердце шилом коли!
— Ну уж и выпьешь, бешеный!
Рано хозяином стал!

Погоди
до одиннадцати...
Прощевайте, Григорий Палыч!..

И шопотом вслед:
— Кандидатик мой
тепленький,
язви тебя!.. —

А припрятавшись в тень
прикрывшись платком
замурлыкала:

Излюбилось сердце, кровью изошло,
Раздражает меня темная ночь,
Задрожали мои руки убивать,
Ляжет муж на подушку в черный гроб.

Разгуляется Рубихин топор,
Не блазни меня каратиками вор!
Харкнешь рыжиками прахом, хрыч,
Не ходи в подвал, собак не клич!..

Ох, и наскучило мне любить,
Ох, и губить надоело мне,

А живым мне не в мочь его отпустить,
Сам топор в мои ручки падает...

За что судьба меня сгубила
К восьмому гробу привела,
Позор Рубихе подарила,
Топор железный подала!..

Ох, помру я, бедная, в этот год;
похоронят Дунюшку под сугроб,
под сугроб меня зарюют

в белый снег

У-ух, да эх,

покружиться не грех!.. —

Заплясала, пошла

помешанная:

Ши-та-та

Ши-та-та...

— А! Вот и муженек
дорогой!

Что принес в подарок
своей Дунечке?

Да не торопись
разворачивать,
чайку попей,
винца подлей.

Мое винцо

пьяное,

оно пьяное, кровавое...

Укорябнет за душу

нежное и сонное...

— Эх, задирушка,
хочешь, дразнишь!

Может мужей других

ты поила таким вином?²
— Что миленький,
что ты славненький!
— Уж не это ли вино
ты в подвале держишь
собак дразнишь?²
Что то беспокойно
у нас —
землю роют псы
морды жалобно вверх —
завывают...
Всю ночь спать не дают...
— Что ты крупу мелешь?²
Пей вино, не скули.
Устал должно.,.
— Ах, Дунька, Дунька лукавица!
А не для Петеньки ли
бочка в подвале стоит
для того, что ку-у-да то уехал?²
ха-ха!
Дунька остужилася.
— Ох , не дразни меня
без толку!
Видишь — толку сухари
посыпать пироги,
видишь — пестик тяжел...
ну, чего щиплешься, как гусь.
Украшенье — бусинку
на шею прилепил!
— Знаю, знаю
вожжа по тебе плачет!
— А-а!

Николи того не слышала
По мне вожжа,
по тебе тюрьма!
Откуда у тебя
червонцы-рыжики,
в шубу защиты каратики
полный сундук вспух?
— Это ж чужие,
на сохранку дадены,
сама знаешь!..
— Ну, не сердись...
я запомятовала,
нездорова ж я,
вот и в хозяйстве
все недосмотр!..
Отвернулась в тень
пошуршала.
— Ишь ты, вот и у тебя
копоть на вороте...
Точно копоть!
На затылке сажа...
наклони, оботру! —
...Гых ...
В пузырьчатом зеркале
пестик брысь
ноги врозь!..
Хляк
задержи мозг
кол в поясницу
бежит мороз.
Насмешкой ежится кровь
через копчик

на зуб,
медячки в глазу...
Дзынь, зудеж,
стынь, студежь!
Беленится лицо
болесницей
зоб
Выперр!..
А там
напевает в трактире
орган,
друг смоляной
подымает стакан...
Дунька молчит...
Стоймя крапивою взъерошанной
прижахнулась,
а ведь не впервой!
— И за что это всех
уколачиваю?..
Что это
под руку
безудержку
подкатывает...
Эх да..: поздно...
Сударики-суженные,
сугробами
сумраком
проросли!.. —
Усмехнулася вбок
передернулася.

IV.

Ох, и труд!
Изломаешь все руки
уминать сырое теплое тело
в ящик от мыла,
кровь замывать!

По шесту зари
молотки стучат
звучат...

А Дунька тихонько
шилцем

да коготочком
шарит в ящике...
с половицы мыльцем
да паклицей
хлюпкую пакость стирает...

Соком в височках стучит:

— Я свово да милого
из могилы вырыла,
вырыла, обмыла
глянула — зарыла!.. —

Ох поскорее в подвал!

Потной
светлой лопатой
быстренько

глину рыхлит,
ящик сует

(Сквозь дверку
щель —
день
стань!)

Чулками

утопывала,
нашептывая:

— Ах ты, милый мерин,
лезь

туда же

под бочку дышать!

Ох, не заперла двери...

Ктой-то шумит на дворе? —

(Ты бы свою милую
из могилы вырыла...

...Ты не должна любить друго

Ох, не должна!

Ты мертвяку тяжелым словом
обручена...

Выручу, обмою,

Погляжу, зарюю...

Ну, каков ты милый стал,
неужели с тела спал?..

Долго спал —
спи, спи, спи!..)

Заступом глухо застукивала

Дунька топтала —

утаптывала:

— Семеро тут

Восьмого ждут —

туп

туп

туп!...

Лопатой глухо

Дунька

пристукивала:

(Стеклышком ясь,

светышком —
в камень
дзень
день!)
— Ох, не очкнись!
Теплый тулуп
Мягок не груб
Меня не забудь —
бут, бут, бут! —
Любовников семеро тут
Восьмого мужа ждут!
(Зубами стук, стук!..)
Труп
туп
туп! —
И опять заскакала,
заегозила
утоптывая...
Расплетается
коса рассыпчатая.
Ух, и тошно плясать,
коли-ежели знать
под ногой кто лежит
глиной давится!..
В зябкий рассвет
пошатнулась скрипучая дверь —
Дунька
в ледышку,
в мел!
Проявился девятый
Гришка — муркун
кому — обещалась,

кого зазвала.

— Ага, топочешь!

Чего топочешь?

Свежую рыхлядь затаптываешь?

— Ох, Гришка,
в душу кольнуло —
ты отколь?

— Одиночкой в подвале,
а дом пустой,
бурчит корыто на полу...
жена моя прочу-у-яла!
уже по соседям
ищут тебя! —

Дунька шопотком:

— Ты не знал?

люблю скакать

по ночам,

а тут потьма,

холодок

(щип коготком —

ага,

ржавый топор!)

— А ты, Гришенька,

что так скоро?

Я ведь сказала —

в одиннадцать!

Гришка глазом порск:

— Нет, ты скажи;

отчего у тебя платок в грязи? —

— Что “скажи” да “скажи»!

Не будь дурачком,

золотенький, —

жалею тебя!
Мое сердце не сарай
на запоре не держу.
Ах, мне запрету нет,
я все расскажу.
Милый... дурачок...
лучше не спра-а-шивай! —
Гришка глянул в упор:
— Убивица,
стерва!
Ищут тебя...
где мужья? —
Платок с клубничкой крапинкой
тянет на себя.
Рубиха,
слабея,
смеется,
топор стяжелел
скользит за спиной.
Искосяю Дунька к парню
прикланивается
— Кто мне говорил:
не руби, не губи
супружника.
Ты меня вразумлял...
пойдем, Гришенька...
тут плесенью тянет,
пойдем наверх!.. —
Но как град,
пулемет,
тарабанит в дверь
Гришкина жена, — вопит:

— Где мой муж?
где Гриша?
живой-ли ты? —
Дунька дверь приоткрыла,
в щель косноязычит:
— Не бойся, голубушка,
не пришитый,
здесь он, твой Гришенька!
А мой дурень
запакован в ящик
киснет! —
— Что ты несешь!
Гришка, где ты?
В каком ящике? —
— Отстань, не вяжись!
Здесь я, здесь!
На бочке сижу! —
Даша расшатнулась:
— Ох, окаянная,
порешила его!
Ой, ратуйте! —
Дробью по ступенькам
вдарила во двор.
Дунька к бочке прижалась,
рот рыбьим
душным хватком:
— Кто довел, Гришенька?
Успокой меня,
Только скажи — не ты?
Я лягавых не боюсь,
только бы не через тебя,
Гришенька!

Ноги не держат меня окаянную,
всю то жизнь трясухою,
над каждым маячила
мачихой,
скрытцею в пальцы
плакала... —
Дунька осела
вся пустырьем...
...Круги по болоту...
Замутилась кругом
народищем
улица вздулась...
Свистки, словно соловьи
предсмертные,
по всему переулку
раздробляются...

V.

В подвале Дуньку застали
приутомленную
в Гришкиных белых руках.
Открыли ящик:
— Эх, да эх! —
и еще в рогоже!..
Народ котлом кипит!
А Дунька бледна, как лысь,
сухим языком
суконкой поворачивает:
— Какой? Ванька?
Четвертый, седьмой?
Ух, спутала!.. —
Вспенился рот,

Рубиха
скоробленной рыбой
на ящике рвется
— Дрз-з... —
Всем просверлил уши
 близкий свист — Эы-ы-ы! —
В подвале работа:
третий труп из земли
выкорчевывают, —
глаза глиной засыпаны
черною... — У-о-о-о-х!
Из толпы баба вывалилась
 Голошенная:
 — Мой! Убей бог, мой! —
На земь брякнулась.
 — Муженек мой, горемычненький!
Запихнула тебя
 ведьма колотушная
Вот и глазеньки тебе
 не закрывала!.. —
Жарким привскоком:
 — Ох сдохни,
 стервячка...
Свист в дверях — врзи-и-и!..
 — Именем закона
 вы арестованы!
 Ай!.. вой: — мой-то
 — и мой! и мой!
 Ой!.. — Дуньку ведут —
Туп туп бут —
В Бутырки... затопали...

<1926>

363. СЛУЧАЙ В “НОМЕРАХ”

В выпученных улицах
контрагент Тараканов
(а кругом — трк! трк!),
если ты ходишь
с набухшю пачкой
под мышкою —
берегись преставиться
на третьем ведре пива
от першистого порошечка,
как то случилось с тобою
в номерах “Медвежья бляжка”.
В бешенстве псны
избледнел,
как слизнутый ализарин
и —
еще не закрывши
жирной пельмени глаза,
в умрачившейся ночи
пристально усмотрел
старого слугу
Виссариона.
Вислоушник,
смакуя парной труп,
кривлякой набрасывается
на э-ла-сти-тель-ный

портфель.
Словно приспешный носильщик,
нутря вытряхнул
— крн! хрн! —
распихал по застёжкам
растопырившегося пиджака,
впопыхах
метелкою пальцев
выбивая пыль
из засушенной лапы тигра.
И еще раз
заглянув на хозяина,
умильно возвыл,
трепеща гостиницу
рыбьим лютованием:
— Уй, помогните!
Лекаря скорей!
Рвотного молока!
Ох, я дитеныш несчастенькой,
остался без роду-племени!
Куда же я двинусь?
На кого ж ты меня спокинул?
Уй, помираем!
...Чорт знает, что! —

А в замочную завитушку
ускважился
округлившийся глаз
коридорного.
И едва раскрыл дверь
перепухший пиджак, —
как прыском топора

прорвал уши коридорный

Григорий:

— Аррр, крокодил уродивый!

Ни с места,

руки вверх!

А ты знаешь, кто был

Гришка Распутишка?

Покойничек?

Ага!

Зашился, р-р-л р-р-л!

Оперный бюст Наполеона

в плюшевом колпаке,

развернув свои зубы,

брызнул пылью:

— Излови их! —

Григорий грубил:

— А так-то ты,

волчье кобло!

Я все провидел

в завитушечку.

Пойдем дуванить,

чортова рогатка...

...И в это время

сливной парой

из синевы

до оскомины

оперного океана

вышагали

Турок с Тамарой,

неся на подносе
красной черепахой
огромный живот
с наростами полосатых брючек
чечевичкою головы,
а вокруг
золотою цепью с накладом:

— Рожденный миру
Гавиал XVII
набалдашником всех
забодай!
Гавиал! Давиал! —

И тогда
замуравленный в плесенной стенке
Потрофей Клещ
поднял на него
стамеску —
острее орлиного пальца —
зашипев:

— У — у, кдшмар!
Ищешь кончины?
Дергаешься, негрр?
Згынь! —

И все провалилось
в соседственную пивницу
“Трезвый ералаш”.
А два стырщика
подавайло

и подтирайло
Григорий — Кессарион
кубарем в кубрик
под лестницу
лязгом разгрызывать
еще тепленькие
нательные пачки
изожравшегося
контрагента...

Бюст Наполеона
тайный сейф
розового карата
пятью крапинками
орлиный нос книзу
сплюнул в простенок:
— Ну, потомство —
кривогородное! —
И запахнулся набухшим
чехлом...

С потолка брякнулся
любопытный жук,
визгом
крысы
порскнули коридорами
под намотанной панелью,
разносчик дребежком
резал стекла:
— кекокс продаю! —

— Ну, пойдём, свинячье сусло,
Кессарион, сорви голоса! —

И оба друга,
законспирировавшись
в рыжие парики,
отправились в пивницу
заплеснуть пожар
приложить ледяшку
к височкам....
Пьяный Виссарион раскис
исклинал:

— Флоредина
Тараканова дочь
Это ж дите мое...
А я не грабил.
Все для тебя.
Жену свою,
матушку твою болезную
покойницу,
тот таракан
забодал, заусал, зажал.
Как варенье,
кровь из сердца высосал.

А как она мне жалилась:
— Висенька,
чую я,
изопьет он меня,
в душу усищами —
бу-бу-бу!

К чорту мне лимонарды.
Я не похитильщик,
я а-дам-стиль-щик! —

ненастье
надрывают
прозрачную грудь...
Я знаю —
завтра судьбина обманет,
и в зеркале
старческая трость
недаром в лопухах.
Пальма больная
не в радость цветет...
Юность
мне что принесет,
бессонная,
в капоре черном
зари...

И хрупкая Флой
изрыдалась
до третьей подушки...

.
А контрагент Тараканов
— слиплись усищи —
обмиром спит,
прослепшим глазом
держа
в кино-хрусталике
руку вислоухого
обмишулира
Виссариона...

<1927>

364. РЕВНЮЧЕСТЬ
(Крылышко романа)

Милый

Дориан — дрянь!
С ужимкой
и часовой цепочкой
на шарабане
брянцает
в Рязань.

Сгрязает

у зашипренной красавицы
у Акулины Яковлевны
— акулы! —

(Я ревнюю!.. ревнюю!..)

У обляриганенной красавицы,
полный соблазнов
любви на колесах
сигар
И услады-ды-ды-ды
гремят серенады-ды-ды!

Разлучница

милого к печке
прижала-ла-ла-ла...

...Я сй косыньки все
побледневшею ручкой
повыдергиваю-ю-ю-юю!...
Глав — трух...

глав — сплетня...
камнем катится слух...
Старуха подслепая,
язвуха
все перепутала
разгряза-а-а-нила...
— Му-гу-гу-у-у-у! —
к дорогомy Дориану побегу.

Прискакаю —
он сидит
возле печки,
возле кошачьего хвоста
кудри греет у огня
и ни капельки
не поедет
миленочек
в Рязань...

Грудь промерзла,
к милому люному
доползти не смогу —
— му-гу-гу-у-у!... —
В голос горький замячу:
— Кровь польется с моей раны
на истоптанный песок,
издивлялся чорный гворон,
чуя лакомый кусок...
Ох! ох!

Сонный
машется
платок!..

<1927>

“ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ”

ВИКТОР ХЛЕБНИКОВ.

ПРОЛОГ.

Чернотворские вестучки

Люди! Те кто родились, но еще не умер. Спешите
идти в созерцог или созерцавель

Будетлянин.

Созерцавель поведет вас,
Созерцебен есть вождебен,
Сборище мрачных вождей
От мучав и ужасавлей до веселян и нездешних
смеяв и веселогов пройдут перед внимательными
видухами и созерцалями и глядарями: минавы,
бывавы, певавы, бытавы, идуны, зовавы, величавы,
судьбоспоры и малюты.
Зовавы позовут вас, как и полунебесные оттудни.
Минавы расскажут вам, кем вы были некогда.
Бытавы — кто вы, бывавы — кем вы могли быть.
Малюты утроги и утравы расскажут, кем будете.
Никогдавли пройдут, как тихое сновидение.
Маленькие повелюты властно поведут вас.
Здесь будут иногдавли и воображавли.
А с ними сно и зно.
Свируги и песноги утрут слезу.

Воин, купец и пахарь. За вас подумал грезничий
песнило и снахарь.

Беседни и двоиры певиры пленят вас.

Силебен заменит хилебен.

1-ые созерцины — тогда-то созерцавель есть преобра-
жавель.

Грозноглагольные скоропророчащие идуты потрясут.
Обликмены деебна в полном ряжебне пройдут,
направляемые указуем волхвом игор, в чудесных
ряжевых, показывая утро, вечер дееск, по замыслу
мечтахаря, сего небожителя деин и дея деесь.

В детинце созерцога “Будеславль” есть свой подсказ-
чук.

Он позаботится, чтобы говоровья и певавы шли гладко
не брели розно, но достигнув княжебна над слухатаями,
избавили бы людняк созерцога от гнева суздалей.

Смотраны написанные художом, создадут переодею при-
роды.

Места на облаках и на деревьях и на китовой мели
занимайте до звонка.

Звуки несущиеся из трубарни долетят до вас.

Пользумен встретит вас.

Грезосвист пеннствора наполнит созерцебен.

Звучаре повинуются гуляру-воляру.

Семена “Будеславля” полетят в жизнь.

Созерцобен есть уста!

Будь слухом (ушаст) созерцаль!

И смотряка.

В. Х л

ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ

Опера в 2 деймах 6 картинах. Музыка
М. В. Матюшина, декорации Каз. С. Малевича.

1-е Д е й м о .

1-ая картина : Белос с черным — стены белые
пол черный.

(Двое будетлянских силачей разрывают занавес).

Первый.

Все хорошо, что хорошо начинается!

Второй.

А кончается?

1-й

Конца не будет!

Мы поражаем вселенную

Мы вооружаем против себя мир

Устраиваем резню пугалей

Сколько крови Сколько сабель

И пушечных тел!

Мы погружаем горы!

(Поют)

Толстых красавиц
Мы заперли в дом
Пусть там пьяницы

Ходят разные нагишем
Нет у нас песен
Вздохов наград
Что тешили плесень
Тухлых наяд!..

(1-й силач медленно уходит)

2-й силач.:

Солнце ты страсти рожало
И жгло воспаленным лучом
Задернем пыльным покрывалом
Заколотим в бетонный дом!

(Является Нерон и Калигула в одном лице у него только левая поднятая и согнутая под прямым углом рука).

Н. и К. (Грозно).

Кюлн сурн дер
Ехал налегке
Прошлом четверге
Жарьте рвите что я не допек.

(С благородным жестом застывает, потом поет во время пения уходит 2-й силач).

— Я ем собаку
И белоножки
Жареную котлету
Дохлую картошку

Место ограничено
Печать молчать
Ж Ш Ч

(Въезжает в колеса самолетов путешественник
по всем векам — на нем листы с надписью каменный
век средние века и проч... Нерон в пространство).

Нерон и К. — Непозволительно так обращаться
со стариками...

Летельбищ не терпя...

Путешественник.

— Друг все стало
Вдруг пушки

Поет.

— Озер спит
Много пыли
Потоп... Смотри
Все стало мужским
Озер тверже железа
Не верь старой мере

(Нерон осторожно посматривает в лорнет на
железо колес).

Путешественник

(Поет) — Взыграл бур
Катится пеленищ
Скорее буромер
Не верь прежним весам
Тебя посадят на икру
Если не достанешь пустопят

Нерон и К. Непозволительно так обращаться со стариками! они любят молодых

Ух я искал пенночку

Искал маленький кусочек стекол — все съели даже не оставили костей...

Ну что ж делать уйду искосяю в XVI век в кавычки сюда.

(Отходит полуобернувшись к зрителям).

Все изгадили даже блевотина костей

(Снимает сапоги уходит).

Путешественник.

— Я буду ездить по всем векам, я был в 35-м там сила без насилий и бунтовщики воюют с солнцем и хоть нет там счастья но все смотрят счастливыми и бессмертными... Неудивительно что я весь в пыли и п о п е р е ч н ы й... Призрачное царство... Я буду ездить по всем векам хоть и потерял две корзины пока не найду себе места.

(Некий злонамеренный подползает и слушает).

В афибе мне мало в подземном темно... Светил... Но я все изездил (к зрителям): Пахнет дождевым провалом.

Глаза лунатиков обросли чаем и моргают на небоскребы и на винтовых лестницах поместились торговки... Верблюды фабрик уже угрожают жареным салом а я не проехал еще и одной стороны. Что то ждет на станции.

(Поет).

— Не больше не меньше
Как резать пугатей
Держите держите
Пуляй пилюля
Волчка

О я смел закопчу путь свой и следа не оставлю...
Новое...

(Некий злонамеренный).

— Ты что ж неужели в самом деле полетишь?

Путешественник.

— А что ж? Что колеса мои не найдут своих
гвоздей?

(Некий стреляет, Путешественник укачивает,
кричит).

— Гаризон! Лови снаю
Спные... З. З. З! —

(Тогда злонамеренный ложится и покрывает
себя ружьем).

— Хотя я и не застрелился — из
застенчивости —

Но памятник себе поставил — тоже не глуп!
Мне первому памятник — замечательно!..
Двойка черная правит прямо на меня.

(Показывается будетлянский пулемет останавли-
вается у телеграфного столба).

— Ох жалоба! Что значит вид что поставил

вразплох своего врага — задумался...

Я без продолжения и подражания

(Входит забияка, разгуливает и поет).

— Сарча саранча

Пик пить

Пить пик

Не оставляя оружия к обеду за обедом

Ни за гречневой кашей

Не срежешь? Взапуски

(Некий нападает, стреляет молча несколько раз из ружья).

— В бой!

Ха-ха-ха! Неприятеля, что вы устали или не узнаете? Враги наступайте из решеток щелей вызывайте меня на поединок. Я сам сломал свое горло, обращусь в порох, вату, крючок и петлю... Или вы думаете крючок слачнее ваты?

(убегает и через минуту возвращается).

Кички в капусте!..

А... за перегородкой! Тащи его мертвеца

синеносого

(Неприятель тащит самого себя за волосы — ползет на коленях).

А трус сам себя выдаешь и проводишь!

(Забияка в стороне смеется).

Забияка — Презренный сколько в тебе могильной
пыли и стружек пойдй вытрусись и умойся не то...
(Неприятель плачет)

Злонамеренный; А, темя неприятеля! ты меня
считаешь за вилку и думу мою высмеивасшь но я ожидал
и не шел на тебя с мечом.

Я продолжение своих путей.

Я ожидал... Закопал свой меч осторожно в землю
и взявши новый мяч бросил его.

(Показывает прием футболиста).

В ваше стадо... Теперь смущены... Обморочены
не можете различить своих гладких голов и мяча
растерялись и прижались к скамеечке и мечи сами
лезут со страху в земь их пугает мяч:

если неверный бежь поразишь голову своего
хозяина и будет он бегать за нею в цветочном
продавальце...

2-я картина. Зеленые стены и пол.

(Проходят вражеские воины в костюмах турков —
по хромому от сотни — с опущенными знаменами
некоторые из них очень жирны).

(Один из воинов выступает и дает злонамеренному
цветы — тот топчет их).

Злонам. — Выйти на встречу себе с пегим конем
ружье под мышкой... А!

Я тебя давно искал наконец то вспотевший гриб —

(Затеваает с собою драку. Входят певцы в костюмах
спортсменов и силачи. Один из спортсменов поет):

Нет уже света цветов
Закройтесь гнилью небеса
(Я говорю не для врагов
а вам друзья)

Все порожденья дней осенних
И плод корявый лета
Не вас баяч новейший
Будет воспевать

1-й силач

— Идите улиц миллионы —
Иль тмени будет по-русски —
Скрежет полозьев тележных
И — сказать ли? — Головы узкие

Для себя неожиданно
Сонные стали драться
И такую пыль подняли
Будто брали Порт-Артур

(Хор).

Колесница победная едет
Двойка побед
Как отрадно под колеса
Ее упасть

1-й силач.

— Припечатана сургучом
Победа созревшая

Нам теперь все нипочем
Лежит солнце в ногах зарезанное!

Драку затейте с пулеметами
Их раздавите ногтем
Тогда скажу: вот вы
Силачи болье!

(Хор).

Пусть растопчут
Раскаленные кони
И завьются волосы
В запахе кожи!..

2-й силач.

Соль ползет к пастуху
Конь мост устроил в ухе
Кто вас держит на постах
Пробегайте по ребрам черным

Сквозь пар и дым
И рожки кранов
Встал на крыльце люд
Махает розгами чайня

1-й силач.

— Не выходите за линию огня
Птица летит железная
Машет бородой леший
Под копытом зарытой

Стонут фиалки
Под крепкой пятой
И молкнет палка
В луже гробовой

Оба силача (поют).

Скрылось солнце
Тьма обступила
Возьмем все ножи
Ждать взаперти

З а н а в е с .

3-я картина. Черные стены и пол.

(Входят похоронщики. Верхняя половина белая и красная нижняя черная).

(Поют).

Размозжить черепаху
Упасть на люльку
Кровожадной репы
Приветствуйте клетку

Пахнет гробом жирный клоп...
Черная ножка...
Качается расплющенный гроб
Извивается кружево стружек.

4-я картина.

(Разговорщик по телефону):

— Что? Солнце полонили?!
Благодарю. —

(Входят несущие солнце — сбились так что солнца не видно):

Один.

— Мы пришли из 10-х стран
Страшные!..

Знайте что земля не вертится.

Многие:

— Мы вырвали солнце со свежими корнями
Они пропахли арифметикой жирные
Вот оно смотрите

Один:

— Надо учредить праздник: День победы над
солнцем.

Поют:
(Хор).

— Мы вольные
Разбитое солнце...
Здравствует тьма!
И черные боги
Их любимца — свинья!

Один:

Солнце железного века умерло! Пушки сломаны
пали и шины гнутся как воск перед взорами!

Разговорщик: что?.. Надеющийся на огонь пушки
еще сегодня будет сварен с кашей!
Слушайте!

Один.

— На более плотные ступени
Выкованные не из огня
не железа и мрамора
Не воздушных плит

В дыму угаре
И пыли жирной
Крепнут удары
Здоровьем как свиньи
Ликом мы темные
Свет наш внутри
Нас греет дохлое вымя
Красной зари

БРН БРН

(ЗАНАВЕС).

ДЕСЯТЫЙ СТРАН.

2-я деймо 5-ая картина.

изображены дома наружными стенами но окна странно
идут внутрь как просверленные трубы много окон,
расположенных неправильными рядами и кажется что
они подозрительно движутся.

(Показывается “Пестрый глаз”):

прошлый уходит
быстрым паром
и задвигает засов
и череп скамейкой ускакал в дверь

(убегает как бы наблюдая за черепом).

(входят с одной стороны новые

с др. трусливые):

новые: мы выстрелили впрошлое

трус.: что же осталось что нибудь?

— ни следа

— глубока ли пустота?

— проветривает весь город. Всем стало легко дышать и многие не знают что с собой делать от чрезвычайной легкости. Некоторые пытались утопиться, слабые сходили с ума, говоря: ведь мы можем стать страшными и сильными.

Это их тяготило.

Трус. Не надо было показывать им проложенных путей, удерживайте толпу.

Новые. Один принес свою печаль, возьмите она мне теперь не нужна! он вообразил также что внутри у него светлее чем вымя
пусть покружится
(кричит).

(Чтец):

как необычайна жизнь без прошлого

С опасностью но без раскаяния и воспоминаний...

Забыты ошибки и неудачи надоедливо пищавшие в ухо вы уподобляетесь ныне чистому зеркалу или богатому водовместилищу где в чистом гроте беззаботные золотые рыбки виляют хвостами кк турки благодарящие

(потревоженный — он спал — входит толстяк)
толстяк:

голова на 2 шага сзади — обязательно!

все-то отстает!

У досада!

где закат? уберусь... светится... у меня все видно дома... скорей надо убираться...

(поднимает что-то): кусок самолета или самовара
(пробует на зуб)

сероводород!

видно адская штука возьму про запас... (прячет).

(чтец спеша):

я все хочу сказать — вспомните прошлое
полное тоски ошибок...

ломаний и сгибания колен... вспомним и сопоставим
с настоящим... так радостно:

освобожденные от тяжести всемирного тяготения мы
прихотливо располагаем свои пожитки кк будто
перебирается богатое царство

(толстяк поет):

застенчивость застрелиться
трудно в пути
пугамет и виселица
держат икру...

(Чтец перебивая): или вы не чувствуете как живут два мяча: один закупоренный кисленький и тепленький и другой бьющий из подземелья как вулкан опрокидывающий...

(музыка)

они несовместимы... (музыка силы)
лишь черепа обгрызанные бегают на единственных четырех ногах — вероятно это черепа основ... (уходит).

6-ая картина.

Толстяк:

10-ые страны... окна все внутрь проведены дом загорожен живи тут как знаешь

Ну и 10-ые страны! вот не знал что придется сидеть взаперти
ни головой ни рукой двинуть нельзя развинтятся или сдвинутся а как тут топор действует окаянный обстриг всех нас ходим мы лысые и не жарко а только парко такой климат скверный даже капуста и лук не растут а базар — где он? — говорят на островах...

а вот бы забраться по лестнице в мозг этого дома открыть там дверь № 35 — эх вот чудеса! да, все тут не тк-то просто хоть свиду что комод — и все! а вот блуждаешь блуждаешь

(лезет куда то в верх)

нет не тут все дороги перепутались и идут вверх к земле а боковых ходов нет... эй кто там наш есть подай веревку или голос стреляй... ксть! пушки из березы — подумаешь!

старожил:

вот пожалуйста вход прямо назад выйдете... а другого нет нет или прямо вверх к земле

— да страшновато

— ну как хотите

толстяк: завести бы часы свои.

эй оглобля куда у вас поворачиваются часы? стрелка?

внимательный рабочий:

назад обе сразу перед обедом а теперь только башня, колеса — видишь? (старожил уходит)

толстяк: ба, ой упаду (заглядывает в разрез часов: башня небо улицы вниз вершинами — кк в зеркале)

где бы заложить часы?

Рабочий:

не мечтайте не пощадят! Что же высчитайте — быстрота ведь сказывается. на два корневых зуба если класть по вагону старых ящичков да их пересыпать желтым песком да все это и пустить тк то сами подумайте

ну самое простое что они наскочат на ккую нибудь этакую трубу в кресле ну а если нет? ведь там народ весь забрался куда то тк высоко что ему и дела нет кк там чувствуют себя паровозы их копыта и проч. ну естественно!

рыскает печь косы

как нагонит антилопа

но в том то и дело
что никто не подставит лоба

ну а впрочем я оставляю все по прежнему (уходит)

(Толстяк из окна):

да да пожалуйста вот вчера был тут телеграфный
столб а сегодня буфет, ну а завтра будут наверно
кирпичи.

это у нас ежедневно случается никто не
знает где остановка и где будут обедат
эй ты прими ноги — (уходит через окно вверху)
(шум пропеллера за сценой. вбегает молодой человек:
поет испуганный мещанскую
песню):

ю ю юк
ю ю юк
гр гр гр
 пм
 пм
др др рд рд
 у у у
к н к н лк м
 ба ба ба ба

гибнет родина
от стрекоз
чертит лилии
паровоз

(слышен шум пропеллера)

не поймаюся в цепи
силки красоты

шелки нелепы
уловки грубы

Я пробираюсь тихонько
по темной дорожке
по узкой тропинке
под мышкой корова

черныя коровы
тайны знак
за седлом шелковым
спрятан клад

я втихомолку
им любуюсь
втиши тонкая иголка
прячется в шею

(идут спортсмены в такт линиям зданий):
сюда... все бежит без противления
сюда направляются со всех сторон пути
паровозят сто копытца
обгоняют обманывают неловких

просто давят
берегитесь чудовищ
пестроглазых...

будетлянские страны будут
кого беспокоят эти проволки пусть обернется спиной
(поют):

с высоты небоскребов
как безудержно
льются экипажи
картечь не так поражает даже

отовсюду льдят самокаты
смертью гробнут стаканы плакаты
Шаги повешены
на вывесках
бегут люди
вниз котелками
 (музыка — стук машин)
и косые занавески
опрокидывают стекла
гр жм
 км
одгн сирг врзл
 гл...

(необыкновенный шум — падает самолет — на сцене
видно поломанное крыло)

(крики)

з... з... стучит стучит женщину задавило мост
опрокинул

(после падения часть бросается к самолету, а часть
смотрящих):

1-й; с виду на сиде большое
 закуверкалай зачесался

2-й —

спренькуррезал стор дван ентал ти те

3-й — амда курло ту ти ухватилось усосало

(авиатор за сценой хохочет, появляется и все
хохочет):

Ха — ха — ха я жив

(и все остальные хохочут)

я жив только крылья немного потрепались да
башмак вот!

(поет военную песню):

л л л
кр кр
тлп
тлмт
кр вд т р
кр вубр
ду ду
ра л
к б и
жр
вида
диба

ВХОДЯТ СИЛАЧИ:

все хорошо, что
хорошо начинается
и не имеет конца
мир погибнет а нам нет
конца!

(Занавес).

1913

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены произведения А. Е. Крученых, опубликованные автором в персональных и коллективных сборниках, а также в периодических изданиях в период с 1910 по 1930 год.

Большинство текстов, опубликованных в малотиражных или труднодоступных изданиях, впервые переиздается после первой (и в большинстве случаев единственной) публикации. Рассмотрение эволюции текстов и указание всех последующих публикаций данное издание не предполагает (лишь в отдельных случаях в примечаниях указываются предыдущие публикации).

Основной вопрос, который пришлось решать при подготовке текстов к публикации, — вопрос текстологический. Учитывая специфику многих изданий А. Крученых, а также коллективных футуристических сборников, приходится признать, что в полной мере задача воспроизвести «живого» Крученых, таким, каким его знали читатели-современники, невыполнима и ряд существенных (порой — весьма существенных) потерь неизбежен. Так, литографированные, гектографированные и рукописные книги, издаваемые по инициативе Крученых и имевшие наиболее важное концептуальное значение для его творчества, адекватному переводу на типографский шрифт, естественно, не поддаются.

В некоторых случаях (сборники «Старинная любовь. Бух лесиный», «Ирониада» и др.) проблематичным оказался вопрос определения границ произведений.

Орфография текстов приближена к современным нормам (учтены реформы алфавита и грамматики), однако разрешить проблему орфографии в полной мере не представляется возможным. Кубофутуристы и поэты группы «41°» (а Крученых был одной из ключевых фигур в этих группах) декларировали нарушение грамматических норм как один из творческих принципов. Случалось, что они приветствовали и типографские опечатки. В произведениях Крученых, как и других «крайних», отказ от правил имеет такой очевидный и демонстративный характер, что любая редакторская правка оборачивается нарушением авторского текста. Однозначно дифференцировать намеренные и случайные ошибки, уверенно исправить опечатки в большинстве случаев невозможно. Поэтому за исключением правки, обусловленной реформами последующего времени, орфография произведений Крученых сохраняется в авторском (издательском) варианте. Пунктуация во всех случаях сохраняется без правок.

Настоящее издание состоит из четырех разделов, соответствующих жанрам опубликованных произведений: «Стихотворения», «Поэмы», «Романы», текст оперы «Победа над солнцем».

Раздел «Стихотворения» разделен на условные циклы, наименования которых соответствуют названиям персональных (а также совместных с В. Хлебниковым или Алягровым) сборников Крученых. Циклы расположены в хронологическом порядке, в соответствии с выходом в свет одноименных книг. Внутри циклов произведения расположены в порядке, определенном автором; большинство циклов полностью воспроизводят содержание авторских сборников. Завершается раздел «Стихотворениями разных лет», здесь представлены произведения, опубликованные в периодической печати и коллективных изданиях.

Примечания к текстам содержат сведения о публикации произведений, а также, в отдельных случаях, историко-литературный комментарий, в котором даются некоторые сведения о творческой истории произведения, приводятся суждения самого автора, а также отзывы критиков и мемуаристов; к некоторым текстам дан также реальный комментарий, раскрывающий значение отдельных понятий, имен, наименований.

Составитель выражает благодарность Т. Никольской, чьи замечания были учтены при подготовке рукописи к печати, а также А. Пучковой за техническое содействие.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МИРСКОНЦА

(1—3)

Крученых А., Хлебников В. Мирсконца. М.: [изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1912].

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ

БУХ ЛЕСИНЫЙ

(4—14)

Стихотворения этих циклов были опубликованы в трех совместных сборниках А. Крученых и В. Хлебникова: Старинная любовь (М.: [изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1912]); Бух лесинный (СПб.: Еуы, [1913]); Старинная любовь. Бух лесинный: 2 издание дополненное (Пг.: Еуы, [1914]). В настоящем издании тексты воспроизводятся по последней из указанных книг. Крученых в письме к Елене Гуро назвал «Старинную любовь» «книгой воздушной грусти» (цит. по: Харджи-

ев Н. Поэзия и живопись. (Ранний Маяковский) // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 58).

5. При первой публикации в сборнике «Старинная любовь» это стихотворение было посвящено О. Судейкиной-Глебовой. Судейкина-Глебова Ольга Афанасьевна (1885—1945) — драматическая актриса, танцовщица.

7. В «Бухе лесинном» стихотворение имело посвящение: «Первой художнице Петрыграда О. Розановой». Розанова Ольга Владимировна (1886—1918) — художница, поэтесса; автор иллюстраций к нескольким книгам Крученых.

9—11. *Наташа* — по-видимому, имеется в виду Наталья Александровна Герцен (Захарьина) (1817—1852) жена и двоюродная сестра А. И. Герцена. *Крутиц* — Крутицкий монастырь, упраздненный в конце XVIII века; его здания были переданы под казармы; в 1834—1835 годах здесь до отправки в ссылку находился арестованный Герцен.

ПОМАДА (15—18)

Крученых А. Помада. М.: изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, [1913].

15. Крученых в дальнейшем неоднократно обращался к этому стихотворению, считая его показательным примером использования в поэзии заумного языка, «из которого рождается новое заумное искусство и всякое иное вплоть до скрежещущей рожи Маяковского» (Крученых А. Предисловие // Чачиков А. Крепкий гром. М., 1919. С. 5). Время написания стихотворения — декабрь 1912 года — Крученых называл «временем возникно-

вения **ЗАУМНОГО ЯЗЫКА**, как явления, (т. е. языка, имеющего не подсобное значение), на котором пишутся целые самостоятельные произведения, а не только отдельные части таковых (в виде **припева, звукового украшения** и пр.)» (Крученых А. Фонетика театра: Книга 123. М., 1923. С. 38). В зависимости от направления теоретических исследований стихотворение приводилось автором в качестве примера стиха «подобного лихой рубке» (Крученых А. Сонные свистуны // Крученых А., Клюн И., Малевич К. Тайные пороки академиков. М., 1916. С. 16) или «тяжелой и грубой» звуковой фактуры слов (Крученых А. Фактура слова: Декларация. (Книга 120-ая). М., 1923 [1922]. С. [3]). В книге Крученых и Хлебникова «Слово как таковое» ([М., 1913]) полемически утверждалось, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» (С. 9). Инициатива создания стихотворения, по воспоминаниям Крученых, принадлежала Д. Бурлюку: «В конце 1912 г. Д. Бурлюк как-то сказал мне: «Напишите целое стихотворение из “неведомых слов”». Я и написал «Дыр бул щыл», пятистрочие, которое и поместил в готовящейся тогда моей книжке «Помада» (вышла в начале 1913 г.)» (цит. по: Харджиев Н. И. Судьба Крученых // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 301). Сам же Д. Бурлюк в своих мемуарах дает вполне рационалистическую дешифровку стихотворения: «“Дыр Бул щол” — Дырой будет уродное лицо счастливых олухов» (сказано пророчески о всей буржуазии дворянской русской, задолго до революции, и потому так визжали дамы на поэзо-концертах, и так запало в душу просвещенным стихотворение Крученых “Дырбулщол”, ибо чуяли пророчество себе произнесенное)» (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 43). О не-

желательности «умной» интерпретации «безумной или заумной поэзии “дыр бул”» в 1916 г. писал К. Малевич: «Поэт <Крученых. — С. К.> оправдывался ссылками на хлыста Шишкова, на нервную систему, религиозный экстаз и этим хотел доказать правоту существования “дыр бул”. Но эти ссылки уводили поэта в тупик, сбивая его к тому же мозгу, к той же точке, что и раньше» (Малевич К. Письма к М. В. Матюшину // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 190). Из негативных оценок стихотворения характерно мнение В. Брюсова, считавшего, что «эти сочетания букв, кроме того, что они абсолютно “не выразительны”, еще и крайне неприятны для слуха» (Брюсов В. Среди стихов: 1894 — 1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 389). С. Городецкий писал, что это стихотворение знаменует собой «доведение до абсурда <...> музыкальных принципов» в поэзии: «Тупик полнейший: явление изжито до последней степени» (Городецкий С. Музыка и архитектура в поэзии // Речь. 1913, 17 июня. С. 3). В полемической статье «Перчатка кубофутуристам» участник футуристической группы «Мезонин поэзии» М. Россиянский (Лев Зак) писал: «Кубофутуристов, сочиняющих “стихотворения” на “собственном языке, слова которого не имеют определенного значения”, <...> можно уподобить тому музыканту, который, вскричав: “истинная музыка есть сочетание звуков: да здравствует самовитый звук!” для подтверждения своей теории стал бы играть на немой клавиатуре. Кубо-футуристы творят не сочетания слов, но сочетания звуков, потому что их неологизмы не слова, а только один элемент слова. Кубофутуристы, выступающие в защиту “слова как такового”, в действительности, прогоняют его из поэзии, превращая тем самым поэзию в ничто» (Вернисаж: Вып. 1. М., 1913. С. 23—24). В. Хлебников писал Крученых в

августе 1913 г.: «Дыр бул щыл точно успокаивает страсти самые расхोдившиеся» (Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 367). «Красота поработила весь мир, — писал К. Чуковский, — и Крученых — первый поэт, спасший нас от ее векового гнета. Оттого-то корявость, шершавость, слюнявость, кривоножие, косноязычие, смрад так для него прятягательны <...>. Ему и смехунчики <имеется в виду стихотворение Хлебникова «Заключение смехом». — С. К.> гадки, ведь и в них еще осталась красота. Смехунчики есть бунт лишь против разума, а дыр бул щыл зю цю э спрум есть бунт и против разума, и против красоты! Здесь высшее освобождение искусства» (Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914. С. 128). Мнение о стихотворении П. Флоренского: «Крученых уверяет, что в его, ныне прославленном,

дыр бул щыл и т. д.

“больше национального, русского, чем во всей поэзии Пушкина”. Может быть, но именно, только “может быть”, но может быть — и наоборот. Мне лично это “дыр бул щыл” нравится: что-то лесное, коричневое, корявое, всклокоченное, выскочило и скрипучим голосом “р л эз” выводит, как немазаная дверь. Что-то вроде фигур Коненкова. Но скажете вы: “А нам не нравится”, — и я отказываюсь от защиты. По-моему, это подлинное. Вы говорите: “Выходка”, — и я опять молчу, вынужден молчать» (Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 183—184). Спустя десятилетие после создания стихотворения критик А. Горнфельд писал: «...Когда Крученых обратился к прошлому, застывшему миру с своим пламенным и могучим “будетлянским” призывом: “Дыр бул щур”, — то и он, конечно, не предполагал обогатить словарь; он был вне этого мелкого желания, он провозглашал новое Слово, а не бросал новые словечки» (Горн-

фельд А. Новые словечки и старые слова. Пб., 1922. С. 43—44). Примерно тогда же свое мнение о стихотворении выразил В. Львов-Рогачевский, утверждавший, что «бездарный кривляка Кручных дальше своего дырбул-шыл не пошел, весьма ловко, прикрывая свою бесталантность гениальным набором звуков» (Львов-Рогачевский. Имажинизм и его образносцы: Есенин. Кусиков. Марсенгоф. Шершеневич. М., 1921. С. 24). В 1924 г. И. Терентьев, называя стихотворение «азбукой футуризма», утверждал: «Дыр бул щил» — загадка, задача, непонятная 10 лет тому назад, а теперь уже не трудно — именно по звуку — догадаться, что это есть дыр а в б у д у щ е е!» (Терентьев. Кто Леф, кто Праф // Красный студент. 1924. № 1. С. 11—12). В. Ходасевич в статье «О формализме и формалистах» (1927) писал: «Знаменитое *дыр бул щыл* было исчерпывающим воплощением этого течения <футуризма. — С. К.>, его началом и концом, первым криком и лебединой песней. Дальше идти было некуда, да и ненужно, ибо все прочее в том же роде было бы простым “перепевом”» (Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 тт. М., 1996. Т. 2. С. 153). Аналогичную мысль Ходасевич высказывал в статье «Декольтированная лошадь» (1927): «После того как было написано классическое “дыр бул щыл” — писать уже было, в сущности, не к чему и нечего: все дальнейшее было бы лишь перепевом, повторением, вариантом. Надо было или заменить поэзию музыкой, или замолчать. Так и сделали» (Там же. С. 160—161). Вяч. Нечаев в своих воспоминаниях о встречах с Кручными в 1960-х гг. приводит его устную характеристику стихотворения: «Оно написано для того, чтобы подчеркнуть фонетическую сторону русского языка. Это характерно только для русского. Французы пробовали перевести на свой язык, да ничего не получилось. В русском языке это от русско-татарс-

кой стороны. Не надо в нем искать описания вещей и предметов звуками. Здесь более подчеркнута фонетика звучания слов. Вот у Некрасова:

То заорет: “го-го-го! — ту! ту!! ту!!!”
Вот и нашли — залились на следу.

(Крученых привел еще один пример из поэзии Некрасова, но, к сожалению, я не помню, какой).

Это есть в поэзии негров и в народной поэзии. Часто в детских считалках.

— Да, и у Гильена: “Майомбэ-бомбэ-майомбэ! сенсмайя, змея...” — добавил я. — Или у детей: “Эники-беники...”

— Пусть попробуют перевести или объяснить”, — закончил Алексей Елисеевич» (Минувшее: Исторический альманах. 12. СПб., 1993. С. 383—384).

ВЗОРВАЛЬ (19—29)

Крученых А. Взорваль. СПб.: [Еуы, 1913] (стихотворение «Я в ЗЕМЛЮ ВРОС...» печатаются по: Крученых А. Взорваль: 2-е изд. дополн. СПб.: [Еуы, 1913]).

19. С текстом этого стихотворения связано заглавие статьи В. Маяковского «Теперь к Америкам» (1914).

27. Впервые опубликовано в первом издании сборника «Взорваль» (без трех заключительных строк).

29. Впервые опубликовано: «Союз молодежи». При участии поэтов «Гилея». № 3. Пб.: «Союз молодежи», 1913 (с предваряющим стихотворение примечанием: «(написано на языке собственного изобретения)»). Впоследствии первая строка этого стихотворения приводилась автором в теоретических работах как показательный пример зауми (см., например, его «Декларацию заумного языка», выпущенную в Баку в 1921 г.).

ВОЗРОПЩЕМ (30—32)

Крученых А. Возропщем. СПб.: Еуы, [1913].

30. *Розанова* — см. прим. 7. *Бенарес* (Варанаси) — город в Северной Индии, место религиозного паломничества индуистов и буддистов.

31. В книге Крученых и Хлебникова «Слово как таковое», в которой приводятся примеры бюджетлянской театральной терминологии («новые зерцожные слова»), слово «деймо» объясняется как «действие, акт» (С. 13). *...хоть был пред носом... забыл повеситься...* Ср. начальное стихотворение сборника «Взорваль».

ПОРОСЯТА (33—41)

Зина В. и А. Крученых. Поросята. СПб.: [Еуы], 1913. Стихотворение «я жрец я разленился...» печатается по: Зина В. и А. Крученых. Поросята: 2-е дополн. издание. Пг.: [Еуы, 1914]. Зина В. — одиннадцатилетняя девочка; в обоих изданиях сборника «Поросята» были опубликованы ее стихотворения.

37. К. Чуковский писал, что Крученых заповедует Руси, «чтоб она и впредь, Свинья-Матушка, не вылезала из своей свято-спасительной грязи, — этакий, ей-Богу, свинофил!» (Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914. С. 113).

41. Впервые опубликовано (с вариантами): «Союз молодежи». При участии поэтов «Гилея». № 3. СПб., 1913. Поэт А. Тиняков так отзывался об авторе стихотворения: «Ал. Крученых ненавидит город, но чувства его тоже типично городские, повышенно-нервные, и его стишки

о том, как он лежит и греется “на теплой глине близ свињи”, рождены чисто городским отчаяньем» (Тиняков А. «Комплименты» // Дневники писателей. 1914, № 3/4. С. 25). Критик В. Полонский высказывал мнение, что это стихотворение «не нигилизм, и уж, конечно, не нечаевщина, и совсем не бунт, — это, попросту говоря, — маленькое свинство, от которого, право, совсем не стоит приходиться в большой ужас» (Полонский В. Литература и жизнь // Новая жизнь. 1914. Январь. С. 178). Профессор А. Редько писал по поводу этого стихотворения: «Да, “красота” есть во всем: есть в африканском идоле, есть и в свинях с “очервленной щетиной”, стоящих, “хвост завив”. Но если так, то отчего же не превратиться в соседа одной из них? Сказано и мысленно сделано. Поэт Алексей (Александр) Крученых удалился в “покои неги”, лег, стал наслаждаться испарью свинины и запахом псины и “подобрел на аршины”».

При таких условиях понятно, что поэты отрицают сладкозвучие классической поэзии, бранятся словами: “ваш Пушкин”. Они грубы, но откровенны и по своему “искренни» (Редько А. Литературно-художественные искания в конце XIX — начале XX в. Л., 1924. С. 114). «В будетлянском муравейнике, — писал позже Б. Лившиц, — хозяйственно организованном Давидом Бурлюком, всякая вещь имела определенное назначение. Красовавшаяся перед воротами в становище речетворцев навозная куча, на вершине которой, вдыхая запах псины, нежился автор “дыр-бул-щела”, висилась неспроста. Это было первое испытание для всех, кого привлекали шум и гам, доносившиеся из нашего лагеря. Кто только не спотыкался об эту кучу, заграждавшую подступ к хлебниковским грезогам и лебедивам!» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 441). «Свињи, рвота, навоз, ослы —

такова его жестокая эстетика», — писал о Крученых К. Чуковский (Чуковский К. Эго-футуристы и кубо-футуристы // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1914. Книга 22. С. 115).

УТИНОЕ ГНЕЗДЫШКО... ДУРНЫХ СЛОВ... (42—47)

Крученых А. Утиное гнездышко... дурных слов... [СПб.: Еуы, 1913].

ЗАУМНАЯ ГНИГА (48—54)

Крученых, Алягров. Заумная гнига. М., 1916 [1915]. Алягров — псевдоним Романа Осиповича Якобсона (1896—1982), выдающегося лингвиста, литературоведа, активного участника ОПОЯЗа, основателя Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков, одного из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении; в «Заумной гниге» Якобсон выступил в качестве поэта-заумника.

ВОЙНА (55—63)

Крученых А. Война. Пг., 1916.

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ (64—68)

Крученых А. Учитесь художники: Стихи. Тифлис, 1917.

ЛАКИРОВАННОЕ ТРИКО (69—117)

Крученых А. Лакированное трико. Тифлис, 4^т, 1919.

75. В стихотворении обыгрывается сюжет из греческой мифологии — рождение Афродиты из морской пены.

98. *Зданевич* Илья Михайлович (1894—1975) — писатель, живописец, издатель; соратник А. Крученых по группе «41°». *Остраф Пасхи* — третья часть заумной драматической пенталогии Зданевича «аслааблИчья».

102. *Тагор* Рабиндранат (1861—1941) — индийский писатель, общественный деятель. *Собинов* Леонид Витальевич (1872—1934) — известный оперный певец (лирический тенор).

106. *Рапэ* (фр. гарé) — нюхательный табак. *Шахнамена* — от названия эпической поэмы иранского поэта Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030) «Шахнаме».

107. *Эйфель* Александр Гюстав (1832—1923) — французский инженер, строитель Эйфелевой башни в Париже (1889).

111. *Терпентин* (греч. terebinthinos) — смолистая жидкость, выделяющаяся при ранении хвойных деревьев, используемая в качестве сырья для получения канифоли, скипидара, бальзамов.

112. *Лейферт* Абрам Петрович (Абрам-Пинкас) (1849—1912?) — купец 2-й гильдии, устроитель зрелищных мероприятий в Санкт-Петербурге.

МИЛЛИОРК (118—122)

Крученых А. Миллиорк. Тифлис: 4^т, 1919.

118. *Дредноут* (от англ. dreadnought — неустраши-

мый) — тип линейных кораблей. *Пепсин* (от греч. *pepsis* — пищеварение) — пищеварительный фермент, расщепляющий белки.

119. *Кубелик* Ян (1880—1940) — чешский композитор и скрипач-виртуоз; с 1901 г. неоднократно гастролировал в России.

ЗАМАУЛЬ (123—137)

Крученых А. Замауль. III. [Баку]: 41°, [1920].

125. *Индиговые* — выкрашенные индиго, кубовым красителем синего цвета.

126. *Эстуарий* (от лат. *aestuarium* — затопляемое устье реки) — однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

130. *Вечорка* (наст. фамилия — Толстая) Татьяна Владимировна (1892—1965) — поэтесса; в 1918—1919 была близка к футуризму; ей Крученых посвятил свой сборник «Цветистые торцы» ([Баку, 1920]). *Зингер* — здесь: обиходное название (по имени производящей компании — «Singer») марки швейных машин.

131. *Вечорка* — см. прим. 130.

134. *Эоценовый* (от греч. *eos* — утренняя заря и *kaînos* — новый) — название отдела палеогеновой системы (эоцен).

МЯТЕЖ (138—140)

Крученых А. Мятеж. [Баку]: 41°, 1920.

ЦВЕТИСТЫЕ ТОРЦЫ (141—166)

Крученых А. Цветистые торцы. [Баку]: 4^р, [1920].

153. *Вечорка* — см. прим. 130.

157. *Сафо* (Сапфо) (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса.

ГОЛОДНЯК (167—182)

Крученых А. Голодняк. М., 1922.

171. *Саконская* Нина (Антонина) Павловна (1896—1951) — писательница.

173. *Карборунд* (карбид кремния; SiC) — тугоплавкое химическое соединение. *Крупповский* — по названию германского металлургического и машиностроительного концерна («Крупп»).

176. *Зулусы* — народ группы банту в Западной Африке. *Я прожарил свой мозг, как шашлык, на железном пруте...* Ср. вариант стихотворения из сборника «Миллиорк». *Северянин* Игорь (Лотарев Игорь Васильевич) (1887—1941) — поэт-эгофутурист.

178. *Цикута* (вех) — род многолетних трав; в частности существует ядовитый вех, вызывающий отравления у человека и домашних животных. *Сиу* — группа индейских народов Северной Америки.

ЗУДЕСНИК (183—201)

Крученых А. Зудесник: Зудутные зудеса: Книга 119-ая. М., 1922.

191. *Би-ба-бо* — кукла, надеваемая на руку.

194. *Моряна* — ветер с моря. *Чиатуры* (Чиатура) — город в Грузии.

196. *Глуар де Дижон* (Gloire de Dijon) — сорт духов.

201. *Сити* — центральная часть Лондона.

ФОНЕТИКА ТЕАТРА (202—217)

Крученых А. Фонетика театра: Книга 123. М.: 41°, 1923. Стихотворения, вошедшие в эту книгу, представляют собой, по словам автора, «материалы для заумного зерцого, (театра), и для работы с актерами» (С. 20).

КАЛЕНДАРЬ (218—223)

Крученых А. Календарь: Продукция № 133. М.: Издание Всероссийского Союза Поэтов, 1926.

218. *Чарджуйные* — по названию туркменского города Чарджуй (Чарджоу). *Мессинский* — по названию итальянской провинции Мессина (остров Сицилия) с одноименным административным центром. *Бурлюкотит* — неологизм, образованный от фамилии «Бурлюк»; помимо «отца русского футуризма» Давида Бурлюка в футуристическом движении принимали участие его братья — поэт Николай и художник Владимир, а также сестры — Людмила, Марианна и Надежда.

220. *Эривань* (Эривань) — название города Ереван до 1936 г.

221. Впервые опубликовано под заглавием «Мокредная мосень» в сборнике: Крученых А., Петников Г., Хлебников В. Заумники. М., 1922.

ГОВОРЯЩЕЕ КИНО (224—243)

Крученых А. Говорящее кино: 1-я книга стихов о кино: Сценарии. Кадры. Либретто: Книга небывалая: Продукция № 150. М.: Изд. автора, 1928. В предисловии к книге автор писал: «Мало кто сомневается в том, что кино является боевым искусством сегодняшнего дня. В частности, советская кинематография растет и ширится с каждым годом, все больше захватывая общественное внимание. Естественно, что другие искусства <sic. — С. К.> (например, литература) должны стремиться к сближению с кинематографией. Одним из примеров такого сближения являются работы Бабеля (надписи к картине “Еврейское счастье”, сценарии “Беня Крик” и “Блуждающие звезды”). Надписи к картинам делали также Маяковский, Асеев, Шкловский и др. литераторы (главным образом Лефы).

Великий Немой очень близок к тому, чтобы заговорить. Более того, он уже начинает понемножку разговаривать, пока еще, правда, звукоподражательным лепетом; больше всего удаются музыкальные чисто-звуковые номера.

Сейчас еще трудно предсказать, во что выльется говорящее кино. Во всяком случае “Три Эргон” наделал достаточно шума, — и не без оснований.

В настоящей книжке я попытался свести Великого Немого с Великой Говоруньей — поэзией. Надо полагать, что им легко подружиться: кадр укладывается в стих и строфа становится эпизодом фильма.

Как и всякая первая попытка, моя книжка, по всей вероятности, не лишена недостатков. Но — лиха беда — начало. Я уверен, что слово, как таковое, и видимость, как

таковая, могут слиться в единый комплекс. И — кто знает — может быть этим начинается новый, небывалый род искусства.

Теперь — несколько замечаний по поводу содержания книжки.

Подзаголовки стихов («либретто», «кадры») не должны смущать читателя: это, конечно, не те либретто, которые просматриваются на заседаниях художественного совета кино-фабрики, и не те кадры, которые засняты в кино-ателье. Это — дневник небеспристрастного кинозрителя или, если угодно — стихотворные рецензии, иной раз довольно смело обращающиеся с деталями.

В этих стихах, кроме моментов чисто кинематографических (зрительные образы), есть и моменты чисто литературные — звукопись, быстрая перемена ритма и проч. (то же, что и в говорящем кино).

Но иначе — стихи невозможны. Иначе немислима первая книга стихов о кино, а я ее написал и — кто следующий?!» (С. 3—4).

224. «Три Эргон» — система записи звука непосредственно на киноплёнку; предложена немецкими изобретателями Й. Энглем, Г. Фогтом и И. Массолем в середине 1920-х гг.

225. Стихотворение связано с французским кинофильмом «Кин» (1924), поставленным по пьесе А. Дюма-отца «Кин, или Беспутство и гениальность»; режиссер — А. Волков. *Кин* Эдмунд (1787—1833) — английский трагический актер, прославившийся исполнением шекспировских ролей. *Мозжухин* Иван Ильич (1889—1939) — популярный киноактер; с 1920 г. — в эмиграции. *Лисенко* Наталия Андриановна (1884 или 1886—?) — киноактриса; с 1920 г. жила во Франции.

226. Впервые опубликовано в журнале «Советский экран» (1927. № 6), с вариантами. «*Катя* бумажный

ранет» (1926) — фильм режиссеров Э. Иогансена и Ф. Эрмлера. *Мариенфаг* — имеется в виду Мариенгоф Анатолий Борисович (1897—1962), поэт, прозаик, драматург, участник группы имажинистов. *Лиговка* — Лиговская улица (ныне — Лиговский проспект) в Санкт-Петербурге.

227. «*Катерина Измайлова*» (1927) — фильм режиссера Ч. Сабинского по повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда».

228. «*Три эпохи*» (1923) — американский кинофильм; режиссер — Б. Китон.

230. «*Наше гостеприимство*» (1923) — американский кинофильм; режиссер — Б. Китон.

231. *Ллойд Гарольд* (1893 — 1971) — американский комедийный киноактер и режиссер.

232. «*Декабристы*» (1927) — «историческая драма в 7 частях с прологом»; режиссер — А. Ивановский. *Полина Гебль* (Анненкова Прасковья Егоровна; 1800 — 1876) — жена декабриста И. А. Анненкова.

233. «*Митя*» (1927) — фильм режиссера Н. Охлопкова. *Эрдман* Николай Робертович (1902—1970) — драматург, киносценарист

235. «*Любовь втроем*» (1927) — фильм режиссера А. Роома (другое название — «Третья Мещанская»); сценарий А. Роома и В. Шкловского. *Третья Мещанская* — улица в Москве. *Кропоткин* Петр Алексеевич (1842 — 1921) — русский революционер, теоретик анархизма. *Авиакхим* (Общество друзей авиационной и химической обороны) — массовая добровольная общественная организация, существовавшая в 1925—1927 гг.; *День Авиакхима* отмечался в период с 11 по 14 июля.

237. «*Падение династии Романовых*» (1927) — документальный фильм; режиссер — Э. Шуб. *Виль-*

гельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг. *Братец Михаил* — Михаил Александрович (1878—1918), великий князь; в 1917 г. после отречения его брата Николая II также отказался от прав на престол. *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) — лидер партии октябристов, в 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства первого состава. *И болтовню керенскую...* Керенский Александр Федорович (1881—1970) — политический деятель, с 8 (21) июля 1917 г. — председатель Временного правительства.

238. «*Солистка его величества*» (1927) — фильм режиссера Вернера Михаила Евгеньевича (1881—1941). *Наташа* — главный персонаж фильма Наташа Некрасова. *Матильда* — персонаж фильма Матильда Плесинская; ее прототипом послужила знаменитая солистка балета Матильда (Мария) Феликсовна Кшесинская (1872—1971).

239. «*Варьетэ*» (1925) — немецкий кинофильм; режиссер — Э. А. Дюпон. *Шершеневич* Вадим Габриэлевич (1893—1942) — поэт, теоретик искусства; с 1913 г. — активный участник футуристического движения, в 1919—1924 гг. — лидер группы имажинистов.

240. «*Медвежья свадьба*» (1926) — фильм режиссера К. Эггерта (другое название — «Последний Шемет»). «*Багдадский...*» — имеется в виду американский фильм «Багдадский вор» (1924); режиссер — Р. Уолш. «*Гарри Пиль*». Пиль Гарри (1892—1963) — популярный немецкий актер и режиссер; в некоторых фильмах сыгранные им персонажи носили его собственное имя. «*Проститутка*» (1927) — фильм режиссеров О. Фрелиха и Н. Галкина. «*Победа женщины*» (1927) — фильм режиссера Ю. Желябужского по повести Н. С. Лескова «Старые годы в селе Плодомасове». «*Ро-*

зита» (1923) — американский фильм; режиссер — Э. Любич. «Поцелуй Мэри» — имеется в виду фильм «Поцелуй Мэри Пикфорд» (1927); режиссер — С. Комаров; Мэри Пикфорд (наст. имя и фамилия — Глэдис Мэри Смит; 1893—1979) — американская киноактриса. Верочка Прохладная — имеется в виду Холодная Вера Васильевна (1893—1919), популярная киноактриса.

241. Нарпит — профессиональный союз рабочих народного питания.

242. Инк (наст. фамилия — Ванштейн) Эмилия Владимировна (1899—1994) — балерина, актриса, театральный режиссер. Терентьев Игорь Герасимович (1892—1937) — поэт, теоретик искусства, театральный режиссер, соратник А. Крученых по группе «41°».

243. В сборнике «Говорящее кино» была опубликована заметка композитора В. Кашницкого «Музыка “Баллады о Фашисте”»: «Стихи А. Крученых, из всей современной русской поэзии, дают наиболее совершенный материал утверждению новой вокальной формы.

Композиторская работа над указанной балладой открывает безграничные возможности музыкальной интерпретации стиха. Необходимость обогащения существующих приемов вокального письма обусловлена самим материалом. Не говоря уже о ритмическом многообразии строф, я укажу на прием модуляции гласных (ле-у-у-на); слова, начертанием своим, прямо указующие на использование в сольной партии певческого приема *bouche fermée*, употребляемого лишь, как хоровое звучание, образующее гармонический фон (бом-м-м.); полные четырехголосные аккорды слов (шарж-жар-угар-бред); деление одного слова на две части — произносимую и распевную (с-с-с-адитесь); каденциальные рефрены (трам-та-ра-рам-дэе) и т. д.

Сюжет “Баллады” предельно драматичен, что вместе с техническими соображениями заставило меня при выборе голоса остановиться на драматическом теноре. Из исполнителей в первую очередь рассчитываю на Н. Н. Рождественского, первоклассного певца труднейших музыкальных сочинений» (С. 50).

ИРОНИЯДА (244—278)

Крученых А. Ирониада: Лирика. Май — июнь 1930 г. М.: издание автора, 1930. Героиня сборника — возлюбленная А. Крученых Ирина Смирнова. В предисловии к книге Крученых писал: «Забыть джаз-банд — это на повестке дня. Джаз-банд завоевал $1/2$ мира — надо джаз-банд сократить.

Изоощренность и новизна текста, ирония к существующему, заплывшему мещанством и тухлой чувственностью, введение новых интересов, ритма, словаря, — вот задача для поэта, перешагивающего “гастрономический” текстик.

Разумеется, все это дело необычайной трудности, тут возможны срывы, вывихи и надрывы...

Обращаясь к себе, считаю, что настоящая книга возможна лишь в “дискуссионном порядке”, а потому выпускаю ее в ограниченном тираже.

Друзья не осудят, а врагам “не даду”» (С. 2).

248. *Велимир Грозный* — В. Хлебников.

264. *Перелёшин Борис* — поэт, участник группы фунистов.

273—275. *Олеша Юрий Карлович (1899—1960)* — писатель, автор романа «Зависть», романа-сказки «Три толстяка». *Тибул, Гаспар Арнери, Суок, Раздватрис* — персонажи сказки «Три толстяка». *Бендина Вера* — актриса.

РУБИНИАДА (279—313)

Крученых А. Рубиниада: Лирика. Август — Сентябрь 1930 г.: Продукция № 178. М.: Изд. Автора, 1930. В предисловии автор писал: «Тема этой книжки — жара, юг, красные краски, раскаленные звуки, кричащее горло.

Если встречаются другие картины (одинокая грусть, анемичные идиллии и проч.), то это для контраста: они быстро проходят и сменяются, уже окончательно, торжествующими красными цветами и настроениями.

Вот тематическая и техническая задача книжечки» (С. 2).

292. *Коджоры* (Коджори) — климатический курорт в Грузии, вблизи Тбилиси.

304. *Гагрипш* — гостиница в Гагре. *Вертинский* Александр Николаевич (1889—1957) — эстрадный певец, автор песен.

306. *Кунцево* — город в Московской области (ныне в черте Москвы). *Рион* (Риони) — река в Грузии, впадающая в Черное море. *Кисловодск* — курортный город в Ставропольском крае.

311. *Плеханов* Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель социал-демократического движения, теоретик и пропагандист марксизма.

313. *ИНОТАСС* — Иностранный отдел Телеграфного агентства Советского Союза. *Макдональд Джеймс Рамсей* (1866—1937) — премьер-министр Великобритании в 1924 и 1929—1931 гг.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

314. Первое стихотворение А. Крученых, появившееся в печати. Опубликовано в херсонской газете «Род-

ной край» (1910, 9 января) в рубрике «Маленький фельетон» под псевдонимом: «А. Горелин». «Анатэма» и «Анфиса» — пьесы Л. Н. Андреева. «Бабочек бой» («Бой бабочек») — драма немецкого писателя Германа Зудермана. «Госпожа пошлость» — пьеса Н. Н. Ходотова. «Дети» — пьеса Н. А. Крашенинникова. «Звезда нравственности» — комедия В. В. Протопопова. «Зрелищ и хлеба» — («Хлеба и зрелищ»; «Panem et circenses») — крылатое латинское выражение, отражающее требования римской толпы в эпоху Империи. «Иола» — пьеса польского писателя Ежи Жулавского (1874—1915). «Козырь» — пьеса польской писательницы Габриэли Запольской (наст. фамилия — Корвин-Пиотровская; 1857—1921). «Мелкий бес» — инсценировка С. Н. Белой (Богдановской) одноименного романа Ф. Сологуба. «Маневры» — комедия немецких авторов Г. Шецлер-Перозини и Р. Кеслера. «Лоренцаччо» («Лоренцаччо») — пьеса французского писателя Альфреда де Мюссе (1810—1857). «Отцы и дети» — драма Л. Я. Никольского по одноименному роману И. С. Тургенева. «Лес» — комедия А. Н. Островского. «Старый закал» — драма А. И. Сумбатова-Южина. «Три сестры» — пьеса А. П. Чехова. «Измень» — возможно, имеется в виду пьеса Сумбатова-Южина «Измена». Мельпомена — муза, покровительница трагедии. «Черепослов» — имеется в виду «Черепослов, сиречь Френолог», оперетта в трех картинах «сочинения Петра Федотыча Пруткова (отца)» (то есть «отца» Козьмы Пруткова). «Человек большой» («Большой человек») — комедия И. И. Колышко. Путята (к. XI — нач. XII) — киевский тысяцкий, воевода Святополка II. «Чайка» — пьеса А. П. Чехова. «Электра» — трагедия древнегреческого драматурга Софокла; трагедия немецкого писателя Г. фон Гофмансталя. «Свадьба» —

сцена в одном действии А. П. Чехова.

315. Опубликовано: Пощечина общественному вкусу: В защиту Свободного Искусства: Стихи. Проза. Статьи. М.: изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913 [1912]. Это первое стихотворение, построенное по принципу «мирсконца».

316. Опубликовано: Садок судей II. СПб.: Журавль, 1913.

317—318. Опубликовано: Дохлая луна: Сборник единственных футуристов мира!! поэтов «Гилея»: Стихи, проза, рисунки, офорты. М. [Каховка]: Гилея, 1913.

319—325. Опубликовано: Хлебников В., Крученых А., Гуро Е. Трое. СПб.: Журавль, [1913].

326—328. Опубликовано: Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. [М., 1913].

329—330. Опубликовано: Рыкающий Парнас. СПб.: Журавль, 1914.

329. *Гуро* Елена (Элеонора) Генриховна (1877—1913) — писательница, художница, участница футуристического движения. Композитор Артур Лурье, имевший тесные творческие контакты с группой кубофутуристов, позже вспоминал: «Несмотря на свою репутацию бешеного футуриста и новатора, в личной жизни Крученых обнаруживал большую душевную нежность и человечность. Особенно она проявлялась в его отношении к молодой футуристке Елене Гуро, писательнице и художнице <автор «Шарманки»> .<...> Наш Крученых совершенно бескорыстно, без тени намека на какую-либо романтическую привязанность, трогательно заботился о Елене Гуро как о сестре, делясь с ней всем, что он имел. Был он, конечно, очень беден. Безвременная кончина Елены Гуро <в 1913 году> всех нас поразила, и Крученых сильно горевал, оплакивая потерю друга» (Лурье А. Наш марш // Новый журнал. Кн. 94. Нью-Йорк, 1969.

С. 133). «Осенний сон» — пьеса Е. Гуро. «... И неожиданное и нетерпеливо-ясное было небо между четких вечерних стволов... — цитата из прозаической миниатюры Гуро «Порыв» (Гуро Е. Шарманка: Пьесы, стихи, проза. [СПб., 1909]. С. 85).

331—332. Опубликовано: Молоко кобылиц: Сборник: Рисунки. Стихи. Проза. М. [Каховка]: Гилея, 1914.

333. Опубликовано: Крученых А., Хлебников В. Тэ ли лэ. СПб., 1914.

334. Опубликовано: Стрелец: Сборник первый. Пг.: Стрелец, 1915. Критик Ал. Ожигов (Н. Ашешов) писал о стихотворении: «Вы скажете — сумасшествие? Да. Отчего же сумасшедшие не могут говорить с нормальными людьми, если нормальные люди часто глупее сумасшедших? А безумие стоит на границе с гениальностью, — давно это сказано и указано.

Правда, г. Крученых оговаривается, что его “гвоздь в голову” относится к ощущениям “на Удельной”, т. е. в больнице для психически больных» (Ожигов Ал. О книге словесного пустозвонства // Современный мир. 1915. № 3. С. 168). М. Левидов отзывался о стихотворении следующим образом: «Неистово мрачный А. Крученых озаглавил свой opus: “На Удельной”, — что-то вроде опыта юмористической исповеди сумасшедшего. Стихотворение цельно, выдержанно, но навряд ли талантливо: образы скудны, слова бесцветны. <...>. Как видно, футуризм, насколько он выражался в знаменитом “Дыр... Бул... Щур...” для Крученых уже пройденный этап» (Левидов М. Сборник «Стрелец» // Наши дни. 1915. № 4. С. 11). Удельная — железнодорожная станция в пригороде Санкт-Петербурга, возле которой находился Дом призрения душевнобольных, ныне — психиатрическая больница им. И. И. Скворцова-Степанова.

335. Опубликовано: Терентьев И. А. Крученых

грандиозарь. [Тифлис: 41^о, 1919]. *Терентьев* — см. прим. 242.

336. Опубликовано: Неизданный Хлебников. Вып. XVI: Хлебников в Баку. М.: Изд. «Группы Друзей Хлебникова», 1930. Стихотворение сопровождается двумя авторскими примечаниями: «(Мой стишок, где рассказывается случай из жизни В. Хлебникова в Баку в художественном отделе Роста)»; «(Каюсь: в этом стишке я, увлеченный “мягкой поступью звука” написал “козюлеподобную”, на что Х-ов заметил: “Это значит змея, а коза (дикая) — козуля”. Я исправился, но, по правде говоря, девушка была больше похожа на змею)».

337—339. Опубликовано: Алая нефть: Сборник стихов. Баку: Издание Азцентропечати, 1920.

340—344. Опубликовано: Крученых А., Петников Г., Хлебников В. Заумники. М., 1922.

341. *Мюр-Мерилиз* — наименование (по имени владельцев) сети универсальных магазинов. *Зингер* — см. прим. 130.

342. *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1946) — поэт-символист, философ, филолог. *Скрябин* Александр Николаевич (1871/72—1915) — композитор, пианист.

345. Опубликовано: Крученых А. Фактура слова: Декларация. (Книга 120-ая). М.: МАФ, 1923 [1922].

346. Опубликовано: Крученых А. Сдвигология русского стиха: Трактат обижальный. (Трактат обижальный и поучальный): Книга 121-ая. М.: МАФ, 1922. Комментируя это стихотворение, автор писал, что в нем «первое сравнение — по сходству, второе — по контрасту и третье — случайное («нежное, какого даже не бывает — некая пещера, где ходят...»)». *Вомбат* — сумчатое млекопитающее.

347—349. Опубликовано: ЛЕФ. 1923. № 1.

347. *Никола* (Николай) — христианский святой.

Филипповским калачем — по имени Дмитрия Ивановича Филиппова, владельца сети булочных.

348. *Рур* — промышленный район в Германии, между реками Рур и Липпе; это и следующее стихотворение связано с Рурским конфликтом 1922—1923 гг., возникшим в связи с франко-бельгийской оккупацией Рура. *Дортмунд* — город в Германии. *Мильеран Александр* (1859—1943) — президент Франции в 1920 — 1924 гг.

349. *Антанта* (от франц. Entente — согласие) — наименование нескольких европейских союзов.

350. Опубликовано: ЛЕФ. 1923, № 2. *Гольфстрем* (Гольфстрим) — система теплых течений в северной части Атлантического океана.

351. Опубликовано: ЛЕФ. 1923. № 4. *Бухарин Николай Иванович* (1888—1938) — партийный и государственный деятель; в 1923 г. — член ЦК ВКП (б), редактор газеты «Правда», член Исполкома Коминтерна.

352. Опубликовано: Гудок. 1924. 3 февраля. *В. И. Ленин* (1870—1924) скончался 21 января.

353. Опубликовано: Огонск. 1924. № 9. *Колчак Александр Васильевич* (1873—1920) — адмирал, один из организаторов контрреволюции в Гражданскую войну.

354. Опубликовано: Поэты наших дней: Антология. М.: Всероссийский Союз Поэтов, 1924.

355. Опубликовано: ЛЕФ. 1925. № 3 (7). *Н. И. Харджиев* писал, что этот «антимилитаристский памфлет» представляет собой «конгениальную стиховую параллель “жестокий” гротескам Жоржа Гросса» (Харджиев Н. И. Судьба Крученных. С. 305).

356. Опубликовано: Новый Леф. 1927. № 10. *Чемберлен Невилл* (1869—1940) — премьер-министр Великобритании в 1937—1940 гг.

357. Опубликовано: Крученных А. 15 лет русского футуризма: 1912—1927 гг.: Материалы и комментарии:

Продукция № 151. М.: Изд. Всероссийского Союза Поэтов, 1928. *Инк Э.* — см. прим. 242.

ПОЭМЫ

358—359. Поэмы составили книгу: Крученых А. Пустынные. Пустынница: Две поэмы. М.: изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, [1913].

360. Поэма вышла отдельным изданием: Крученых А. Полуживой. М.: изд. Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, [1913]. *Ларионов* Михаил Федорович (1881—1964) — живописец, одна из центральных фигур русского авангарда.

РОМАНЫ

361. Роман впервые опубликован в журнале «ЛЕФ» (1924. № 2); в 1925 г. вышел отдельной книгой. В настоящем издании печатается по: Крученых А. Четыре фонетических романа: Продукция № 142. М.: Издание автора, 1927. В предисловии к этой книге Б. Несмелов писал: «“Уголовный роман” А. Крученых о разбойнике Ваньке-Каине представляется особо значительным явлением в творчестве этого своеобразного автора.

Здесь налицо все прежние черты поэта, здесь яркая и определенная, такая характерная для него, установка на фонетику, на звук. Роман воет и стонет, как его озверевший в длительном одиночном заключении герой, бросающийся даже на свою освободительницу.

— Оо-у, уу-а, о-о-ы-ы, у-у-у-у... Вот основной звукоряд, мучительное нарастание глухих гласных, которое разрешается в убийство, в хряк, в гром.

Эта смертоносная фонетика уложена, как обычно, в

заумные слова, в выразительнейшую заумь, ибо блат, воровское и разбойничье аргю, испещряющее строчки романа, — это, конечно, не фольклор, не быт, не анекдот, не бабелевщина, не купринские киевские очерки. Это — чистейшая заумь и ею остается, несмотря на прилагаемый автором словарик, из которого видно, что настоящих крученокских заумных слов, кроме, пожалуй, двух-трех междометий, здесь нет. Именно, просмотрев словарик этих причудливо перемешанных осколков сегодняшнего блата, южно-русского и сибирского диалектов, словечек Достоевского и выражений времен Пугачева, — именно после этого, при чтении романа, легко убедиться, как безразлично смысловое значение этих заумно-незаумных слов. Внимание целиком поглощается звукообразом, таким целостным и динамичным в романе.

Однако, этот дерзко обнаженный прием заумника находится в тесной связи с тем новым и необычным для Крученых, что есть в романе. Романе. Оставаясь чистой и мастерской звукописью, “Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица” есть роман в самом настоящем смысле, вещь насквозь сюжетная, больше того — фабульная. Это действительно уголовный, детективный, авантюрно-героический, чуть-чуть даже пародийный (“Похождения разбойника Чуркина”) роман. Наиболее квалифицированные идиоты, может быть, даже завопят от удовольствия, если заметят, что драматизм романа оправдан не только жутким основным звукорядом, но и психологически. Это у Крученых-то! Есть отчего взвыть узколобым “гунявым начтюрмакам” от поэзии!

Но это уже полное право и неотъемлемое свойство тоже-критиков — безнадежно и неизлечимо не понимать, что лабораторные опыты, как бы сенсационны они ни были, не есть самоцель, что приемы создаются как орудие сознательного и целемерного творчества.

А Крученых, подобно своему роману и его герою, из темных застенков, созданных литературными тюремщиками, из углов, наполненных запретительным шипом Коганов-Рогачевских, уходит в простор, в вольницу,

— на **Во-о-о-лгу** —

нового народного эпоса. Сейчас он готовит цикл поэм “Иоганн Протеза”, один из самых ярких литературных протестов против войны, этой фабрики механизированных обрубков человеческого мяса... И как смешны после этого шепелявые советы Крученыху:

— “А штоб вам пошмотреть на Пушкина?”

Встреча Крученыха с Пушкиным произойдет не у монумента на Страстной, а в уже близком признании массами нашего заумника — признании через головы хрипло лающих доберман-фричей» (С. 3—4).

Роман сопровождается авторским «Переводом блатных и малоизвестных слов»:

«Алмазник — вор-стеклорез.

Брать на дым — обманывать.

Гардал — горчица (южно-русское).

Засыпаться — попасться.

Кат — палач (великорусское).

Когти рвать — бежать на волю.

Лягавый — сыщик.

Марафет — кокаин.

Несгорушник — взломщик несгораемых шкафов.

Олюра } — проститутка или подруга вора (на
Суфлера } языке сибирских острогов, см. «Записки из Мертвого дома»).

Стопщик — налетчик.

Скокарь }
Уржан } — вор.

Фарт — удача.

Шкары — брюки.

Шмара — проститутка или подруга вора.

Шпана — мелкое жулье.

Штурмовать — воровать».

362. Роман вышел в свет отдельным изданием: Крученых А. Дунька-Рубиха: Продукция № 140/6. М.: Издание автора, 1926. В предисловии к роману автор писал: «Роман “Дунька Рубиха” — попытка изобразить женщину — Комарова без романтических прикрас-побрякушек: вскрыть патологически-будничную сторону убийства, со всеми отвратительными подробностями замывания пола, утаптывания трупа в ящик из-под мыла и т. д. Дунька — отнюдь не “роковая женщина” бульварного романа. Это — прозаическая скверная лукавая баба, “губящая” своих сообщников-бандитов за “каратики” и “рыжики”, зашитые в шубах. Совесть ее неспокойна с самого начала романа: хряск костей, случайно сорвавшегося с поезда парня, вызывает бред, выдающий ее мужу-бандиту. Выход один — новое убийство.

Дунькина слезливая песня перед убийством — только маскировка строго обдуманного плана бабы-притворщицы, скользящей в яму.

Сообщник — Гришка, следующий кандидат в мыльный подвальный ящик — спасается только благодаря аресту Дуньки.

Мещанская, бытовая, потная сторона бандитизма — вот что меня интересовало, когда я прорабатывал этот “уголовный роман”. Хулиганство, как таковое, не нашло еще отображения в моей словоплавильне, но его конечный этап — бандитизм, дал мне тему “Дуньки-Рубихи”» (С. 3). *Бутырки* — обиходное название Бутырской тюрьмы в Москве.

363. Опубликовано: Крученых А. Четыре фонети-

ческих романа. М.: Издание автора, 1927. *Ализарин* (фр. alizarine) — органический краситель. *А бедная Флорида Тараканова...* и далее. Ср. этот фрагмент со стихотворением «Дом Горгоны» из книги «Цветущие торцы».

364. Опубликовано: Крученых А. Четыре фонетических романа. М.: Издание автора, 1927.

«ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ»

Победа над солнцем: Опера А. Крученых. Музыка М. Матюшина. СПб.: Журавль, [1914]. В постановлении «Первого всероссийского съезда баячей будущего (поэтов-футуристов)», состоявшегося 18 и 19 июля 1913 г. в Уусикиркко (Финляндия), среди прочих решений значилось: «5) Устремиться на оплот художественной чуждости — на Русский театр и решительно преобразовать его.

Художественным, Коршевским, Александринским, Большим и Малым нет места в сегодня! — с этой целью учреждается н о в ы й т е а т р “Будетлянин”.

6) И в нем будет устроено несколько представлений (Москва и Петръград). Будут поставлены Дейма: Крученых “Победа над Солнцем” (опера), Маяковского “Железная дорога”, Хлебникова “Рождественская сказка” и др.

Постановкой руководят сами речетворцы, художники: К. Малевич, Д. Бурлюк и музыкант М. Матюшин» (цит. по: Малевич К. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 23—24). Оперные спектакли состоялись 3 и 5 декабря 1913 г. на сцене петербургского театра «Луна-парк». Музыку написал Михаил Матюшин, декорации и эскизы костюмов создал Казимир Малевич. Пролог, написанный В. Хлебниковым, предназначался не только

для оперы, но и для других футуристических спектаклей; примеры разработанной им новой театральной терминологии Хлебников приводит в письмах к Крученых (август 1913 г.) (см.: Собрание произведений Велимира Хлебникова: В 5 т. Л., 1933. Т. V. С. 299—300). Примеры «новых зерцожных слов» приведены также в книге «Слово как таковое»:

«обликмен, ликомен, ликаръ = актер

особы = действующие лица

людняк = труппа

застенчий = суфлер

деймо, сно, зно = действие, акт

деюга = драма

и т. п.» (Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. [М., 1913]. С. 13). Позже Крученых вспоминал: «Одно дело — писать книги, другое — читать доклады и доводить до ушей публики стихи, а совсем иное — создать театральное зрелище, мятеж красок и звуков, “будетлянский зерцог”, где разгораются страсти и зритель сам готов лезть в драку!

Показать новое зрелище — об этом мечтали я и мои товарищи. И мне представлялась большая сцена в свете прожекторов (не впервые ли?), действующие лица в защитных масках и напружиненных костюмах — машинообразные люди. Движение, звук — все должно было идти по новому руслу, дерзко отбиваясь от кисло-сладенького трафарета, который тогда пожирал все.

Общество «Союз молодежи», видя засилье театральных старичков и учитывая необычайный эффект наших вечеров, решило поставить дело на широкую ногу, показать миру “первый футуристический театр”. Летом 1913 г. мне и Маяковскому были заказаны пьесы. Надо было их сдать к осени. <...> У меня от спешки <...> получились некоторые недоразумения. В цензуру был послан

только текст оперы (музыка тогда не подвергалась предварительной цензуре), и потому на афише пришлось написать:

ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ

Опера А. Крученых

М. Матюшин, написавший к ней музыку, ходил и все недовольно фыркал:

— Ишь ты, подумаешь, композитор тоже — оперу написал!

Художник Малевич много работал над костюмами и декорациями к моей опере. Хотя в ней и значилась по афише одна женская роль, но, в процессе режиссерской работы, и она была выброшена. Это, кажется, единственная опера в мире, где нет ни одной женской роли! Все делалось с целью подготовить мужественную эпоху, на смену женоподобным Аполлонам и замызганным Афродитам. <...> И вот, в атмосфере, уже подготовленной <...> прессой, вслед за спектаклем Маяковского <трагедией «Владимир Маяковский»>. — С. К.>, 3 и 5 декабря шла моя опера.

Сцена была “оформлена” так, как я ожидал и хотел. Ослепительный свет прожекторов. Декорации Малевича состояли из больших плоскостей — треугольники, круги, части машин. Действующие лица — в масках, напоминавших современные противогазы. “Лицари” (актеры) напоминали движущиеся машины. Костюмы по рисункам Малевича же, были построены кубистически: картон и проволока. Это меняло анатомию человека — артисты двигались, скрепленные и направляемые ритмом художника и режиссера.

В пьесе особенно поразили слушателей песни Ис-

пуганного (на легких звуках) и Авиатора (из одних согласных) — пели опытные актеры. Публика требовала повторения, но актеры сробели и не вышли.

Хор похоронщиков, построенный на неожиданных срывах и диссонансах, шел под сплошной, могучий рев публики. Это был момент наибольшего “скандала” на наших спектаклях!

В “Победе” я исполнял “пролог”, написанный для оперы В. Хлебниковым.

Основная тема пьесы — защита техники, в частности — авиации. Победа техники над космическими силами и над биологизмом.

Солнце...

Заколотим в бетонный дом!

Эти и подобные строчки страшным басом ревели Будетлянские силачи. <...> Впечатление от оперы было настолько ошеломляющим, что когда после “Победы” начали вызывать автора, главный администратор Фокин, воспользовавшись всеобщей суматохой, заявил публике из ложи:

— Его увезли в сумасшедший дом!

Все же я протискался сквозь кулисы, закивал и раскланялся. Тот же Фокин и его “опричники” шептали мне:

— Не выходите! Это провокация, публика устроит вам гадость!

Но я не послушался, гадости не было. Впереди рукоплещущих я увидел Илью Зданевича, художника Ле-Дантю и студенческую молодежь, — в ее среде были наши горячие поклонники» (Крученых А. Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996. С. 63—64, 71—72). А в написанных в 1960 году воспоминаниях «Об опере “Победа над солнцем”» Крученых писал: «В сюжете оперы несколько линий:

1) Если уже была “дохлая луна”, то почему же не

быть побежденному солнцу? В литературном плане идея та же: надоела возня лириков с голубоватыми лунными ночами, блеском их, таинственными тенями, увеличивающими очи красавиц и т. д. и т. п. Так и солнце: очень уж тогда в годы расцвета символизма было распространено утверждение “будем как солнце”. А в поэтической основе оно рифмовалось преимущественно с червонцами — побольше золота, валюты, богатства, о чем тогда мечтало большинство “солнечных людей”. Но уже Маяковский в ранних стихах писал:

Крикнул аэроплан
и упал туда,
где у раненого солнца
вытекал глаз —

это *первый* удар и начало заката идола буржуазии.
Еще из Маяковского:

Ярче учи, красноязыкий оратор!
Зажми и солнце
и лун лучи
летящими пальцами
тысячерукого Марата!

Такое отношение встречается и во многих других его стихах и поэмах. Наконец, в общеизвестном стихотворении так называемое «солнце», поэт бьет <...> по плечу:

здорово, златолобо.

а ему в ответ:

Ты да я, нас, товарищ, двое,
это уже не божество, а обыкновенный рабочий, товарищ,
и если мы его *лица* еще вблизи не увидели, то луну близко сфотографировали и рассмотрели сзади.

Тут возникает вторая линия — космическая. Если в 1913 г. “Победа над солнцем” рассматривалась как фантастическое сумасбродство, то теперь вопросы космоса поставлены на научную основу и в опере несущие солнце (таки поймали это светило!) говорят:

корни его пропахли арифметикой,

то есть, если смотреть в корень, то овладение космосом это наука, где математика одна из главных <...>. В опере нет плавно плетущегося сюжета, он развивается резкими скачками: тут и Летчик с упавшим аэропланом, летавшим по этому заданию, и будетлянские силачи, и необыкновенные высотные здания с запутанными ходами и выходами, и оплакивающие солнце дельцы (хор похоронщиков), и черные боги дикарей (в пику золотому идолу), которым поется гимн. Заодно уж и их любимице *свинье*, как читал и напечатал я в своих книгах...» (Встречи с прошлым. М., 1990. Выпуск 7. С. 511—512). Из воспоминаний М. Матюшина: «В “Победе над солнцем” мы указывали на выдохшийся эстетизм искусства. <...> Солнце старой эстетики было побеждено... <...> Я объяснил (актерам. — С. К.), что опера имеет глубокое внутреннее содержание, что Нерон и Калигула в одном лице — фигура вечного эстета, не видящего “живое”, а ищущего везде “красивое” (искусство для искусства), что путешественник по всем векам — это смелый искатель, поэт, художник-прозорливец, и что вся “Победа над солнцем” есть победа над старым романтизмом, над привычным понятием о солнце как “красоте”. <...> Репетиций было всего две, наспех, кое-как. <...> Крученных играл удивительно хорошо две роли: “неприятеля”, дерущегося с самим собой, и “чтеца”. Он же читал пролог, написанный Велимиром Хлебниковым» (Матюшин М. Русские кубо-футуристы // Харджиев Н., Малевич К.,

Матюшин М. К истории русского авангарда. Stockholm, 1976. С. 150, 152). *Нерон* (37—68) — римский император с 54 г., *Калигула* (12—41) — римский император с 37 г.; оба из династии Юлиев-Клавдиев. *Порт-Артур* (ныне — Люйшунь) — бывшая русская военно-морская крепость в Китае; во время русско-японской войны 1904—1905 гг., после героической обороны, была сдана противнику. *Разбитое солнце... Здравствует тьма!* Ср. в стихотворении А. С. Пушкина «Вакхическая песня»: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!” *мир погибнет а нам нет конца!* Ср. концовку стихотворения “мир гибнет...”

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «А мне всё холодней...» 243
«Айчик...» 93
Акула и червяк («Шаркнув хвостом...») 310
Аншлаг («Молодая Рубината!») 237
Апендицит («Новая жизнь рождается с кровью...») 101
Аэро-крепость («Гворон-чорон...») 299
- «Бак моего завинченного сердца...» 102
Баллада («На хвосте мотоциклета Лейферта...») 106
Баллада о фашисте (Заготовка сценария)
 («Лето...») 211
Баллады о яде Корморане (I—V) 142
«Белокура кругла...» (Ирина больна, I) 226
Бессмертье («Мцэх...») 87
«Безма...» 101
битва («дрожь...») 85
Боев — кр («Дред...») 284
«Брак...» 103
Бунтарь («его тррззза чусь дчуз...») 160
- В. Бендиной (Три толстяка (кадры), II. «У доктора Гас-
 пара Арнери...») 231
«В зале «Бразилии»...» 128
в игорном доме («горячей иглою...») 36
«В моей пустодупельной голове...» 93
«в позоре бессмыслия...» 69

- «В полночь притти и уткнуться...» 91
- «В полночь я заметил на своей простыне черного и
твердого...» 151
- «В священный трепет прихожу...» (из писем Наташи к
Герцену, I) 50
- «В утишительном халате...» 247
- «В фашистскую ночь...» 255
- Варьетэ («—Что ты там делаешь, толстый колбас-
ник?...») 206
- Веселая жертва («В грязи на кухне мировой...») 281
- «Весна...» (Весна металлическая, VII) 151
- весна гусиная («те ге не...») 71
- Весна металлическая (I—VII) 148
- Весна с угощением («— Алла ! Алла! Велик
Алла!...») 146
- Весна — томлень (I—VI) 153
- «Вечорки тень накладывает лапу...» 125
- «взорваль...» 59
- Взрыв. Зачало (Разматывание имени, I. «Март выиграл,
вода пробита...») 221
- «взял иглу длиною три улицы...»
- «Вне всякой очереди...» (Гипербола — зачатие поэзии,
II) 235
- Военный вызов зау («Уу — а — ме — гон — э —
бью!...») 134
- Вомбат (маленький ленивый зверек) («— Любите ли вы
улыбку ленивого Вомбата?...») 292
- Вороняя осень («Дылдонит небо...») 287
- Восстание мудрости («Древний девиз...») 246
- Восток (I—III) 162
- «Всего милей ты в шляпке старой...» 47
- Вступление («У тебя огромное сердце...») 217
- Всход на горы («глыба...») 163
- Выздоровление («Человек живуче кошки!...») 227

Высоты (вселенский язык) («е у ю...») 263

«где тесен пыл бойница...» 272

Гипербола — зачатие поэзии (I—III) 234

«ГЛАЗ ГЛАВ ОКОНЧЕН...» 60

«глаза вылезли из кругом красные веки...» 85

Глод и мор («Ночь... Нучь... тычь... туч...») 135

«Глупости рыжей жажду...» 79

Глухой («Живу у иностранцев...») 90

Глухонемой («МУЛОМНГ...») 145

«ГО ОСНЕГ КАЙД...» 62

Говорящее кино («Три Эргон») (Ассонансы) («В «Доме Союзов»...») 174

Голод («Снопатыс поля ушли в преданье...») 132

Голод химический. Баллады о камне Карборунде (I—II) 136

Горло («рахам...») 158

«Гремит музыка. зной веселый...» (из писем Наташи к Герцену, III) 51

Гул Кавказа («Орман орган гаримон ха!...») 163

«Дама...» 131

«Дверь...» 261

Дэймо 65

Декабристы (Кадры) («Сквозь фижмы времени...») 188

Дом Горгоны («ФЛОРЕНСА...») 125

«ДОПИНГ...» 83

Дунька-Рубиха. Уголовный роман («В поезде едет Рубиха...») 350

«душа русская непреклонна...» 120

Душистое рвотное («С чужой Люлей...») 155

«Дывад...» (Восток, II) 162

«Дым покрашенных поздрей...» 121

«Дыр бул щыл...» (№ 1) 55

Евген. Онегин в 2 строч. («ЕНИ ВОНИ...») 82

«елигуш шУн Э...» 117

«Если б тошнило вас...» 76

«Если бьешься и злая рифма никак не выходит...» 92

«Если хочешь быть несчастным...» 46

Жарночь в Москве (Кадр лирический) («С привинченной к подушке головой...») 208

«железобетонные гири-дома...» 69

Женщина в пещере («Первоначально самки пахли...») 118

«жижа сквернословий...» 76

«Жизнь начинается так...» 219

«ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...» 58

Задорный вызов («Чхо — хох!...») 130

заумная (Весна металлическая, VI. «Кробато корбато...») 150

Звук (с ударением) («рыз мыщ!...») 118

«Зев тыф сех...» 125

«ЗЕМОХТИ...» 112

Зима («Холод до мозга всех позвонков...») 289

Зима bis («В странах без света и крови...») 290

Зудивец («Со смыслом жизни на 5-й минуте покончив...») 152

Зудуса («Ганизац... | Небоскребы! | Лаз | Луз...») 140

«ЗЮЗЯ виснет на лобном месте...» 96

«И БУДЕТ ЖУЖЖАТЬ за ф р а х т о в а н н ы й а э р о п л а н...» 157

«.....и он далечет...» (Весна — томлень, V) 155

И пр. И пр. (Разматывание имени, VI. «Не в открытом бою...») 222

«И так плаксиво пахнут...» 116

- И. Терентьеву на локоны мозга («В кудри мозга моего...») 280
- «И у нийе жених есть — как РОЯЛЬ ВО ФРАКЕ...» 102
- Идиллические пиявки («Не как чудо...») 247
- Идиллия галантерейная («При молодой луне...») 251
- Идиллия дачная («Прозрачность...») 251
- Идиллия со щебетом («Рубинная!...») 249
- Иезуитская (Баллады о яде Корморане, II. «Паюсный Корморан и Цикута, сестра милосердия...») 142
- Иезуитская bis (Баллады о яде Корморане, III. «Большой лежу...») 143
- Из бездны («бежать к вершинам тяжело...») 264
- Из жизни вождя (П Л А К А Т) («Был у Ленина костюм не новый...») 302
- Из комедий Гарри Ллойда. Либретто («Охотник смелый...») 187
- «Из нейтрального белого дегтя...» 96
- из писем Наташи к Герцену (I—III) 50
- Из Сахары в Америку 265
- Извозчичья («Осень... дохлая селезенка...») 170
- «Изменюсь ТЕСЬМОЙ ЧИЛИСТЕЙШЕЙ...» 100
- Илье Зданевичу («Как легко читается...») 99
- «иона...» 85
- Ирина больна (I—IV) 226
- «Ирина! Завяжи меня на сердце узлом...» 230
- «Ирина! Ну, улыбнись!..» 229
- ««Ирина — разрой берега»...» 228
- «Искарюты вы...» 88
- «ЙЫП ЧОРТОК ЗЪВ...» 82
- «к прекрасным далям нас зовет...» 273
- К Т*** («Тебя злоречие смешает...») 56
- «Кагоруют поэты...» (Ночные переполохи, I) 241

- «Каждый день, встречая в подъезде...» 106
- Катерина Измайлова (Леди Макбет Мценского уезда)
По Лескову («На Масленой...») 180
- Катька бумажный ранет (Либретто) («Мы по мосту стоим...») 176
- Кин — Мозжухин («Пропыленный Дюма...») 175
- «Клепанный восьмиствол...» 98
- «Когда бегущим ХАМБОЛОМ перевернуто...» 106
- «Когда девушку...» 280
- «Когда мне дали плюху...» 109
- «Когда на грани краха...» (Рубине от коммерсанта, I) 240
- «Кокетничая запонками...» 114
- «КОМЕТА ЗАБИЛАСЬ ко мне ПОД ПОДУШКУ...» 103
- «Компот из белых черешен...» (Весна — томлень, III) 154
- Конмир. Вселенная погибель («Вчера...») 134
- Контрасты («От ОЛЬ к ШЫ...») 99
- «копи богатства беги отца...» 278
- «КОРОЛЬ ДЕРЖИТ ЧОРТА...» 60
- Ксыр («хиз...») 162
- «куют хвачи черные мечи...» 43
- «Лакированное трико...» 94
- «летняя спячка ленивей зимы...» 122
- Лето армянское («Эрывань...») 167
- Лето городское («Антициклон...») 165
- Лето деревенское («Чарджуйных дынь золотое темя...») 165
- «Лирическое преступление...» 229
- «Лицо — циферблат...» (Весна металлическая, II) 148
- Лунатизм вокзала («ОТ ГРУСТИ...») 121
- «Луной гнилою...» 277

- Любовь втроем (Кадры) («Их трое в комнате одной...») 200
- Любовь втроем (Либретто) («На Третьей Мещанской...») 196
- «Малярия замирает...» 116
- Марожница богов («БОЖ...») 292
- Меланхолия тупая (Гипербола — зачатие поэзии, I. «Ты уехала на Кавказ...») 234
- «Меня заласкали...» 110
- «Меня засосало в люк...» 246
- «Мизиз...» 138
- «Мир кончился. Умерли трубы...» 263
- Митя (Кино-комедия Н. Эрдмана) («Какая-то провинция... сушь...») 191
- «Млень... фетерок куфырк...» (Весна — томлень, I) 153
- «Молодая Рубината!» (Аншлаг)
- «Моя душа больна дурной болезнью...» 98
- «Муху в душу запустили...» 127
- «МЫЛЬНЫЙ СЕВЕР В ОЧКАХ...» 128
- Мышь родившая гору (СОБАСНЯ) («Мышь, чихнувшая от счастья...») 92
- «на всех заковулках...» 123
- «На корешок поймал и тянешь...» 129
- «на самом дне затона — неладно...» 123
- На смерть вождя («На снегу...») 299
- На Удельной («Гвоздь в голову!..») 279
- «На хвосте мотоциклета в кашнэ лейтенанта...» 105
- «На хвосте мотоциклета Лейферта...» (Баллада) 106
- «На черном небесном бархате...» (Три толстяка (кадры), III) 233
- «Над землей будуи...» (Весна — томлень, VI) 155

- «Надо прыгом урвать...» 92
 «нарывающие вершины...» 126
 Наше гостеприимство (Кадры) («Посзд — задумчивая,
 дымная игрушка...») 186
 «не зримов у стен...» 274
 «Не падают мертвы стоят...» 86
 «Не унывай!..» (Радиогранат, III) 254
 «Нежность, как опьянение...» 223
 «НЕЛЬЗЯ СТРЕЛЯТЬСЯ...» 60
 Немножко спорту («Я выбегал для тебя 1000
 строк...») 239
 «Нет отрадней встречи в полночь с любимым
 другом...» 90
 «Ни смерть не небо не *разлучат*...» (из писем Наташи к
 Герцену, II) 50
 «Никогда еще жизнь...» 248
 «*Н*икто не хочет бить собак...» 49
 Новинка за новинкой (««Медвежья свадьба»...») 206
 Ночные переполохи (I—II) 241
 «О, умишко двух слов...» 96
 Обманутая («Коньяком опоили Богоматерь...») 282
 «Огненные шары прыгали по бесконечным сос-
 нам...» 218
 «Огненный столб РАЗМАХНУЛСЯ С НЕБА...» 94
 «Одни предложат тебе...» 230
 Ожгу, берегись! («— Полундра, сам лечу!») 224
 «Озazyчи ляма щад...» 97
 «Около чугунных нахмуренных ног...» 237
 «Он и старый и усталый...» 48
 «она сидит в салоне...» 121
 «опять влюблен нечаянно некстати произнес он...» 66
 Осень (ландшафт) («Сошлись черное шоссе с асфаль-
 том неба...») 169

- Осень обывательская («Сито... с-сипит. сиф...») 171
 «Оставив дарские заботы...» 54
 «От вздрогнувшей стены отделилась декушка...» 129
 «Открой глаза шепни...» 53
 Отрава («Элюстра зияет над графом заиндевелым...») 138
 Отрыжка («Как гусак») 88
 Отчаяние («из под земли вырыть...») 274
 Охлаждение («Моих детей не узнаете?») 277
 «Оязычи меня щедре ЛЯПАЧ...» 96
- «Падал грозою сундук...» 86
 Падение династии Романовых (Кадры) («В двенадцатом году...») 201
 «Палка утвердилась на плечо...» 112
 Памяти Елены Гуро. Из тетради заметок А. Крученых («...Когда камни летней мостовой...») 276
 Памятник («уткнувши голову в лохань...») 275
 1-ое мая («Грозной грозою...у») 298
 «перекошенный предчувствием...» 116
 Переход на побочный тротуар («когда из под локтя...») 124
 Песня шамана («Котеро...») 278
 Письмо ликарки Э. Инк Игорю Терентьеву о драматурге и сценаристе NN («Я думала: что это — бог...») 210
 «Плакал...» 95
 Плясовая (Баллады о яде Корморане, V. «Кормаранщик...») 144
 Плясовая (Голод химический. Баллады о камне Карборунде, II. «Карборунд — алмазный клац...») 137
 «По просьбе дам...» 104
 «По этой извилистой тропе...» 252
 Победа над солнцем 381

- «Под утро, как гейзер в нарзане...» (Предрассветные ребусы, I) 242
- «Подтрунила Руната...» 249
- Полуживой («Я смело бросился на нож...») 326
- Помада («Сладки цла...») 159
- Порт («пузатый боченок...») 113
- Порт («Румяно-шелковый сафлор...») 113
- Посвящается Карчи (Весна металлическая, III. «Кража со взломом — твой профиль...») 149
- «поскорее покончить...» 274
- Поучения («Надо питать интуицию...») 100
- Похибель хиляка («Холоной лысиной...») 306
- Пр. (Разматывание имени, V. «И клянусь земли прорывом...») 222
- Предрассветные ребусы (I—II) 242
- При гробовщике («рат та тат...») 44
- Приветствие (с татарским оттенком) («хырр быр рута!..») 159
- Продолжень (Разматывание имени, II. «Я понюхал...») 221
- Продолжень (Разматывание имени, IV. «Ириентация моя плоха...») 222
- Прохлада («Кюй — ю — лу...») 163
- Прыг с самолета («гб...») 84
- «псом мы выжба выд...» (Восток, III) 162
- «пугаль...» 59
- «пузатый боченок...» (Порт) 113
- Пустынники («Ах и горько, ах и сладко...») 315
- Пустынница («Милый мой ребенок...») 323
- Радиогранат (I—III) 253
- Разбойник Ванька-Каин и Сонька-маникюрщица (Уголовный роман) («В полночь...») 335
- Разгульная (Баллады о яде Корморане, IV. «Моторный

- красный Кармаран...») 143
- Разлучное («Вместо парного аппетитного мяса...») 243
- Разматывание имени (I—VII) 221
- Разрез завода («ф — форточка...») 291
- «Разрыхлились мои ребра...» 113
- «Раны мои как красные вёроны...» 118
- «раскричались девушки...» 49
- Ревнючность (Крылышко романа) («Милый Дориан — дрянь!...») 379
- «Режет влажную землю сошник...» 85
- Реквием (Баллады о яде Корморане, I. «О, темный яд грызущий Корморан...») 142
- Реквием (Голод химический. Баллады о камне Карборунде, I. «Карборунд — гремящий клад...») 136
- Ресторанные стихи («Я-сорвавшийся с петли...») 90
- Рубина на Кавказе. Гагры («Гамак...») 250
- Рубине от коммерсанта (I—II) 240
- «Рублем изрубленный...» (Рубине от коммерсанта, II) 241
- «Рубэна!...» (Радиогранат, I) 253
- «Румяно-шелковый сафлор...» (Порт) 113
- «Руната!» 238
- Рур радостный («Рур, ура!...») 297
- «Русская полячка...» (Эскизы портрета Ирины, I) 224
- Русь («в труде и свистве погрязая...») 71
- «Рыжим трактором гонит слюну...» (Весна — томлень, IV) 154
- «С закрытыми глазами видел пулю...» 86
- «С СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТОЮ ВО РТУ...» 107
- «с чисто бумажно-женским терпением...» 114
- Сальдо (Разматывание имени, VII. «Угрозные вздохи — ВЗДОР!...») 223
- «САФО...» 127
- Сдвиг («Урез стоял в углу...») 156

- «Сердце — такая мслочь...» 253
- «Сестер не будет и не надо!» (Весна металлическая, I) 148
- «Сигла сольня...» 159
- Сильно-хирургическое (Ночные переполохи, II. «Возле волны волос...») 241
- Скорбь колючая (Гипербола — зачатис поэзии, III. «Испуганная рецептами и эскулапами...») 236
- «Скучая без дела...» 102
- Сладкий плач («Зайкли...») 158
- «Слова мои — в охапку — многи...» 92
- «Слова мои — $\frac{\text{запозы}}{\text{сперматозоиды}}$ » (Весна металлическая, IV) 149
- Случай в «номерах» («В выпученных улицах...») 371
- Смерть кувырком («Стосковалась моя желёзка по кислице салату...») 104
- Смерть художника («привыкнув ко всем безобразьям...») 73
- Солистка его величества (Кадры) («Тонки пожки балерин...») 204
- Соп («майки сидят...») 44
- 45° жары («Куда деваться от мечтанья...») 271
- «Сперва я пакостно думал...» 255
- «старые щипцы заката...» 259
- «СТЕРИЛИЗОВАН. РЕВМЯ...» 83
- «Страстно-скромно, как желанная...» 249
- «Страшен только первый гудок крови...» 89
- «стУЧИТСЯ в СЕРДЦЕ...» 61
- «СУДЬБУ ПЕРВОКРАСАВКУ...» 124
- «СУРИЯ освещает пустынно...» 99
- «...Суровый идиот я грохнулся на стол...» 80
- Сырой срам («Сырамя...») 161

- «Та са мае...» (№ 3) 56
 Татьяне Вечорке («ТЕПЛОНОС...») 115
 Траурный Рур! («Рур...») 296
 «Три серы надумали звери...» 86
 Три толстяка (кадры) (I—III) 231
 Три эпохи («Вот герой летит в провал...») 185
 Три эпохи (Кадр) («Допотопный джентельмен...») 185
 30-ть пластинок («Шашни шелковых ресниц...») 217
 «Тринадцатилетние будьте готовы...» 95
 13 ЛЕТ («ЛЯ СО мелЬ...») 117
 Тропический лес («пробуждается и встает...») 70
 «Тут из пенки слюны моей чилистейшей...» 91
 «Ты воистину потеряла...» (Ирина больна, III) 226
 «Ты не модная злая львица...» (Эскизы портрета Ирины, II) 225
 «Ты отделилась от вокзала...» 244
 «Ты стала совсем...» (Ирина больна, II) 226
 «Ты стала теперь розовой...» 248
 1914—24 гг (Вольный перевод с немецкого) («Вы думаете, я натуральный?..») 307
 Тюлевая лень (Разматывание имени, III. «Солнце мле-ло...») 221
 «тянут коней...» 59
 «тянут кони...» 58
 «У «Ирины — разрой берега»...» (Эскизы портрета Ирины, III) 225
 «У ЛИФТА ЧУВСТВО ВЕКА...» 120
 «У меня изумрудно неприличен каждый кусок...» 94
 «У меня совершенно по иному дрожат скулы...» 89
 «У тебя не улыбка, а смех...» (Эскизы портрета Ирины, IV) 225
 Убийство от жары («Нет, не хватило квасу!...») 283
 «Уехала!...» 244

- «УКРАВШИЙ ВСЕ...» 83
«Умчалася...» 245
«упаца Чуме...» 88
«Упрямый и нежный как зеленый лук...» 101
Утро, бессовестно раннее 219
Уютная лирика (Вариант) (Предраасветные ребусы,
II) 242
- «фантазм...» 129
«фрот фрон ыт...» (№ 2) 55
- «ХАРЛАМИ ВОЮ САПУЛЬНУЮ...» 82
Херсонская театральная энциклопедия (««Анатэ-
ма»...») 257
Х И Р О М А Н Т («РАСКРЫЛ ЧАШЕЧКИ АКА-
ЦИЙ ...») 123
«хлюстра упала хилому графу на лысину...» 115
«ХО БО РО...» 112
«Хрюкает конь и учиться не хочет...» 275
- Цвесна («ТЦАК ЗЯРОСТНО...») 285
«Центроболь мне теперь нипочем...» (Радиогранат,
II) 254
Цирк («зерзал ноу...») 161
- Человек ниоткуда. Отрывок сценария по роману
Р. Бриджса («Начало просто...») 193
«Черюксуль...» (Восток, I) 162
«Чисто по женски нежно и ласково...» 110
Чорный гранат («Ветер дремучий...») 239
«Чтобы согреться, я стал поедать грибешки...» 95
- «ШЕСТИЗАРЯДНЫЙ КУБИК...» 99
«Шокрэтыц...» 187

Шугач («шуд чугал...») 151

«ЩЮСЕЛЬ БЮЗИ НЯБЕ...» 82

ЭМИЛИИ ИНК ликарке и дикообразке («Публичный бегемот питался грудью Инки...») 312

Эскизы портрета Ирины (I—V) 224

«ЭТО ПАУК В БЕНЗИНЕ...» 129

Эф-луч («Гудок раздавался все глуше...») 76

Юрию Олеша (Три толстяка (кадры), I. «Ура! Ура!..») 231

«Я в ЗЕМЛЮ ВРОС...» 61

«Я в небо мрачное гляжу...» 51

Я в отзывах («Не сердитесь, г. Лермонтов...») 120

«Я еще молод...» 71

«— Я живу по бесконечной инерции...» (Весна металлическая, V) 150

«Я жрец я разленился...» 73

«Я люблю мою Ирину!» 228

«Я нежусь в бесфасонницу...» 103

«Я писал это всю ночь...» (Ирина больна, IV) 227

«Я плюнул смело на ретивых...» 79

«Я поставщик слюны «аппетит» на 30 стран...» 108

«Я пошел В ПАРОВУЮ ЛЮБИЛЬНЮ...» 105

«Я прожарил свой мозг на железном пруте...» 109

«Я р е в н о в а ю тебя к теплой моряне...» (Весна — томлень, II) 154

Ядопой («...мне ж смерти нет...») 133

СОДЕРЖАНИЕ

О Кружсных. *Вступительная статья С. Красицкого* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

МИРСКОНЦА (1912)

1. «куют хвачи черные мечи...» 43
2. При гробовщике 44
3. Сон 44

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ БУХ ЛЕСИНЫЙ (1912–1913)

4. «Если хочешь быть несчастным...» 46
5. «Всего милей ты в шляпке старой...» 47
6. «Он и старый и усталый...» 48
7. «*Н*икто не хочет бить собак...» 49
8. «раскричались девушки...» 49
- 9–11. из писем Наташи к Герцену 50
 - I «*В* священный трепет прихожу...» 50
 - II «Ни смерть не небо не *р*азлучат...» 50
 - III «Гремит музыка... зной веселый...» 51
12. «Я в небо *м*рачное гляжу...» 51

13. «Открой глаза шепни...» 53
 14. «Оставив царские заботы...» 54

ПОМАДА (1913)

- 15—17. № 1. «Дыр бул щыл...» 55
 № 2 «фрот фронт ыт...» 55
 № 3 «Та са мае...» 56
 18. К Т*** 56

ВЗОРВАЛЬ (1913)

19. «ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...» 58
 20. «тянут кони...» 58
 21. «тянут коней...» 59
 22. «взорваль...» 59
 23. «пугаль...» 59
 24. «НЕЛЬЗЯ СТРЕЛЯТЬСЯ...» 60
 25. «ГЛАЗ ГЛАВ ОКОНЧЕН...» 60
 26. «КОРОЛЬ ДЕРЖИТ ЧОРТА...» 60
 27. «Я в ЗЕМЛЮ ВРОС...» 61
 28. «стуЧИТСЯ в СЕРДЦЕ...» 61
 29. «ГО ОСНЕГ КАЙД...» 62

ВОЗРОПЩЕМ (1913)

30. «взял иглу длиною три улицы...» 63
 31. Деймо 65
 32. «опять влюблен нечаянно некстати
 произнес он...» 66

ПОРОСЯТА (1913)

33. «в позоре бессмыслия...»	69
34. «железобетонные гири-дома...»	69
35. Тропический лес	70
36. в игорном доме	70
37. Русь	71
38. весна гусиная	71
39. «Я еще молод...»	71
40. Смерть художника	73
41. «Я жрец я разленился...»	73

УТИНОЕ ГНЕЗДЫШКО... ДУРНЫХ СЛОВ... (1913)

42. «жижа сквернословий...»	76
43. «Если б тошнило вас...»	76
44. Эф-луч	76
45. «Глупости рыжей жажду...»	79
46. «Я плюнул смело на ретивых...»	79
47. «...Суровый идиот я грохнулся на стол...»	80

ЗАУМНАЯ ГНИГА (1915)

48. «ЩЮСЕЛЬ БЮЗИ НЯБЕ...»	82
49. Евген. Онегин в 2 строч.	82
50. «ХАРЛАМИ ВОЮ САПУЛЬНУЮ...» ..	82
51. «ЙЬЫП ЧОРТОК ЗЬВ...»	82
52. «ДОПИНГ...»	83
53. «СТЕРИЛИЗОВАН. РЕВМЯ...»	83
54. «УКРАВШИЙ ВСЕ...»	83

ВОЙНА (1916)

55. Прыг с аэроплана	84
56. битва	85
57. «иона...»	85
58. «глаза вылезли из кругом красные веки...» ...	85
59. «Режет влажную землю сошник...»	85
60. «Не падают мертвы стоят...»	86
61. «С закрытыми глазами видел пулю...»	86
62. «Три серы надумали звери...»	86
63. «Падал грозою сундук...»	86

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ (1917)

64. Бессмертье	87
65. «Шокрэтыц...»	87
66. Отрыжка	88
67. «упача Чуме...»	88
68. «Искарюты вы...»	88

ЛАКИРОВАННОЕ ТРИКО (1919)

69. «Страшен только первый гудок крови...»	89
70. «У меня совершенно по иному дрожат скулы...»	89
71. Ресторанные стихи	90
72. «Нет отрадней встречи в полночь с любимым другом...»	90
73. Глухой	90
74. «В полночь притти и уткнуться...»	91

75. «Тут из пенки слоны мой чилистейшей...» ...	91
76. «Надо прыгом урвать...»	92
77. «Слова мои — в охапку — многи...»	92
78. «Если бьешься и злая рифма никак не выходит...»	92
79. Мышь родившая гору (СОБАСНЯ)	92
80. «Айчик...»	93
81. «В моей пустодупельной голове...»	93
82. «У меня изумрудно неприличен каждый кусочек...»	94
83. «Лакированное трико...»	94
84. «Огненный столб РАЗМАХНУЛСЯ С НЕБА...»	94
85. «Тринадцатилетние будьте готовы...»	95
86. «Чтобы согреться, я стал поедать грибешки...»	95
87. «Плакал...»	95
88. «Из нейтрального белого дегтя...»	96
89. «О, умишко двух слов...»	96
90. « ЗЮЗЯ виснет на лобном месте...»	96
91–92. I. «Оязычи меня щедра ЛЯПАЧ...»	96
II. «Оязычи ляма щад...»	97
93. «Моя душа больна дурной болезнью...»	98
94. «Клепаный восьмиствол...»	98
95. « ШЕСТИЗАРЯДНЫЙ КУБИК ...»	99
96. « СУРИЯ освещает пустыню...»	99
97. Контрасты	99
98. Илье Зданевичу	99
99. Поучения	100
100. «Изменюсь ТЕСЬМОЙ ЧИЛИСТЕЙШЕЙ ...»	100
101. «Упрямый и нежный как зеленый лук...» ..	101
102. «Безма...»	101
103. Апендицит	101

104.	«Скучая без дела...»	102
105.	«И у нийе жених есть — как РОЯЛЬ ВО ФРАКЕ...»	102
106.	«Бак моего завинченного сердца...»	103
107.	«Я нежусь в бесфасонницу...»	103
108.	«КОМЕТА ЗАБИЛАСЬ ко мне ПОД ПОДУШКУ...»	103
109.	«Брак...»	103
110.	«По просьбе дам...»	104
111.	Смерть кувыркoм	104
112.	«Я пошел В ПАРОВУЮ ЛЮБИЛЬНЮ...»	105
113.	«На хвосте мотоциклета в кашнэ лейтенанта...»	105
114.	Баллада	106
115.	«Каждый день, встречая в подъезде...»	106
116.	«Когда бегущим ХАМБОЛОМ перевернуто...»	106
117.	«С СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТОЮ ВО РТУ...»	107

МИЛЛИОРК (1919)

118.	«Я поставщик слюны “аппетит” на 30 стран...»	108
119.	«Я прожарил свой мозг на железном пруте...»	109
120.	«Когда мне дали плюху...»	109
121.	«Чисто по женски нежно и ласково...»	110
122.	«Меня заласкали...»	110

ЗАМАУЛЬ (1920)

123. «ХО БО РО...»	112
124. «ЗЕМОХТИ...»	112
125. «Палка утвердилась на плечо...»	112
126. Порт («пузатый боченок...»)	113
127. «Разрыхлились мои ребра...»	113
128. Порт («Румяно-шелковый сафлор...»)	113
129. «Кокетничая запонками...»	114
130. «с чисто бумажно-женским терпением...» ..	114
131. Татьяне Вечорке	115
132. «хлюстра упала хилому графу на лысину...»	115
133. «И так плаксиво пахнут...»	116
134. «Малярия замирает...»	116
135. «перекошенный предчувствием...»	116
136. «елигуш шУн Э...»	117
137. 13 ЛЕТ	117

МЯТЕЖ (1920)

138. Зверяк	118
139. «Раны мои как красные вѣруны...»	118
140. Женщина в пещере	118

ЦВЕТИСТЫЕ ТОРЦЫ (1920)

141. «душа русская непреклонна...»	120
142. Я в отзывах	120
143. «У ЛИФТА ЧУВСТВО ВЕКА...»	120

144.	«она сидит в салоне...»	121
145.	«Дым покрашенных ноздрей...»	121
146.	Лунатизм вокзала	121
147.	«летняя спячка ленивей зимы...»	122
148.	«на всех заковулках...»	123
149.	«на самом дне затона — неладно...»	123
150.	Х И Р О М А Н Т	123
151.	«СУДЬБУ ПЕРВОКРАСАВКУ...»	124
152.	Переход на побочный тротуар	124
153.	«Вечорки тень накладывает лапу...»	125
154.	«Зев тыф ссх...»	125
155.	Дом Горгоны	125
156.	«парывающие вершины...»	126
157.	«САФО...»	127
158.	«Муху в душу запустили...»	127
159.	«МЫЛЬНЫЙ СЕВЕР В ОЧКАХ...» ...	128
160.	«В зале “Бразилии”...»	128
161.	«фаптазм...»	129
162.	«ЭТО ПАУК В БЕНЗИНЕ...»	129
163.	«На корешок поймал и тянешь...»	129
164.	Задорный вызов	130
165.	«От вздрогнувшей стены отделилась декушка...»	130
166.	«Дама...»	131

ГОЛОДНЯК (1922)

167.	Глод и мор	132
168.	Голод	132
169.	Ядопой	133
170.	Военный вызов зау	134
171.	Конмир. Вселенная погибель	134

172—173. Голод химический. Баллады о камне	
Карборунде	136
I. Реквием	136
II. Плясовая	137
174. Отравы	138
175. «Мизиз...»	138
176. Зудуса	140
177—181. Баллады о яде Корморане	142
I. Реквием	142
II. Иезуитская	142
III. Иезуитская bis	143
IV. Разгульная	143
V. Плясовая	144
182. Глухонемой	145

ЗУДЕСНИК (1922)

183. Весна с угощением	146
184—190. Весна металлическая	148
I. «Сестер не будет и не надо!»	148
II. «Лицо — циферблат...»	148
III. Посвящается Карчи	149
IV. «Слова мои — $\frac{\text{занозы}}{\text{сперматозоиды}}$	149
V. «— Я живу по бесконечной инерции...» ..	150
VI. заумная	150
VII. «Весна...»	151
191. «В полночь я заметил на своей простыне черного и твердого...»	151
192. Зудивец	152

193—198. Весна — томлень	153
I. «Млень... фетерок куфырк...»	153
II. «Я р е в н о в а ю тебя к теплой моряне...»	154
III. «Компот из белых черешен...»	154
IV. «Рыжим трактором гонит слюну...»	154
V. «..... и он далечет...»	155
VI. «Над землей будун...»	155
199. Душистое рвотное	155
200. Сдвиг	156
201. «И БУДЕТ ЖУЖЖАТЬ за фрахто- в а н н ы й а э р о п л а н...»	157

ФОНЕТИКА ТЕАТРА (1923)

202. Горло	158
203. Сладкий плач	158
204. Приветствие (с татарским оттенком)	159
205. «Сигла сольня...»	159
206. Помада	159
207. Бунтарь	160
208. Шугач	160
209. Цирк	161
210. Сырой срам	161
211-213. Восток	162
I «Черюксуль...»	162
II «Дывад...»	162
III «псом мы выжба выд...»	162
214. Ксыр	162
215. Восход на горы	163
216. Прохлада	163
217. Гул Кавказа	163

КАЛЕНДАРЬ (1926)

218. Лето деревенское	165
219. Лето городское	165
220. Лето армянское	167
221. Осень (ландшафт)	169
222. Извозчичья	170
223. Осень обывательская	171

ГОВОРЯЩЕЕ КИНО (1928)

224. Говорящее кино («Три Эргон» (Ассонансы)	174
225. Кин — Мозжухин	175
226. Катька бумажный ранет (Либретто)	176
227. Катерина Измайлова (Леди Макбет Мценского уезда) По Лескову	180
228. Три эпохи (Кадр)	184
229. Три эпохи	185
230. Наше гостеприимство (Кадры)	186
231. Из комедий Гарри Ллойда. Либретто	187
232. Декабристы (Кадры)	188
233. Митя (Кино-комедия Н. Эрдмана)	191
234. Человек ниоткуда. Отрывок сценария по роману Р. Бриджса	193
235. Любовь втроем (Либретто)	196
236. Любовь втроем (Кадры)	200
237. Падение династии Романовых (Кадры) ...	201
238. Солистка его величества (Кадры)	204
239. Варьетэ	206
240. Новинка за новинкой	206

241. Жарночь в Москве (Кадр лирический) 208
 242. Письмо ликарки Э. Инк Игорю Терентьеву
 о драматурге и сценаристе NN 210
 243. Баллада о фашисте (Заготовка сценария)... 211

ИРОНИЯДА

(май—июнь 1930 г.)

244. Вступление 217
 245. 30-ть пластинок 217
 246. «Огненные шары прыгали по бесконечным
 соснам...» 218
 247. Утро, бессовестно раннее 219
 248. «Жизнь начинается так...» 219
 249—255. Разматывание имени 221
 I Взрыв. Зачало 221
 II Продолжень 221
 III Тюлевая лень 221
 IV Продолжёнъ 222
 V Пр 222
 VI И пр. И пр. 222
 VII Сальдо 223
 256. «Нежность, как опьянение...» 223
 257. Ожгу, берегись! 224
 258—261. Эскизы портрета Ирины 224
 I «Русская полячка...» 224
 II «Ты не модная злая львица...» 225
 III «У “Ирины — разрой берега”...» 225
 IV «У тебя не улыбка, а смех...» 225
 262—265. Ирина больна 226
 I «Белокура кругла...» 226
 II «Ты стала совсем...» 226
 III «Ты воистину потеряла...» 226
 IV «Я писал это всю ночь...» 227

266. Выздоровление	227
267. «Я люблю мою Ирину!»	228
268. «Ирина — разрой берега”...»	228
269. «Ирина! Ну, улыбнись!..»	229
270. «Лирическое преступление...»	229
271. «Одни предложат тебе...»	230
272. «Ирина! Завяжи меня на сердце узлом...»	230
273—275. Три толстяка (кадры)	231
I <u>Юрию Олеша</u>	231
II <u>В. Бендиной</u>	231
III. «На черном небесном бархате...»	233
276—278. Гипербола — зачатие поэзии	234
I) <u>Меланхолия тупая</u>	234
II) «Вне всякой очереди...»	235
III) <u>Скорбь колючая</u>	236

РУБИНИАДА

(август—сентябрь 1930 г.)

279. Аншлаг	237
280. «Около чугунных нахмуренных ног...»	237
281. «Руната!..»	238
282. Немножко спорту	239
283. Черный гранат	239
284—285. Рубине от коммерсанта	240
I «Когда на грани краха...»	240
II «Рублем изрубленный...»	241
286—287. Ночные переполохи	241
I «Кагорсеют поэты...»	241
II. Сильно-хирургическое	241
288—289. Предрассветные ребусы	242
I «Под утро, как гейзер в нарзане...»	242
II. Уютная лирика (Вариант)	242

290. Разлучное	243
291. «А мне всё холодней...»	243
292. «Уехала!»	244
293. «Ты отделилась от вокзала...»	244
294. «Умчался...»	245
295. «Меня засосало в люк...»	246
296. Восстание мудрости	246
297. Идиллические пивки	247
298. «В утишительном халате...»	247
299. «Ты стала теперь розовой...»	248
300. «Никогда еще жизнь...»	248
301. Идиллия со щебетом.....	249
302. «Подтрунила Руната...»	249
303. «Страстно-скромно, как желанная...»	249
304. Рубина на Кавказе. Гагры	250
305. Идиллия галантерейная	251
306. Идиллия дачная.....	251
307. «По этой извилистой тропе...»	252
308. «Сердце — такая мелочь...»	253
309—311. Радиогранат	253
I «Рубэна!»	253
II. «Центроболь мне теперь нипочем...»	254
III. «Не унывай!»	254
312. «Сперва я пакостно думал...»	255
313. «В фашистскую ночь...»	255

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

314. Херсонская театральная энциклопедия	257
315. «старые щипцы заката...»	259
316. «Дверь...»	261

317—318.

I. «Мир кончился. Умерли трубы...»	263
II. Высоты (вселенский язык)	263
319. Из бездны	264
320. Из Сахары в Америку	265
321. 45° жары	271
322. «где тесен пыл бойница...»	272
323. «к прекрасным далям нас зовет...»	273
324. «не зримов у стен...»	274
325. Отчаяние	274
326. «поскорее покончить...»	274
327. «Хрюкает конь и учиться не хочет...»	275
328. Памятник	275
329. Памяти Елены Гуро. Из тетради заметок	
А. Крученных	276
330. Охлаждение	277
331. «Луной гнилою...»	277
332. Песня шамана	278
333. «копи богатства беги отца...»	278
334. На Удельной	279
335. И. Терентьеву на локоны мозга	280
336. «Когда девушку	280
337. Веселая жертва	281
338. Обманутая	282
339. Убийство от жары	283
340. Боен — кр	284
341. Цвесна	285
342. Вороная осень	287
343. Зима	289
344. Зима bis	290
345. Разрез завода	291
346. Вомбат (маленький ленивый зверек)	292
347. Мароженица богов	292
348. Траурный Рур!	296

349. Рур радостный	297
350. 1-ое мая	298
351. Аэро-крепость	299
352. На смерть вождя	299
353. Из жизни вождя (П Л А К А Т)	302
354. Похибель хляка	306
355. 1914—24 гг (Вольный перевод с немецкого)	307
356. Акула и червяк	310
357. ЭМИЛИИ ИНК ликарке и дикообразке	312

ПОЭМЫ

358. Пустынники	315
359. Пустынница	323
360. Полуживой	326

РОМАНЫ

361. Разбойник Ванька-Каин и Сонька-маникюрщица (Уголовный роман) ..	335
362. Дулька-Рубиха. Уголовный роман	350
363. Случай в номерах	371
364. Ревнючость (Крылышко романа)	379
365. ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ	381

Примечания	407
Алфавитный указатель	448

Алексей Крученых.

Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. С. Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001 — 480 с.

ISBN 5-7331-0223-3

«Бука русской литературы», «футуристический иезуит слова», Алексей Крученых — одна из ключевых фигур и, пожалуй, самый последовательный в своих радикальных устремлениях деятель русского авангарда.

В настоящее издание включены произведения А. Е. Крученых, опубликованные автором в персональных и коллективных сборниках, а также в периодических изданиях в период с 1910 по 1930 г. Всего в издание вошло 365 текстов. Издание состоит из четырех разделов: «Стихотворения», «Поэмы», «Романы», текст оперы «Победа над солнцем». Большинство текстов, опубликованных в малотиражных или труднодоступных изданиях, впервые переиздается после первой (и в большинстве случаев единственной) публикации.

ISBN 5-7331-0223-3

9 785733 102238

Алексей Крученых
СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ,
РОМАНЫ, ОПЕРА

Редактор *П. В. Дмитриев*
Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98.

Подписано в печать 21.10.2000. Формат 70×90/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Академическая.

Усл. п. л. 32. Уч.-изд. л. 19. Тираж 3000 экз.

Заказ № 2577.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26.

Отпечатано с диапозитивов
в ГПП «Печатный двор» Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.